

Кому как не философу следует отдавать себе ясный отчет, что такое жизнь и что такое неизбежная смерть. Но пока мы живем, несмотря ни на что, мы должны сохранять человеческое достоинство, бодрость духа и главное — трудиться, поменьше прислушиваясь к обмену веществ в своем организме.

Как я часто повторяю себе и другим: матч должен состояться при любой погоде!

Давид Дубровский

*Ветеран Великой
Отечественной
войны. 2014 г.*

*После госпиталя,
лето 1944 г.
3-й Белорусский фронт*

...лишь в июне 1944 г., как раз в самом начале исторической операции «Багратион», когда наши войска прорвали фронт в Белоруссии и дошли до границ Германии, я попал на передовую. Я был в пехоте, потом после госпиталя в противотанковой батарее, участвовал только в одном бою, был довольно тяжело контужен, на всем теле множество ссадин, порезов, глубоких царапин, так что вся разорванная в клочья одежда пропиталась кровью, но ни одного серьезного ранения. После госпиталя — снова в пехоте. Главное, остался жив, как и мой отец, прошедший войну от начала до конца, в отличие от многих моих родственников, сложивших свои головы в разные годы войны...

*Выпускник философского
факультета Киевского
государственного
университета. 1952 г.*

Тема дипломной работы:
«О практических истоках формирования категорий пространства и времени (на материалах древнеегипетской иероглифики)».

Доктору философских наук, профессору, мастеру каратэ-до Давиду Израилевичу ДУБРОВСКОМУ — 85!

Д.И. ДУБРОВСКИЙ — специалист в области философии сознания, эпистемологии и методологии науки. Главный научный сотрудник Института философии РАН, сопредседатель Научного Совета РАН по методологии искусственного интеллекта, профессор философского факультета Высшей школы экономики

Давид ДУБРОВСКИЙ — обладатель черного пояса с 1986 г. Каратэ-до занимается более 40 лет. В 80-е годы был Председателем Всесоюзного центра изучения восточных единоборств при Философском обществе СССР, который учредил свои отделения во многих советских республиках и крупных городах, организовывал различные мероприятия, соревнования, пропагандировал каратэ путем показательных выступлений лучших мастеров, проводил семинары и конференции, издавал обширную литературу.

Философское общество СССР возглавлял академик Иван Тимофеевич Фролов, благодаря поддержке которого, а он был тогда Секретарем ЦК КПСС и главным редактором газеты «Правда», Центр мог успешно вести свою деятельность.

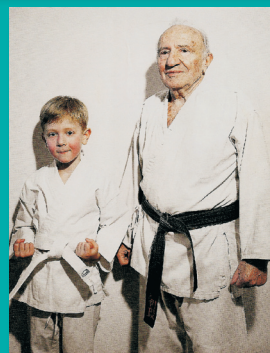

*Группа каратэ-до
ИФ РАН.
Руководитель —
Д.И. Дубровский.*

*Слева направо: С. Пронякова,
А. Руткевич, декан факультета
философии НИУ — ВШЭ,
получивший недавно коричневый
пояс, Р. Демина, М. Пронин,
Д. Дубровский, Ю. Божко,
С. Теплов. На этом фото, к
сожалению, не оказалось других
членов группы с многолетним
стажем занятий. Это С. Коняев,
В. Глазунов, Ф. Майленова,
С. Пирожкова.*

*Д.И. Дубровский в Московской школе каратэ-до
Уэчи-рю, куда он был приглашен для обмена опытом.
По правую руку от него руководитель школы,
известный мастер каратэ-до Уэчи-рю И.В. Горбунов.*

*Помимо группы каратэ,
которую Д.И. Дубровский ведет
в ИФ, у него есть еще одна группа —
его восьмилетний сын Саша.*

См. стр. 125

**Подписной индекс журнала «Философские науки»
в Объединенном каталоге «Пресса России» — 45490
Подписка в редакции — по электронному адресу: academyRH@list.ru**

3`2014

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

- ◆ БЕЖЕНЦЫ ЦИВИЛИЗАЦИИ
- ◆ СКУКА БЫТИЯ
- ◆ ВРОЖДЕННОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ
- ◆ МИР МЕГАМАСШТАБОВ
- ◆ БУТИК ДУХОВНОСТИ
- ◆ МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ФИЛОСОФИЯ
- ◆ СВОБОДА САМОУТВЕРЖДЕНИЯ

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

**Московские Международные
конференции по сравнительной
философии стали проводиться с начала
нового тысячелетия.
Институт философии РАН фактически
превратился в европейский центр
конференций философов
Востока и Запада**

Межкультурная философия — чрезвычайно богатая смыслами и целями рефлексия, не ограниченная рамками национальных или цивилизационных границ. Она нацелена на постижение и решение важнейших глобальных проблем посредством диалога как средства снятия напряженности, достижения взаимопонимания и взаимоуважения, нахождения новых способов совместного решения общезначимых проблем.

*Прием в Институте философии РАН в честь
участников Третьей московской международной
конференции по сравнительной философии.
Директор Института философии РАН
академик А.А. Гусейнов,
посол Индии в РФ Аджай Малхотра,
профессор М.Т. Степанянц*

- Проведение Московских международных конференций по сравнительной философии с широким участием зарубежных ученых, а также издание серии «Сравнительная философия» были бы невозможны без постоянной финансовой поддержки Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
- Опубликованный в 2013 г. 4 выпуск указанной серии достоин особого внимания в силу, по крайней мере, двух причин. Во-первых, впервые в мировой академической литературе проблема отношения между философией и наукой рассматривается в контексте культур Запада и Востока; во-вторых, впервые в отечественной литературе фиксируется появление новейшего феномена — межкультурной философии.

Мариэтта Тиграновна Степанинц —
Заслуженный деятель науки РФ, профессор,
доктор философских наук,
главный научный сотрудник и зав. кафедрой
ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур»
Института философии РАН.

Автор книг и статей, опубликованных более чем в 30 странах. Член Исполкома Международной федерации философских обществ; член совета директоров The Council for Research in Values and Philosophy (Washington).

Ответственный редактор двух отечественных академических серий: «История восточной философии» и «Сравнительная философия».

Член редколлегии журналов «Философские науки», «Историко-философский ежегодник», Вестник РУДН, серия «Философия», «Philosophy East & West Journal (Honolulu)».

За плодотворную работу и выдающиеся заслуги в исследовании истории и культуры таджикского народа, подготовке научных и научно-педагогических кадров, специалистов с высшим образованием для Таджикистана Указом Президента Республики Таджикистан награждена Орденом «Шараф» (1999). В 2006 г. удостоена Премии им. Г.В. Плеханова за серию работ: «Восточная философия», «Мир Востока. Философия: прошлое, настоящее, будущее», «Универсалии восточных культур», «Философские аспекты суфизма», «Реконструкция религиозной мысли в исламе». В 2010 г. награждена Серебряной медалью Института философии РАН «За вклад в развитие философии».

Члену-корреспонденту Российской Академии наук, доктору философских наук, профессору Пиаме Павловне ГАЙДЕНКО – 80!

Дорогая Пиам Павловна!

Редколлегия и редакция журнала «Философские науки» сердечно поздравляют Вас со знаменательной датой, желают здоровья, радостей в жизни, дальнейших успехов в исследовательской и преподавательской работе!

П.П. Гайденко является одним из крупнейших специалистов в области истории философии, науки и культуры, автор оригинальных исследований по экзистенциализму, феноменологии и герменевтике.

Пиам Павловна окончила философский факультет и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова, затем преподавала на кафедрах истории зарубежной философии МГУ, философии и истории науки РГГУ. С 1988 г. по настоящее время она работает в Институте философии РАН.

Одной из первых в нашей стране П.П. Гайденко обратилась к исследованию европейского экзистенциализма, в том числе М. Хайдеггера, К. Ясперса и С. Киркегора. Ее монография «Трагедия эстетизма» (М., 1970) стала заметным событием в интеллектуальной жизни страны.

Начиная с 70-х годов Пиам Павловна занимается изучением немецкого идеализма (Г.В.Ф. Гегель, И.Г. Фихте) и русской философии (В. Соловьев, Н. Бердяев, П. Флоренский, С. Булгаков, С. Франк). Результатом этой работы явились монографии «Философия Фихте и современность» (М., 1979), «Парадоксы свободы в учении Фихте» (М., 1990) и «Владимир Соловьев и культура Серебряного века» (М., 2001).

Многие годы в центре исследований Пиамы Павловны — проблемы онтологии, научной рациональности и истории науки: Эволюция понятия науки (VI в. до н.э. — XVI вв.). — М., 1980; Эволюция понятия науки (XVII — XVIII вв.). — М., 1987; Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. — М., 1997; История новоевропейской философии в ее связи с наукой. — М., 2000; Научная рациональность и философский разум. — М., 2003. Особым направлением в творчестве П.П. Гайденко является историко-философский анализ проблемы времени (Время. Длительность. Вечность. — М., 2006).

Глубокий знаток истории философии и науки, автор 13 монографий и более 300 статей, Пиам Павловна пользуется заслуженным авторитетом в России и за рубежом. Ей свойственно редкое в наше время умение излагать сложнейшие проблемы ясным и четким языком. Замечательные статьи и книги П.П. Гайденко неизменно оказываются в центре оживленной дискуссии, побуждают к поиску и разработке новых философских тем.

Конец 60-х годов

Студентка
1-го курса

Игорь Джохадзе

См. стр. 120

...Возвращение бытию его центрального места в философии — это задача, которая пока лишь поставлена и намечена в отдельных ее аспектах, но решать которую предстоит будущим поколениям философов, чтобы полностью освободиться от той тирании субъективности, которая характерна для новоевропейской философии, особенно для последних столетий, и составляет идеологическую основу индустриальной цивилизации с ее агрессивным наступлением на все живое, включая и самого человека.

П.П. Гайденко

Мыслителю и гуманисту Валентину Ивановичу ТОЛСТЫХ – 85! ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Валентин Иванович Толстых родился 28 февраля 1929 г. в Баку в семье рабочего-плотника. В 1944 г. семья переехала на постоянное место жительства в город Николаев на Украине.

С отличием окончил Одесский государственный университет им. И.И. Мечникова. Был рекомендован в аспирантуру на кафедру философии и завершил ее успешной защитой диссертации в украинской Академии наук в Киеве по актуальной тогда теме «Проблема типического в эстетике реализма». Преподавал в одесских вузах и два года был руководителем сценарной коллегии Одесской киностудии.

После женитьбы в 1960 г. В.И. Толстых переехал в Москву и до 1970 г. работал в Текстильном институте, а затем, успешно пройдя конкурс, стал старшим научным сотрудником Института философии АН СССР (ныне РАН), где работает и сейчас в качестве главного научного сотрудника. В Институте защитил докторскую диссертацию на тему «Искусство и мораль. О социальной сущности и функции искусства».

Организатор и бессменный президент клуба «Свободное слово» в течение 20 лет его деятельности.

Лауреат Государственной премии СССР — за создание учебника и внедрение в систему обучения профтехобразования учебного предмета «Эстетическое воспитание».

Награжден Серебряной медалью Института философии — за вклад в развитие философской науки.

Валентин Иванович Толстых — автор многочисленных монографических работ, научных статей, публицистических очерков, лучшие из которых по праву можно считать философской классикой нашего времени.

Владимир Шевченко

Валентин Толстых с женой Кирой в гостях у любимого соседа Тихона Хренникова.

См. стр. 141

Кира Канаева, актриса театра и кино, Лауреат Государственной премии СССР, с мужем Валентином Толстых. Египет, начало 80-х гг.

Леонид Гайдай и Валентин Толстых. Поездка советской делегации кинематографистов по маршруту Сан-Франциско, Лос-Анджелес/Голливуд, Сан-Диего... 1978 г.

В Японии. Валентин Иванович — руководитель делегации кинематографистов. Первая поездка в капиталистическую страну. 1963 г.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ МАРАФОН

Клуб «Свободное слово» возник в самый разгар перестройки, когда она набирала силу, а общество еще находилось в состоянии своеобразной эйфории, экстатического ожидания какого-то «чуда», притом не немецкого или японского, а именно русского; когда активничали, бушевали получившие «сверху» свободу и волю интеллигенты, горделиво именовавшие себя прорабами перестройки.

• Мы почувствовали тогда настоящую потребность общественного сознания в том, чтобы перейти от голой публицистики, «шока» обнародованных фактов и документов, а также несколько поверхностной апологетики перестройки к строго аналитическому, научно обоснованному рассмотрению возникших и набегавших снежным комом общественных проблем.

• Клуб должен был стать местом, где можно было бы в какой-то мере «очиститься» от случайных слов и терминов, попробовать строже и ответственнее мыслить, и опробовать в интеллектуальном марафоне основательность избранной гражданской позиции.

• Секрет витальной силы Клуба, временной неувядаемости, думаю, заключается в простых вещах. Для нас не было запретных тем и проблем, и мы не опускались никогда в их обсуждении до политиканства и безответственного пророчества. Каждый был волен изложить свою точку зрения, но никто не вправе был претендовать на безусловную правоту и признание.

• Сила Клуба состояла и держалась на старшинстве мысли, определяемой развитым чувством реальности и силой аргументов. Вот почему, за редчайшим исключением, в нашем клубе не пользовались вниманием и почтением экстремисты и талмудисты любого толка и разлива. Не собираясь никого учить «уму-разуму» и не настаивая на своих пристрастиях, мы добивались взаимопонимания, мыслительного и гражданского, что считалось высшим достижением любого обсуждения.

Валентин ТОЛСТЫХ

Валентин Толстых и Владимир Шевченко. Середина 90-х гг.

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3/2014

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «**Реферативный журнал**» и в **базы данных**
ВИНИТИ РАН, в библиографические базы данных научных
публикаций: **РИНЦ, Scopus, Web of Science (ISI)**.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**».

Москва
Гуманитарий

Международный редакционный совет:

Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция); **Брес И.**, проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция); **Дальмайр Ф.Р.**, д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция); **Кастийо М.**, д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Попович М.В.**, д.филос.н., проф., директор ИФ НАН Украины; **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Штольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания).

Редакционная коллегия:

Автономова Н.С., д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. АПН, вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, д.филос.н., декан филос. фак-та РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, директор ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ – ВШЭ; **Журавлев А.Л.**, чл.-кор. РАН, директор ИП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Мионов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Павлов А.Т.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, директор ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., зав. кафедрой НИУ – ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; **Северикова Н.М.**, к.филос.н., заслуж.н.с. филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, чл.-корр. РАО, 1-й зам.пред. комитета ГД ФС РФ по образованию; **Солонин Ю.Н.**, д.филос.н., зав. кафедрой культурологии СПбГУ; **Степаняц М.Т.**, д.филос.н., гл.н.с., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Степин В.С.**, ак. РАН, президент РФО; **Толстых В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ – ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., зав. лабораторией философии образования ИТИП РАО; **Фельдштейн Д.И.**, ак. РАО, вице-президент РАО; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН, проф. РАНХиГС.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Редактор международного отдела Чикин А.А.

Литературный редактор Феоктистова Т.А.

Научный редактор Липский Е.Б.

Ответственный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Романова Е.И., Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru <http://www.phisci.ru>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPS

RUSSIAN JOURNAL OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

3/2014

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the bibliographic databases:

Russian Science Citation Index, Scopus, Web of Science (ISI).

The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications *Ulrich's Periodicals Directory*.

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Council:

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, PhD, Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame; **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, PhD, S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Popovych M.V.**, D.Sc., Prof., Director of the Skovoroda Institute of Philosophy at the National Academy of Sciences of Ukraine; **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, PhD, George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK).

Editorial Board:

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HIE); **Feldshtein D.I.**, RAO Full Memb., Vice President of the Russian Academy of Education (RAO); **Gubin V.D.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, PhD; **Mikhaylov I.A.**, PhD, Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Pantín V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pavlov A.T.**, D.Sc., Prof., MSU; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HIE; **Pruzhinina A.A.**, PhD; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAO Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, PhD, Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS, Prof., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smolin O.N.**, RAO Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Solomin Yu.N.**, D.Sc., Head of the Department of Cultural Studies at the Saint Petersburg State University; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Stepin V.S.**, RAS Full Memb., President of the Russian Philosophical Society; **Tolstykh V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Tulchinsky G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HIE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Head of the Laboratory for the Philosophy of Education at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAO; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Corr. Memb., Director of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

International Department's Editor Chikin A.A.

Literary Editor Feoktistova T.A.

Science Editor Lipsky E.B.

Responsible Editor Komissarova L.B.

Executive Secretary Pruzhinina A.A.

Page Layout: Romanova E.I., Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru <http://www.phisci.ru>

Editor-in-Chief Marinosyan Kh.E.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ. НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Из истории и методологии науки ■

К юбилею В.И. Вернадского

<i>В.С. СТЕПИН</i>	Методологические идеи В.И. Вернадского и наука XXI столетия	7
<i>И.К. ЛИСЕЕВ</i>	Опередивший время	22

Философия и наука ■

<i>Т.С. АХРОМЕЕВА, Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, С.А. ПОСАШКОВ</i>	Концепции постнеклассики и развитие научного знания в XXI в.	30
<i>С.А. ЛЕБЕДЕВ</i>	Основные парадигмы эпистемологии и философии науки	47

Перспективы социальной консолидации ■

Круглый стол

Медиация как социокультурная категория

Часть 5. (Продолжение следует)

<i>Участники: З.Т. Голенкова, А.П. Давыдов, А.В. Жаворонков, А.С. Железняков, И.М. Клямкин, И.В. Кондаков, А.А. Пелипенко, В.В. Петухов, В.М. Розин, А.В. Тихонов, Г.Л. Тульчинский, И.Н. Трофимова, В.Г. Федотова, В.Ф. Хрустов, И.Г. Яковенко</i>		64
---	--	----

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Зарубежная философия.

Современный взгляд ■

<i>Е.В. ФАЛЕВ</i>	Дедукция времени в работах М. Хайдеггера периода «Бытия и времени»	84
-------------------	--	----

ИСТОРИЯ В СОБЫТИЯХ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

К 20-летию

Российского гуманитарного научного фонда ■

<i>М.Т. СТЕПАНЯНЦ</i>	Выходя на новые рубежи	100
<i>Н.И. КИЯЩЕНКО</i>	Рецензия на книгу: Идеология и процессы социальной модернизации (М., 2013)	116

ФИЛОСОФЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Юбилейные штудии ■

К юбилею Пиамы Павловны ГАЙДЕНКО

<i>И.А. МИХАЙЛОВ</i>	Эволюция российской философской культуры. Роль П.П. Гайденко	120
----------------------	--	-----

Давиду Израилевичу Дубровскому – 85!

<i>С.В. ПИРОЖКОВА</i>	Философия и каратэ-до. Путь к себе	125
-----------------------	---------------------------------------	-----

Валентину Ивановичу Толстых – 85!

<i>В.Н. ШЕВЧЕНКО</i>	Через диалог – к постижению эпохи: интеллектуальное подвижничество Валентина Толстых	141
<i>В.И. ТОЛСТЫХ</i>	Опыт общественной автобиографии личности (Из новой книги воспоминаний)	148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Конференции, семинары,
круглые столы ■**

<i>А.А. ФЕДУЛАЕВ</i>	«Смысл жизни князя Евгения Николаевича Трубецкого» (К 150-летию со дня рождения)	151
	Макс Шелер и современная философия (К 140-летию со дня рождения)	157
	■	
	Наши авторы	158
	■	
	About the Authors	159
	■	
	Contents	160

С условиями публикации материалов в журнале
и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте:
<http://www.phisci.ru/publish-terms>

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 10.02.2014 г. Формат 60х90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ
Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».
E-mail: humanist@academyrh.info

Из истории и методологии науки

К юбилею В.И. Вернадского

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
И НАУКА XXI СТОЛЕТИЯ**

В.С. СТЕПИН

Динамизм современных обществ предполагает формирование в их культурах особого слоя знаний, идей, образов и жизненных смыслов, выходящих за рамки уже сложившихся практик своей эпохи и адресованных практикам будущего. Авангард в искусстве, новые философские идеи и, конечно же, фундаментальные науки относятся к этому слою культурных феноменов. Они являются предпосылкой будущего социального развития.

В фундаментальных научных открытиях, как правило, потенциально содержится множество будущих технологий. Эти открытия меняют научную картину мира и порождают неожиданные для их эпохи следствия философско-мировоззренческого и методологического характера, причем актуальность этих следствий может возрастать на будущих этапах развития цивилизации.

Сегодня, когда обостряются глобальные кризисы (экологический, антропологический и др.), когда на повестке дня стоит вопрос о сценариях и стратегиях развития цивилизации, философское переосмысление многих, уже ставших историей, фундаментальных достижений науки может послужить импульсом к поиску продуктивных решений наиболее острых проблем современности.

Научное наследие В.И. Вернадского в этом отношении имеет особый статус. Оно уже многие десятилетия анализируется в различных областях современного знания (биологии, геологии, социальной антропологии, философии, истории науки и техники). И на каждом новом этапе обнаруживаются новые аспекты, казалось бы, уже известных идей, обретающих актуальность в контексте развития современной науки и цивилизации.

Сегодня учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере справедливо рассматривается как открывающее новое видение перспектив цивилизации. И хотя эта тематика уже достаточно

хорошо проработана, все же в ней есть особый, малопроясненный аспект — новая методология исследования, которая была встроена в понимание эволюции биосферы и ноосферы и во многом послужила истоком развития В.И. Вернадским представлений о системности эволюции. Эти представления опережали свое время и предвосхищали укореняющиеся в естествознании, социальных и технических науках XX — начала XXI вв. идеи самоорганизации и саморазвития сложных систем. Освоение таких систем в наше время определяет передний край научного и технологического прогресса.

Чтобы выяснить значимость методологических идей В.И. Вернадского для современного понимания и исследования сложных систем, целесообразно предварительно различить типы системных объектов.

В науке, с возникновения естествознания XVII в. и до настоящего времени, осваивались объекты, относящиеся к трем различным типам системной организации: 1) простые (механические) системы; 2) сложные саморегулирующиеся системы; 3) саморазвивающиеся системы.

Типы систем различаются по количеству элементов, входящих в систему и по характеру связей между ее элементами. Характер связей определяется через понимание того, что представляют собой часть и целое, причинность, вещь и процесс, пространство и время. Эта категориальная сетка необходима для описания любых типов систем.

Простые системы включают в себя примерно от 10^1 до 10^3 элементов¹. Отмечу сразу же, что это приблизительная характеристика. Она указывает лишь примерный порядок величины, характеризующей количество элементов в системе. К простым системам относятся, например, первые механические часы, паровая машина и другие механические системы эпохи первой промышленной революции, автомобиль, созданный в эпоху индустриализации и т.п. Конечно, автомобиль сложнее, чем механические часы, но он тоже относится к типу простых систем.

Для описания и понимания связей между элементами таких систем достаточно полагать, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого. Считается, что часть (элемент) внутри целого и вне его обладает одними и теми же свойствами. Особым образом интерпретируется соотношение вещи и процесса: вещь (тело) рассматривается как нечто первичное по отношению к процессу, а процесс трактуется как воздействие одной вещи на другую. Причинность в этом подходе редуцируется к лапласовской детерминации. Пространство и время рассматриваются как нечто внешнее по отношению к системе (объекту). По-

лагается, что состояние движения объектов никак не сказывается на характеристиках пространства и времени.

Теперь о сложных системах. Важно различать два их типа: а) сложные саморегулирующиеся системы; б) сложные саморазвивающиеся системы. Сложные саморегулирующиеся системы включают до 10^6 элементов². Такие системы дифференцируются на относительно автономные подсистемы, в которых происходит массовое, стохастическое взаимодействие элементов. Целостность системы предполагает наличие в ней особого блока управления, прямые и обратные связи между ним и подсистемами. Большие системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Примерами саморегулирующихся систем в технике являются кибернетические устройства от первых саморегулирующихся механизмов типа парового регулятора Уатта до современных систем управления спутниками и космическими кораблями, автоматических систем регуляции грузовых потоков с применением компьютерных программ и т.п. В живой природе в качестве саморегулирующихся систем предстают организмы, популяции, биогеоценозы, биосфера, рассмотренные в аспекте их функционирования. В обществе — это все социальные объекты (социум как целое, его различные подсистемы), рассмотренные как устойчиво воспроизводящиеся организованности.

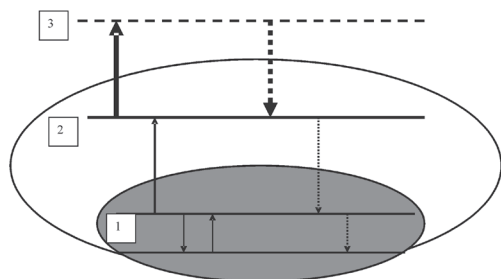
Категории части и целого применительно к сложным саморегулирующимся системам обретают новые характеристики. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, необходимо учитывать системное качество целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами. Так, органы и отдельные клетки в многоклеточных организмах специализируются, и в этом качестве существуют только в рамках целого. Будучи выделенными из организма, они разрушаются (погибают), что отличает сложные системы от простых механических систем, допустим, тех же механических часов, которые можно разобрать на части и из частей вновь собрать прежний работающий механизм. В сложных саморегулирующихся системах целое не только зависит от свойств составляющих частей (элементов), но и определяет их свойства. По-новому рассматривается соотношение вещи и процесса. Сложные системные объекты (вещи) предстают как процессуальные системы, самовоспроизводящиеся в результате взаимодействия со средой и благодаря саморегуляции. Причинность в больших, саморегулирующихся системах уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму (в этом качестве он имеет лишь ограниченную сферу применимости) и дополняется идеями «вероятностной» и «целевой причинности».

Первая характеризует поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействий в подсистемах, вторая — действие программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы. Возникают новые смыслы в пространственно-временных описаниях больших, саморегулирующихся систем. В ряде ситуаций требуется наряду с представлениями о «внешнем» времени вводить понятие «внутреннего времени» (биологические часы и биологическое время, социальное время).

Саморазвивающиеся системы представляют собой еще более сложный тип системной целостности, чем саморегулирующиеся системы. Они могут включать до 10^{14} элементов³. Этот тип системных объектов характеризуется развитием, в ходе которого происходит переход от одного вида саморегуляции к другому. Здесь саморегуляция выступает аспектом, устойчивым состоянием развивающейся системы. Смена вида саморегуляции системы представляет собой фазовый переход, который может быть охарактеризован в терминах динамического хаоса. В современной науке он описывается в рамках динамики неравновесных систем и синергетики.

Саморазвивающимся системам присуща иерархия уровней организации элементов и способность порождать в процессе развития новые уровни организации, причем каждый такой новый уровень оказывает обратное воздействие на ранее сложившиеся, перестраивает их, в результате чего система обретает новую целостность. С появлением новых уровней организации система дифференцируется, в ней формируются новые, относительно самостоятельные подсистемы. Вместе с тем перестраивается блок управления, возникают новые параметры порядка, новые типы прямых и обратных связей.

Изменения структуры саморазвивающихся систем по мере появления в них новых уровней организации и перестройки их прежних оснований можно изобразить посредством следующей схемы:

1. Исходная саморегуляция.
2. Новый тип саморегуляции, основанный на трансформации предшествующих уровней иерархии системы.
3. Потенциально возможный уровень организации при продолжении развития системы как возможность нового типа саморегуляции.

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются открытостью, обменом веществ, энергией и информацией с внешней средой. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий).

К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития. В технике нашего времени к ним относятся объекты современных нано- и биотехнологий и, прежде всего, генетической инженерии, системы современного проектирования, когда берется не только та или иная технико-технологическая система, но и еще более сложный развивающийся комплекс: человек — технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. К саморазвивающимся системам относятся современные сложные компьютерные сети, предполагающие диалог человек — компьютер, «глобальная паутина» — Интернет. Наконец, все социальные объекты, рассмотренные с учетом их исторического развития (системы экономики, социально-политическая сфера, культура и ее подсистемы), принадлежат к типу сложных саморазвивающихся систем.

Сложные саморазвивающиеся системы требуют особой категориальной матрицы. Категории части и целого включают в свое содержание новые смыслы. При формировании новых уровней организации происходит перестройка прежней целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо, но недостаточно зафиксировать наличие системного качества целого, следует дополнить это понимание идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы.

В сложных саморегулирующихся системах появляется новое понимание объектов как процессов взаимодействия. Усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Возникает два смысла процессуальности объекта (системы): она проявляется и как саморегуляция, и как саморазвитие, как процесс перехода от прежнего типа саморегуляции к новому.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает также расширение смыслов категории «причинность». Она связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности

развития. При этом направленность не следует толковать как фатальную predeterminedность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы в точках бифуркации формируют странные аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) реализации других ее сценариев.

Применительно к саморазвивающимся системам выявляются и новые аспекты категорий пространства и времени. Нарастание системой новых уровней организации сопровождается изменением ее внутреннего пространства-времени. В процессе дифференциации системы и формирования в ней новых уровней возникают своеобразные «пространственно-временные окна», фиксирующие границы устойчивости каждого из уровней и горизонты прогнозирования их изменений.

Как известно, идеи развития в философии возникли еще в древности (Индия, Китай, античная философия). Но в естествознании, в качестве научных концепций и теорий, они стали разрабатываться примерно с XVIII — начала XIX вв. Первоначально они формировались в рамках категориальных смыслов, выражающих особенности механических систем. Их первоначальной основой была механическая картина мира. Так обстояло дело со знаменитой гипотезой Канта — Лапласа о происхождении солнечной системы. Аналогичным образом можно оценить идеи эволюции организмов в концепции Ламарка, который использовал представления механической картины мира о невесомых субстанциях — носителях сил. Изменения органов в процессе приспособления к среде он объяснял накоплением в них электрического и магнитного флюидов и с этих позиций описывал эволюцию организмов и образование новых видов⁴.

Дальнейшее развитие биологии (теория Ч. Дарвина, становление генетики, идеи генетической эволюции, синтетическая теория эволюции) преодолевало узкие рамки механистических представлений.

К этому же приводила великая революция в физике и космологии первой половины XX в. (квантово-релятивистская физика, представление о нестационарной Вселенной, Большом взрыве и последующем изменении Метагалактики).

Наконец, уже в середине XX в., возникновение кибернетики и системного анализа завершило формирование представлений о сложных саморегулирующихся системах и соответствующей категориальной матрице, обеспечивающей их понимание и исследование. Это был необходимый и очень важный шаг к новому видению эволюции и ее описанию в терминах саморазвития

как смены одного типа саморегуляции новым, более сложным типом.

Во второй половине XX в. в различных областях научного знания были накоплены факты, концептуальное осмысление которых уточнило многие важные аспекты саморазвивающихся систем. Прежде всего, это касается закономерностей поведения таких систем на этапе качественных изменений, смены типа саморегуляции.

Переход системы в новое качество обычно характеризовался как фазовый переход, скачок, перерыв постепенности в развитии. Однако внутренняя динамика стадии «скачка» долгое время не была предметом специального анализа. Для этого не было соответствующих концептуальных средств. Ситуация изменилась с разработкой динамики неравновесных систем и синергетики.

Процесс качественного перехода был рассмотрен как стадия динамического хаоса, и закономерности поведения системы на этой стадии стали предметом специального анализа в терминах нелинейной динамики. Были выявлены многие сущностные характеристики динамического хаоса как состояния саморазвивающихся систем (особенности формирования аттракторов в нелинейной среде, режимы с обострением, возникновение в точках бифуркации множества вероятных сценариев развития и изменения этих вероятностей с формированием аттракторов, фрактальные размерности как характеристика пространства-времени системы и ее изменения, роль кооперативных эффектов в становлении порядка из хаоса и т.п.).

Математическое описание ряда этих особенностей характеризовало поведение широкого спектра сложных самоорганизующихся систем. Выработанные синергетикой концептуальные средства создали новые возможности анализа уже давно очерченных проблем эволюционной парадигмы.

Во второй половине XX в. эта парадигма получила новые импульсы. Были конкретизированы многие ключевые представления об эволюции Метагалактики. Достижения физики и космологии (доказательство общей природы слабого и электромагнитного взаимодействия, теория суперструн, концепция инфляционной стадии Метагалактики после Большого взрыва, антропный принцип, концепция Мультиверса — «Большой Вселенной») открыли новые возможности понимания ранних стадий космической эволюции. В научную картину мира вошли представления о поэтапном формировании четырех основных типов физических взаимодействий (гравитационного, сильного, слабого и электромагнитного), изменение в этом процессе пространственно-временных характеристик

мира и возникновение соответствующих типов элементарных частиц.

В научной картине мира прочно укоренилась идея глобального, универсального эволюционизма, согласно которой неживая природа, живая природа и общественная жизнь рассматриваются как три крупных стадии развития Вселенной, а каждая из них предстает в качестве развивающейся подсистемы единого сложного мира. Идея эволюции здесь интерпретируется особым образом — как органично связанная с той версией системного подхода, основой которой является представление о сложных саморазвивающихся системах⁵.

В.И. Вернадский не застал все эти достижения, утвердившие новое системное видение процессов глобальной эволюции Вселенной. Однако его концепции биосферы и ноосферы не только согласуются с современными представлениями о глобальной эволюции, но и органично включены в это понимание. Представления о живом веществе как о закономерном этапе космической эволюции, о его возникновении в неразрывной связи с процессами становления планетарной системы, включенность жизни в более широкий контекст геохимии Земли сегодня почти общепризнанны. В.И. Вернадский развил эти представления еще в первой четверти XX в. Его учение о биосфере и ноосфере сегодня можно оценить не только как предвосхищение, но и как одно из необходимых обоснований современного глобального эволюционизма.

Более того, в концепции В.И. Вернадского содержались чрезвычайно перспективные подходы, еще недостаточно осмысленные в качестве методологических регулятивов исследования сложных систем. Я имею в виду обнаружение В.И. Вернадским в ходе изучения биосферы тех особенностей саморазвивающихся систем, которые связаны с возникновением в них новых уровней организации и с их обратным воздействием на ранее сложившиеся уровни. Это кардинальная особенность любой сложной саморазвивающейся системы, которая при каждом новом усложнении воспроизводит себя как единое процессуальное целое и лежит в основе понимания Вернадским эволюции биосферы. Она неявно присутствует в его определении биосферы.

О биосфере как включающей все разнообразие живых организмов писал еще Ж.-Б. Ламарк. Но В.И. Вернадский определяет понятие биосферы иначе. Различая живое вещество (организмы) и неживое, косное вещество планеты, он определяет биосферу как *биокосную* систему, в которой живое вещество соединено с особой подсистемой косных тел планеты, с которой оно непосредственно взаимодействует и обменивается атомами в процессе своей жизнедеятельности. Эта подсистема косных тел меняется под воздей-

ствием живых тел. Эволюция живых существ, возникновение их новых видов приводит к расширению и преобразованию «косной составляющей» биосферы. Между ними есть «непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество биосферы и обратно»⁶. «Сама биосфера есть сложное планетарное биокосное тело»⁷, которое эволюционирует как целостная система. Ведущую роль здесь начинает играть развитие биологической составляющей.

Каждый новый этап биологической эволюции, каждый возникающий в этом процессе новый уровень организации живого изменяет включенные в биосферу косные тела. Под влиянием возникающих в процессе эволюции новых уровней организации живого (новых видов организмов) изменился газовый состав атмосферы, состояние мирового океана, почвенные воды. Большая часть осадочных горных пород также является результатом жизнедеятельности организмов. В этой связи, отмечая новое и более богатое содержание понятия биосферы в концепции В.И. Вернадского, известный отечественный биолог Н.В. Тимофеев-Ресовский писал, что «основным деятелем, разрушающим первичные горные породы, и являются живые организмы, которые ритмически, днем и ночью меняют реакции — с кислой на щелочную, со щелочной на кислую — в своем окружении»⁸. Живое вещество биосферы накапливает, концентрирует и транспортирует рассеянные в природе элементы и вещества, разрушает и измельчает первичные горные породы вулканического происхождения, превращает их в глины и пески, которые, слежавшись, образуют песчаники, известняки, мел и т.п.⁹ Вещество «образуемое трупами живых организмов как растительных, так и животных, создает то, что мы потом в просторечии называем просто “землей” — черноземом, сероземом, глиноземом и т.п.»¹⁰

Согласно концепции В.И. Вернадского, все эти трансформации косного вещества биосферы в биокосное можно рассматривать как включение в современное состояние биосферы былых биосфер¹¹.

Биохимия живого воздействует на геохимию косного вещества, и в результате в биосфере формируется особый слой биогеохимических взаимодействий. Каждая новая трансформация биогеологического фундамента под влиянием новых уровней развития живого, в свою очередь, создает новые возможности для возникновения еще более высоких уровней системной организации жизни (как, например, накопление кислорода в атмосфере в результате жизнедеятельности растений создало условия для появления выших животных и человека).

В каждом таком преобразовании биосфера предстает как усложняющаяся целостность. Говоря о строении биосферы как исторически развивающейся организованности, В.И. Вернадский пишет: «Это строение очень своеобразно. Это не есть механизм и не есть что-нибудь неподвижное. Это — динамическое, вечно изменчивое, подвижное, в каждый момент меняющееся и никогда не возвращающееся к прежнему образу равновесие»¹².

По мере развития биосфера расширяет свои пространственные границы на планете. В современном состоянии, согласно Вернадскому, верхняя граница биосферы поднимается примерно до 25 км от уровня геоида (до ионосферы, проникая в нее), а нижняя находится внутри стратосферной части литосферы, 4 — 5 км ниже уровня геоида. Причем в широких глубинах живое вещество местами проникает до 11 км¹³.

Расширение пространства биосферы сопровождается на каждой новой стадии эволюции качественными перестройками ее внутреннего пространства. В этом процессе главную роль играет система живого вещества биосферы. В.И. Вернадский отмечает особые свойства внутреннего пространства живого, его несводимость к внешнему физическому пространству. Эти свойства проявляются уже на уровне молекулярной организации живого, где наблюдается диссимметрия правого и левого. Живые организмы строят свое тело «в основных жизненно необходимых молекулах» из левых изомеров¹⁴. Неравенство правизны и левизны «охватывает всю морфологию организма и больше того, ее динамику»¹⁵. «Чрезвычайно характерны значения спиралей в форме организмов и неравенств правых и левых *спиралей*. Это выражается в неравенстве правых и левых завитков раковин, бактерий, семян, усиков растений и т.п.»¹⁶

Если допустить, что физическое пространство неживых (косных) тел Земли локально евклидово и может быть описано в терминах евклидовой геометрии, то в этом пространстве нет асимметрии правого и левого. Такая асимметрия есть только у живого вещества. Исходя из этого, Вернадский выдвигает гипотезу о неоднородности пространства биосферы. «Биосфера представляет земную оболочку, в которой в состояниях пространства евклидовой трехмерной геометрии косных естественных тел включены дисперсным образом и в дисперсной форме бесчисленные мелкие римановские пространства живого вещества»¹⁷.

При этом неоднородность пространства биосферы увеличивается по мере появления в ходе эволюции новых уровней организации живого и новых биокосных образований как следов предшествующих этапов биосферы (былых биосфер). Асимметрия химического состава живого вещества, доминанция в

нем левых изомеров частично сохраняется в биокосном веществе. Но в отличие от живого, эта асимметрия не воспроизводится в поколениях и исчезает при разрушении биокосного вещества.

Неоднородность пространства биосферы тесно сопрягается с неоднородностью ее внутреннего времени. Это находит свое выражение в том, что «процессы в живом веществе идут резко по-иному, чем в косной материи, если их рассматривать в аспекте времени. В живом веществе они идут в масштабе *исторического времени*, в косном — в масштабе *геологического времени*, “секунда” которого много меньше декамириады, ста тысяч лет исторического времени»¹⁸.

Изменения живого, оказывая воздействие на косное вещество, включают его в иной временной ритм. Геологические процессы в биосфере под влиянием исторического времени живого ускоряются. Внутреннее время биосферы становится неоднородным и трансформируется при переходе в качественно новые состояния, вызванные появлением в ходе эволюции новых уровней организации живого.

Качественно особое изменение биосферы происходит при возникновении ноосферы. Ноосфера в понимании В.И. Вернадского (в отличие от Э. Леруа) — это не сфера чистого разума (духа), а сфера разума, воплощенного в труде, в практических приложениях науки, в организации социальной жизни людей.

Ноосфера рассматривается Вернадским не как отделившаяся от биосферы и независимая от нее сфера разума, а как возникший в ходе эволюции высший уровень организованности биосферы, как ее особая подсистема, которая, по мере своего развития, оказывает возрастающее воздействие на ранее сформировавшиеся уровни биосферы — на живое, а также косное и биокосное вещество.

Этап формирования биосферы до человека определяла биогеохимическая энергия живого, которая оказывала обратное воздействие на геохимию оболочки планеты, породив биогеохимические взаимодействия. Становление ноосферы стало новым этапом истории биосферы. Возникла особая форма биогеохимической энергии — «культурная биогеохимическая энергия» (термин В.И. Вернадского), которая превратилась в важнейший фактор биологической и геологической истории планеты¹⁹.

С возникновением науки и ее практических приложений изменяется структура ноосферы, и резко возрастает ее влияние на биосферные процессы в отношении как собственно биологической, так и ее геологической составляющей. «Научная мысль есть часть структуры — организованности — биосферы»²⁰. «Научная

мысль человечества работает только в биосфере, и в ходе своего проявления превращает ее в ноосферу, геологически охватывает ее разумом»²¹. Разум, реализованный в научно-технической, практической деятельности предстает как новый геологический фактор. «Мы присутствуем и жизненно участвуем, — писал В.И. Вернадский, — в создании в биосфере нового *геологического фактора*, небывалого еще в ней по мощности и по общности»²². «Впервые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты — в общем, всю биосферу, всю, связанную с жизнью область планеты»²³.

Ноосфера видоизменяет пространственно-временную структуру биосферы. Социально-историческое пространство-время включается во внутреннее пространство-время биосферы, делает его еще в большей степени гетерогенным и ускоряет темпы биосферных изменений.

Таким образом, можно констатировать, что, разрабатывая свое учение о биосфере и ноосфере, В.И. Вернадский выявил ряд ключевых принципов структуры и функционирования сложных саморазвивающихся систем. Эти принципы не были им отрефлексированы с достаточной полнотой. Они были продемонстрированы Вернадским в логике развертывания его идей о биосфере и ноосфере, в теоретическом осмыслении огромного фактического материала биологии, геологии, антропологии и истории науки.

Сегодня эти принципы можно сформулировать в общем виде и более четко в языке теории систем. Но это не умаляет методологической значимости предложенного В.И. Вернадским образца их применения в конкретно-научном исследовании.

Особую ценность сегодня обретает продемонстрированный В.И. Вернадским способ видения событий и процессов геологической, биологической и социальной эволюции. Они рассматриваются им во взаимосвязи как подсистемы еще более сложного системного целого, как аспекты и состояния целостной саморазвивающейся системы, в которую они включены.

Такое видение начинает утверждаться во многих областях современной науки. В этой связи возникают новые философско-методологические проблемы и, прежде всего, проблема соотношения и связи разных типов системных объектов (простых, сложных саморегулирующихся и сложных саморазвивающихся систем).

Исходя из идеи глобального эволюционизма, Метагалактику и каждую из возникающих в ходе ее эволюции подсистем следует рассматривать как саморазвивающуюся целостность. Сегодня этот подход становится приоритетным. Но при изучении и опи-

сании сложных систем могут возникать различные задачи. Есть комплекс задач, связанных с исследованием закономерностей воспроизводства саморазвивающейся системы в ее устойчивых состояниях. В этом случае можно абстрагироваться от фазовых переходов, качественно изменяющих систему. И тогда мы получим в качестве предмета исследования саморегулирующуюся систему (гомеостазис). Саморегулирующаяся система воспроизводится как устойчивое (инвариантное) состояние — до тех пор, пока не изменятся параметры порядка. И в том временном интервале, в котором они сохраняются, при решении ряда задач можно абстрагироваться от процессуальной сложности саморегулирующихся системных объектов, полагая их устойчивыми и неизменными. Тогда их взаимодействие можно описывать в терминах простых систем. Например, при рассмотрении процессов гравитационного взаимодействия Земли и Солнца главными системными параметрами выступают их массы и расстояние между ними. В этой ситуации можно абстрагироваться от сложных процессов ядерных реакций в недрах Солнца, от процессов взаимодействия литосферы, атмосферы, биосферы и ноосферы Земли и рассматривать Землю и Солнце только как тяготеющие массы. Кстати, в этом случае величина, характеризующая массу, становится решающей. При увеличении массы выше определенного предела гравитационное сжатие порождает ядерные реакции, что приводит к превращению планеты в звезду. Значительная потеря массы звезды превратит ее в остывающее квазипланетное тело.

Таким образом, человеческое познание может выделить и зафиксировать отдельные фрагменты и аспекты саморазвивающихся систем, представив их в качестве самостоятельных предметов изучения.

Познавательное освоение сложных саморазвивающихся систем в естествознании началось именно с подобных аспектов и фрагментов. Но отсюда не следует, что простые, сложные, саморегулирующиеся и саморазвивающиеся системы онтологически рядоположны. Онтологически, в ходе космической эволюции простые системы не предшествуют сложным и не возникают отдельно от них. Правда, «онтологическую первичность» простых систем по отношению к сложным можно зафиксировать в техногенезе. Здесь действительно техника простых (механических) систем предшествовала возникновению техники сложных саморегулирующихся, а затем и саморазвивающихся систем (последние начинают появляться только на современном этапе техногенеза, на рубеже XXI в.). Но при всем этом нельзя упускать из вида, что техногенез представляет собой особую линию эволюции, которая

предполагает человека и его деятельность. В естественной эволюции природы, без человека, технические устройства не возникают. Вероятность их самопроизвольного рождения исчезающе мала, хотя и не противоречит законам природы. Только с появлением человека и общества как особой стадии космической эволюции техногенез становится реальностью. Он встроен в эволюцию общества, в процессы формирования ноосферы в качестве ее особой подсистемы. В этом смысле все объекты техногенеза предстают как фрагменты и аспекты сложной саморазвивающейся биосферно-ноосферной системы.

Идеи В.И. Вернадского, акцентирующие приоритет принципов системной сложности при изучении природных и социальных объектов, оказываются созвучными основным тенденциям и запросам современной науки. Эти идеи опередили свой век и могут быть расценены как пролог к современной методологии научного познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Поваров Г.Н.* Сложность систем как показатель научно-технического прогресса // Проблемы исследования систем и структур. – М., 1965. С. 8 – 9.

² См. там же.

³ См. там же.

⁴ Подробнее см.: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Идеалы объяснения и проблемы взаимодействия наук // Идеалы и нормы научного исследования. – Мн., 1981. С. 276 – 278; см. также: *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М., 2000. С. 580 – 581.

⁵ На это обстоятельство обращалось внимание в работах: *Степин В.С., Кузнецова Л.Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. – М., 1994. С. 198 – 200; *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М., 2003. С. 658, 661.

⁶ *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. – М., 1988. С. 24.

⁷ Там же. С. 25.

⁸ *Тимофеев-Ресовский Н.В.* Вернадский и «вернадскология» // В.И. Вернадский: pro et contra. – СПб., 2000. С. 78.

⁹ См. там же. С. 77 – 79.

¹⁰ Там же. С. 78.

¹¹ См.: *Вернадский В.И.* Избр. соч. Т. 3. Гл. VI. – М., 1959.

¹² *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. С. 131.

¹³ См. там же. С. 23.

¹⁴ См. там же. С. 269 – 270.

¹⁵ Там же. С. 266.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 274.

¹⁸ Там же. С. 25; см. также: *Вернадский В.И.* Избр. соч. Т.1. – М., 1954. С. 659.

¹⁹ См.: *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. С. 132 – 133.

²⁰ Там же. С. 127.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 33.

²³ Там же.

Аннотация

Статья посвящена малоизученному аспекту творческого наследия В.И. Вернадского – новой методологии исследования, которая была встроена в его понимание эволюции биосферы и во многом послужила истоком развития представлений о системности эволюции. Эти представления опережали свое время и предвосхищали укореняющиеся в современном естествознании, социальных и технических науках XX – начала XXI в. представления о самоорганизации и саморазвитии сложных системных объектов. Сегодня освоение таких объектов определяет передний край научного и технологического прогресса.

Ключевые слова: Вернадский, системная сложность, глобальный эволюционизм, саморегуляция, ноосфера, уровни, иерархия, время, фазовый переход.

Summary

The article is devoted to a little-studied aspect of V.I. Vernadsky's heritage – a new research methodology, which ran through his understanding of biosphere evolution and, to a large extent, defined his ideas of evolution's systematic character. These ideas were ahead of their time and anticipated the ideas taking root in contemporary natural, social, and technical sciences of the late 20th – early 21st century, the ideas of self-organization and self-development of complex system objects. Research of such objects today is the leading edge of scientific and technological progress.

Keywords: complex self-developing systems, global evolutionism, noosphere, levels, hierarchy, time, phase transition.

ОПЕРЕДИВШИЙ ВРЕМЯ

И.К. ЛИСЕЕВ

Ровно год назад к 150-летию со дня рождения выдающегося отечественного мыслителя Владимира Ивановича Вернадского Институт философии РАН совместно с другими научными и общественными организациями (Институт истории естествознания и техники РАН, Российское философское общество, Российская академия естественных наук, Российская экологическая академия) провел Международную научную конференцию. Тема конференции — **«Философские идеи В.И. Вернадского и современная научная картина мира»**.

Название говорит само за себя: участники конференции не только отдавали дань уважения гению прошлого, но и анализировали воздействие его идей на формирование современной научной картины мира. Что может быть прекраснее такой научной судьбы? «Десятилетиями, целыми столетиями, — писал о В.И. Вернадском академик А. Ферсман, — будут изучаться и углубляться его гениальные идеи, а в трудах его открываться новые страницы, служащие источником новых исканий». Эти пророческие слова сбылись. До сих пор мы открываем для себя Вернадского, изумляемся мудрости и глубине его, как казалось, неожиданных догадок и прозрений. Но это — его судьба. Ученый опередил свое время, мыслил вопреки доминирующей познавательной парадигме, часто оставался непонятым современниками.

Осознать все многообразие его замыслов — становилось задачей будущего. И такое время наступает. По итогам конференции сейчас издана книга, отражающая разные стороны всеобъемлющего творчества ученого: **«Философские идеи В.И. Вернадского и современность»** (М., 2013).

Вкратце ее содержание таково.

Ученый секретарь Комиссии РАН по разработке научного наследия В.И. Вернадского к.э.н. **В.С. Чесноков** рассказал о той большой работе, которую ведет Комиссия по пропаганде и популяризации идей В.И. Вернадского.

Профессор **Э.В. Гирусов** остановился на анализе фундаментальной идеи творчества Вернадского — на учении о биосфере. По его мнению, В.И. Вернадский как будто предвидел возникновение глобальных проблем человечества. Поэтому он придавал такое большое значение пониманию людьми законов саморегуляции биосферы, биосферосовместимости общества и природы.

Один из крупнейших отечественных «вернадсковедов» д.филос.н. **И.И. Мочалов** посвятил свой доклад анализу отношения В.И.

Вернадского к проблеме сознания. На основе рассмотрения многих как опубликованных, так и не опубликованных материалов Вернадского автор показывает, что именно сознание играло в творчестве ученого колоссальную, определяющую роль.

В ряде статей сборника под разными углами зрения рассматриваются инновационные идеи В.И. Вернадского о пространстве и времени. *Г.П. Аксёнов* анализирует представления о времени В.И. Вернадского и Анри Бергсона как некие реперные точки, ключи к пониманию новой картины мира. Трактовка В.И. Вернадским понятия «реальное время» исследуется в работе *Т.П. Лолаева*. *В.А. Шупер* показывает значение представлений В.И. Вернадского о пространстве, времени и эмпирическом обобщении для современной географии. *А.Н. Пилясов* через призму понимания В.И. Вернадским единства пространства и времени раскрывает его интеллектуальное влияние на формирование взглядов Л.Н. Гумилёва.

Проблема парадигмального пространства современной экологии с позиций взглядов В.И. Вернадского рассматривается в другой группе статей. *Б.И. Кудрин* видит ценологическое единство мира как путь к становлению представлений Вернадского о ноосфере. *А.И. Зеленков* показывает фундаментальность идей Вернадского в формировании современных экологических представлений. *Э.С. Демиденко* раскрывает роль методологических подходов Вернадского к пониманию противоречий социальнотехнологического развития мира. *Л.Г. Антипенко* и *Г.Н. Мезенцев* акцентируют значение биосферического опыта Вернадского в процессах глобального управления социумом.

Статьи *А.А. Крушанова*, *И.К. Лисеева* и *А.Д. Королёва* посвящены представлениям В.И. Вернадского о феномене жизни и их роли в современном эволюционизме.

Наконец, в большой группе статей позитивно и критически обсуждаются идеи В.И. Вернадского о ноосфере. Это работы *А.Н. Чумакова*, *В.А. Кутырева*, *Л.В. Фесенковой*, *О.Е. Баксанского*, *Б.Г. Режабека*, *Е.В. Петровой*, *Е.В. Мелокумова*, *В.В. Беярова*. Авторы рассматривают различные аспекты представлений В.И. Вернадского о ноосфере, показывают роль этих идей для современности, раскрывают определенную противоречивость и некоторую недоработанность генеральных прозрений ученого.

В работе *Х.А. Барлыбаева* современная концепция устойчивого развития рассматривается как основная переходная ступень к становлению ноосферы. Автор раскрывает трудности и препятствия, встречающиеся на этом пути.

При всем многообразии своих естественнонаучных и философских интересов В.И. Вернадский был и выдающимся историком науки. Об этом рассказывает в своей статье *А.С. Мамзин*.

Прошедшая конференция дала возможность вновь обратиться к многим инновационным идеям выдающегося ученого, осознать и актуализировать их в свете современности.

Остановимся на некоторых из них.

Мысль о единстве научного знания проходит лейтмотивом через все творчество Вернадского. «Наука одна, едина, — утверждал ученый. — Нет в ней важного и не важного. Нельзя заботиться о развитии одних научных дисциплин и оставлять без внимания другие»¹. Сам В.И. Вернадский много и разносторонне работал в различных областях науки — в кристаллографии, геологии, биологии, почвоведении, химии, радиологии, гидрогеологии, метеоритике. Он внес свой вклад в разработку проблем истории науки и философии, истории славян, организации научных исследований, проблем высшего образования и т.д. При этом уже на склоне своих лет, в 1942 г. В.И. Вернадский заявлял: «Я никогда не жил одной наукой». Через всю свою жизнь он пронес удивительную широту и богатство своей натуры. И тем не менее вся его разнообразная деятельность, все богатство его духовных интересов были направлены в конечном итоге к одной, единственной цели — бескорыстному служению науке. В этом плане и его постоянный глубокий интерес к искусству, музыке, поэзии служил мощным стимулом его научного творчества. «На меня, — подчеркивал Вернадский, — лучше всего действует художественный, эстетический интерес, и как бы новое спокойствие, какое-то непонятное укрепление я нахожу в нем. Я сливаюсь тогда с чем-то более высоким и чувствую себя сильней, и мысль получает нужную ширь для правильной, менее субъективной оценки событий».

В то же время, наряду с таким, направленным на себя и оцениваемым через себя пониманием значимости искусства, Вернадский видит и огромную общекультурную роль искусства, улавливает его философскую значимость для понимания судеб цивилизации. «Определенная историческая эпоха — жизнь данного народа, — пишет он, — проникает в самую глубину художественного творчества, она горит и сверкает в созданиях великих и малых его носителей, в истории театра. Едва ли будет ошибочным видеть в этих творениях человеческой культуры проявление — самое глубокое — жизни данной эпохи или данного народа. По ним мы можем изучать и понимать душу народа и жизнь эпохи».

Но при всем при этом главный смысл деятельности для ученого, по Вернадскому, это свободное движение мысли, ведущее к раскрытию новых закономерностей, к превращению правды Природы в правду Человека.

В мире нет ничего сильнее свободной научной мысли — вот творческий девиз всей жизни Вернадского. И для того, чтобы следовать ему, «ученый должен отдавать и все свое время, и весь свой талант, уметь

мобилизовывать всю свою волю. Наука требует исключительного и необычайного напряжения человеческой воли, стремящейся достигнуть научно неведомого... Можно сказать, что научное мировоззрение поддерживается и не гибнет только благодаря сознательному проявлению усилия воли. Оно замирает и поглощается чуждыми вхождениями как только ослабляется это его проникающее живительное усилие». И ничего, если на этом пути встречаются препятствия: «Борьба с препятствиями мне по вкусу, я люблю, когда дело дается не сразу». Но в служении великому делу науки нельзя мельчить и размениваться, «надо не позволять себе думать о всем дурном, что пришлось сделать, нельзя мысль отвлекать исключительно в сторону личных, мелких делишек, когда кругом стоят густою стеной великие идеалы, когда кругом столько поля для мысли среди гармоничного, широкого, красивого, когда кругом гибель, идет борьба за то, что сознательно сочла своим и дорогим наша личность».

Это умение отбросить второстепенное, чтобы сосредоточиться на главном, фундаментальном во многом определило размеры и направленность вклада В.И. Вернадского в науку. Именно Вернадский одним из первых ощутил и осознал нарождающуюся тенденцию к широкому синтезу, к глубокой интеграции научного знания, которая станет затем одним из определяющих направлений развития науки второй половины XX — начала XXI вв.

Обобщенное мышление, ломающее границы отдельных дисциплин, мышление «по Вернадскому» стало для современного человечества вопросом выживания. Создавая принципиально новую область в развитии познания природы, новую науку — биогеохимию, Вернадский творчески объединил в ней достижения сразу трех наук: биологии, геологии и химии. «Моя научная работа сложилась так, — писал он в 1942 г., — что с моих молодых лет и до сих пор я научно работаю на границе достигнутого научного понимания реальности». Эта нацеленность на пределы давала возможность ученому выходить к новым широким обобщениям принципиального характера, по-новому ставить некоторые старые традиционные проблемы. Так, рассматривая геохимические функции биосферы, Вернадский впервые в мировой литературе высказал мысль о том, что «среди миллионов видов нет ни одного, который мог бы исполнять один все геохимические функции жизни, существующие в биосфере изначально. Следовательно, изначала морфологический состав живой природы в биосфере должен быть сложным». Поэтому «первое появление жизни при создании биосферы должно было произойти не в виде появления одного какого-либо организма, а в виде их совокупности, отвечающей геохимическим функциям жизни». При этом, по Вернадскому, живые организмы являются отнюдь не только детьми Земли, они в определенной мере и дети Солнца, и дети Космоса. «Твари Земли, — писал

Вернадский, — являются созданием сложного космического процесса, необходимой и закономерной частью стройного космического механизма, в котором, как мы знаем, нет случайности». Исходя из этого и «разгадка жизни не может быть получена только путем изучения живого организма... Изучая проявления жизни в окружающей ее среде, в планетном масштабе, мы должны отойти от обычного для нас аспекта организма... Жизнь составляет неразрывную часть организованности биосферы... Вне биосферы мы жизнь научно не знаем и проявлений ее научно не видим. Для нас становится ясным, что жизнь есть явление космическое, а не специально земное».

Такое космическое понимание жизни, представление о тесной зависимости явлений, происходящих в биосфере от космических факторов, требовало своего теоретического оформления. И Вернадский выдвигает ряд принципиальных идей, одной из важнейших среди которых является идея об организованности биосферы и эволюции этой организованности. Согласно этой идее, организованность живого вещества биосферы имеет тенденцию к непрерывному возрастанию от простейших форм жизни вплоть до возникновения человека. Поэтому теоретические проблемы эволюции видов не могут рассматриваться вне и независимо от эволюции биосферы. «Эволюция видов должна быть связана со строением биосферы». «Ни жизнь, ни эволюция ее форм не могут быть независимыми от биосферы, не могут быть ей противопоставлены как независимо от нее существующие природные сущности».

И одновременно с этим сложное коэволюционное взаимодействие внутри биосферы дополняется воздействием на процессы, происходящие в биосфере, факторов космических. Проблема прямого и косвенного воздействия космопланетарных факторов на живое вещество и его эволюцию становится одной из наиболее значимых и фундаментальных в современном естествознании.

В своем многогранном творчестве В.И. Вернадский утверждает единство не только естественнонаучного знания. Он делает следующий шаг, имеющий принципиальное значение и важность, выдвигая и обосновывая тезис о единстве естественнонаучного и гуманитарного познания в решении проблем жизни. Как отмечает И.И. Мочалов, исследование биогеохимических проблем в их целостном виде, по Вернадскому, предполагало не только рассмотрение роли природной среды в геохимической эволюции живых организмов. Оно требовало также глубокого анализа геохимической активности живого вещества как модного формообразующего геологического фактора. В свою очередь разрешение этой задачи не могло бы быть удовлетворительным, если бы при этом игнорировался человек — неотъемлемая составная часть живого вещества биосферы. Однако обратившись к анализу геохимической активности человека, Вернадский вынужден был

констатировать, что она проявляется не прямо и не непосредственно, т.е. не как чисто биологический природный процесс, но неизбежно опосредована складывающимися между людьми сложными социальными отношениями, изменяющимися на различных этапах исторического развития общества².

Понимая взаимосвязь и активность обоих компонентов системы «общество — природа», Вернадский полагал, что и в науках, их изучающих, должны намечаться пути интеграции, синтеза. «В понимании положения человека в научно создаваемом строе мира, — писал Вернадский, — сейчас наблюдается огромный скачок научного творчества... Перелом научного понимания космоса... совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой — их объект совершенно меняется».

Одним из важнейших моментов на пути синтеза естественнонаучного и гуманитарного знания является необходимость учета мировоззренческого значения научных открытий, анализ их роли не только для развития «чистой» науки, но и для судеб общества. В.И. Вернадский ясно понимал, как суживает и ограничивает возможности развития науки доминировавший в его время позитивистский подход, опускающий весь комплекс мировоззренческих проблем, возникающих в процессе развития научного познания. Он писал, что наука «доставляет сама такое обширное удовольствие, приносит такую большую пользу, что можно было бы, казалось, остаться деятелем одной чистой науки. Но так оно было бы, если бы было можно заставить себя не выходить за пределы узкого круга специальности. Когда теряется мировоззрение, с ним теряется высшее, осмысленное удовольствие, доставляемое наукой... Чувство долга и стремление к идеалу завладевают человеком, смотрящим на науку обширным взглядом, а не взглядом специалиста, не видящего ничего за пределами своей специальности и мнящего себя ученым».

Для Вернадского работа в науке неразрывно связана с мировоззрением, с этическими аспектами деятельности ученого, с целостностью его личности. «Соображения нравственного характера, — подчеркивал он, — для меня и для научной творческой работы вообще представляются неизбежными и не допускающими искажения человеческой личности».

Яркой особенностью таланта В.И. Вернадского было то, что он не только осознал и выделил все названные выше проблемы, но и предложил конкретную программу борьбы за осуществление поставленных высоких идеалов, которая получила глубокое обоснование в одной из последних работ ученого «Научная мысль как планетное явление».

Эта книга в ряду других фундаментальных трудов Вернадского занимает особое место. По широте замысла, по новому пониманию

специфики отношений общества и природы она больше обращена не к современникам Вернадского, а к его потомкам — к нам, людям начала XXI в.

Высказанные в ней идеи стали особенно актуальными для времени, когда угроза экологического кризиса неизмеримо выросла, когда дискуссии о месте, правах и обязанностях человека по отношению к природе получили невиданный размах и небывалую остроту. Поэтому с полным правом можно говорить не только об историческом значении этой работы, но и о ее современном вкладе в дискуссии вокруг проблем отношений человека, общества и природы, проблем экологии человека.

Вернадский глубоко и всесторонне обосновал тезис о единстве общества и природы, о необходимости их целостного, комплексного исследования во всем богатстве взаимосвязей. Впервые в мировой литературе он попытался проследить эволюцию нашей планеты как единый космический, геологический, биогенный и антропогенный процесс. Ученый показал, что параллельное сосуществование этих сопряженных рядов способствует их успешному совместному эволюционному развитию. Таким образом, он открыл, хотя и не назвал его, процесс коэволюции как совместной эволюции взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимонеобходимых параллельных рядов развития. С большим размахом и проницательностью поставил ученый вопрос о новых тенденциях во взаимодействии общества и природы, о превращении деятельности людей в планетарную силу. «Человек впервые реально понял, — писал Вернадский, — что он житель планеты и может, должен мыслить и действовать в новом аспекте, не только в аспекте отдельной личности, семьи или рода, государств или их союзов, но и в планетном аспекте».

Но как обеспечить такое состояние, чтобы возросшая мощь человечества, его техническое могущество не только способствовали росту благосостояния людей, но и не вредили бы среде обитания, в которой он существует? По мнению В.И. Вернадского, подобный регулятор есть, и он выступает как закономерный естественноисторический этап эволюции планеты. Это — научная мысль человечества, становящаяся планетарной силой. Возрастающее влияние науки определяет начало нового периода в истории планеты, когда биосфера переходит в новое эволюционное состояние — в ноосферу. Ноосфера, по Вернадскому, это биосфера, переработанная научной мыслью человечества. Таким образом, «ноосфера» Вернадского понимается совсем иначе, нежели «ноосфера» у Леруа, Тейяра де Шардена, «пневматосфера» П.А. Флоренского.

У всех названных мыслителей — это идеальная сфера духа, круговорота духа. У Вернадского — это чисто материалистическое понимание нового состояния биосферы, трансформированной научной мыслью

человечества, причем движение к этому состоянию детерминировано естественноисторической коэволюцией человека, общества и природы. Вернадский не употреблял таких терминов, но по сути дела он говорил именно об этом.

Резюмируя свои представления о ноосфере, Вернадский сделал выводы большого научного значения. Согласно им «ход научного творчества является той силой, которой человек меняет биосферу, в которой он живет. Это проявление изменения биосферы есть неизбежное явление, сопутствующее росту научной мысли. Это изменение биосферы происходит независимо от человеческой воли, стихийно, как природный естественный процесс. А так как среда жизни есть организованная оболочка планеты — биосфера, то вхождение в нее, в ходе ее геологически длительного существования, нового фактора ее изменения — научной работы человечества — есть природный процесс перехода биосферы в новую фазу, в новое состояние — в ноосферу».

Все вышеназванные идеи В.И. Вернадского продолжают активно жить и в наше время, способствуя позитивному, плодотворному формированию современной научной картины мира и определению основных направлений современных стратегических исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Все цитаты взяты из статей, дневников, писем В.И. Вернадского.

² См.: Мочалов И.И. В.И. Вернадский — человек и мыслитель. — М., 1970.

Аннотация

В статье характеризуются место и роль В.И. Вернадского в истории отечественной науки, показывается, что многие его научные идеи опередили свое время. Они не были поняты и оценены современниками, и только в наши дни приходит понимание их значимости и актуальности. Показывается, как различные стороны в научном творчестве В.И. Вернадского актуализируются современными учеными, занимающимися анализом его наследия.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, биосферосовместимость общества и природы, роль сознания в творчестве Вернадского, картина мира.

Summary

The article characterizes the place and role of Vernadsky in the history of domestic science, shows that many of his scientific ideas were ahead of their time. They were not understood and appreciated by contemporaries and only in our days comes the understanding of their importance and relevance. The article shows how the different parts of the Vernadsky's scientific work are updated by modern scientists who analyze his heritage.

Keywords: biosphere, noosphere, in biosphere connects' city society and nature and role of consciousness in the work of Vernadsky, picture of the world.

Философия и наука

КОНЦЕПЦИИ ПОСТНЕКЛАССИКИ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ*

Т.С. АХРОМЕЕВА, Г.Г. МАЛИНЕЦКИЙ, С.А. ПОСАШКОВ

Введение

Развитие различных областей знания вновь и вновь проходит одну и ту же последовательность в формировании научных дисциплин: *описание – классификация – построение теорий – прогноз*. В настоящее время многие области науки, да и научное познание в целом, подошло к такому этапу своего развития, на котором именно прогноз становится важнейшим результатом научных исследований. Чтобы эффективно действовать и строить плодотворные и перспективные программы научных исследований, сегодня следует заглядывать в будущее. В качестве примера можно привести такую научную дисциплину, как история. В 1996 г. С.П. Капицей, С.П. Курдюмовым и Г.Г. Малинецким была выдвинута междисциплинарная исследовательская программа, получившая название *математической истории* и связанная с тремя основными моментами¹:

- полномасштабным математическим моделированием исторических процессов (что позволяет строить гораздо более полные, точные и объективные исторические реконструкции и помогает понять многие процессы на более высоком уровне);

- исследование на основе построенных моделей альтернативных сценариев исторических событий (при этом у истории появляется *сослагательное наклонение*);

- использование построенных концептуальных и математических моделей для *исторического прогноза*, на основе которого может быть дан *стратегический прогноз*, который должен лежать в основе управления обществом, его организации и самоорганизации (таким образом, у истории появляется еще и *повелительное наклонение*).

Последний пункт особенно важен. При наличии достаточно подробного и проработанного исторического прогноза появляется возможность объективно оценить, насколько глубоко и точно мы понимаем причины, динамику и следствия исторических процессов.

* Исследование проведено в рамках проектов РГНФ «Междисциплинарный анализ инновационных стратегий и процессов модернизации», грант № 12-03-00387 и РФФИ «Междисциплинарное исследование социальных основ глобальных процессов и новых путей решения глобальных проблем», грант № 12-06-00402.

Идеи математической истории были подхвачены рядом российских и американских исследователей², активно обсуждались на нескольких международных конференциях³. Несколько попыток исторического прогноза, опирающихся на формализованные модели, предпринятых около 30 лет назад в Институте прикладной математики, Институте системного анализа, Вычислительном центре Академии наук, а также рядом западных исследователей, дали удивительно точные описания исторического пути, пройденного нашей страной и мировым сообществом в последующие десятилетия⁴.

С этой точки зрения представляется интересным и важным взглянуть и на философию науки. В самом деле, с одной стороны, в основополагающих работах В.С. Стёпина разработана целостная, системная логико-методологическая картина научного знания⁵.

С другой стороны, в философии науки развивается представление *о неединственности путей развития научного знания, о поле возможностей*, из которого в ходе исторического развития выбирается одна или несколько траекторий. «Вот так же, как наука движется в системе этих идеализированных объектов, философия начинает двигаться в системе этих идеализированных смыслов, причем она проводит эту работу постоянно. С одной стороны, она представляется рефлексией над основаниями культуры, она должна улавливать изменения, которые возникают в культуре своей эпохи, а с другой стороны, она изобретает иные миры, возможные миры человеческой жизнедеятельности. Вот тогда я вспомнил лейбницеvu идею о том, что математика — это наука о возможных мирах человеческой жизнедеятельности: не тех, которые уже реализованы, а тех, которые могут возникнуть в возможном будущем»⁶.

С третьей стороны, начиная с ранних работ, касающихся критики Венского кружка и кончая последними исследованиями, В.С. Стёпин следует идее Маркса, считавшего что «объект дан познающему субъекту не в форме созерцания, а в форме практики». Отсюда следует, что науку надо рассматривать в связи с философией и другими сферами культуры, во взаимодействии с деятельностью общества и в контексте исторического развития.

Развивая этот подход, можно вывести философию науки из области констатаций, рефлексии, методологии, ориентированной на прошлые достижения исследовательской деятельности отдельных цивилизаций и человечества в целом и поставить вопрос о будущем. Вероятно, это направление, подобно математической истории, может обрести прогностические функции, найти опору в междисциплинарных подходах, вербальных и формализованных моделях, ориентированных на описание научной практики и ее прогноз, непосредственно проследить взаимное влияние ценностей, смыслов, культуры и исследовательской стратегии общества. Цель этих заметок — обосновать

необходимость и очертить несколько направлений такого проектного, междисциплинарного подхода в философии науки.

Карта незнания

А ведь одна из главных обязанностей ученого — определять не масштаб познанного (оно говорит само за себя), но размеры еще не познанного, незримого Атланта наших познаний.

С. Лем

Важнейший вопрос в контексте перспектив познания — анализ переднего края науки и очерчивание области непонятого, неясного, неисследованного. Подобно мореплавателям эпохи Великих географических открытий, исследователям XXI в. очень важно было бы иметь такую «карту незнания», а лицам, принимающим решения и определяющим научную политику, — перечень возможных экспедиций в неведомое и связанных с ними надежд. Это могло бы стать одной из важнейших задач философии науки начавшегося века.

В 1960-х гг. на науку возлагались огромные надежды. Во множестве статей ее рассматривали как «непосредственную производительную силу», считая, что вложение средств в научные поиски должно давать «экономический эффект» в обозримом будущем. И это действительно так, но только если направление выбрано верно, а научная работа проводится на высоком уровне. Однако чаще всего это не так, и множество исследований, выполненных в десятилетия, которые последовали за оптимистическими 60-ми, не оправдали возлагавшихся надежд и породили в мировом сообществе атмосферу разочарования в науке и недоверия к ней.

В эти же годы на основе анализа, касающегося развития науки, было показано, что если N — численность исследователей, и она достаточно велика в масштабах общества, то стоимость работы такого научного сообщества пропорциональна N^2 , а эффективность деятельности — объем новых полученных знаний — пропорциональна $N^{1/2}$. Обе зависимости можно пояснить: наука — это диалог, взаимодействие, и поддержки требуют связи между учеными — научная инфраструктура, совместные проекты, организация взаимодействия. Число связей пропорционально N^2 (это согласуется с демографической моделью С.П. Капицы, в соответствии с которой *информационное взаимодействие*, обеспечивающее развитие нашей технологической цивилизации, определяется той же самой нелинейной функцией). Со времен Сократа метафорой нашего знания является круг, границей наших познаний — окружность. Если считать, что поддержка, задача, уточнение имеющегося знания требуют N человек (находящихся в этом круге), то на переднем крае науки, где делается принципиально новое, будет находиться порядка $\sqrt{N}$ человек. Именно с их деятельностью и будет связано, в первую очередь, получение новых знаний.

Но из этих зависимостей немедленно следовало, что время экстенсивного развития миновало, что уже нельзя «заниматься всем» и «к каждой интересной задаче поставить по исследователю». Важнейшим становится верный, дальновидный выбор научных направлений, *карта незнания* и реалистическая оценка тех рубежей, которых можно достичь. При этом необходимо понимание основных тенденций развития научного знания и ключевых достижений. Это радикально отличается от «эпохи одиночек» или периода «локальных групп» в науке, которые определяли организацию научной деятельности до середины XX в.

Голоса науковедов, предсказывавших конец «золотого века» науки в 1960-х гг., потонули в хоре энтузиастов, увлеченных людей, полагавших, что развитие именно их области и является главным. В свое время выдающийся математик академик А.И. Мальцев говорил, что в современной алгебре так много интересных, содержательных задач, что их решением можно занять большую часть человечества. Один из основоположников системного программирования академик А.П. Ершов полагал, что программирование станет массовой профессией в XXI в., и школьников, начиная с младших классов, следует учить азам этой деятельности.

На мониторинге и прогнозировании развития научного знания следует остановиться особо. В настоящее время активно развивается *теория самоорганизации*, или *синергетика* (от греческих слов «совместное действие»). По мнению В.С. Стёпина и ряда других исследователей⁷, этот подход, понимаемый как *общая теория саморазвивающихся систем*, может стать основой научной картины мира XXI в. Одним из основополагающих понятий синергетики являются *параметры порядка* — ведущие переменные, которые с течением времени начинают определять динамику и развитие сложной системы и подчинять себе ее остальные параметры. Именно выделение таких параметров порядка, связанное с эффективным упрощением сложного объекта, и происходит в ходе самоорганизации.

В процессах, рассматриваемых в естественных науках, самоорганизация приводит к возникновению различных типов упорядоченности в физическом пространстве. В объектах, изучаемых, например, физиологией, самоорганизация происходит в ходе освоения навыков ходьбы, бега, речи, когда разные степени свободы организма эффективно связываются в некие блоки — синергии. В ходе профессиональной деятельности (например, деятельности лечащего врача) самоорганизация осуществляется в пространстве знаний и оказывается связанной с формированием решающих правил, позволяющих из множества признаков и характеристик выделить главное и действовать на этой основе. Во всех этих случаях самоорганизация стихийна.

В научном сообществе есть возможность делать это сознательно, опираясь на конкретные данные, системный анализ, стратегический прогноз, направляя самоорганизацию в желаемое русло. Опыт показывает, что простейшие стратегии: «всем сестрам по серьгам», «дать деньги самым уважаемым людям», «дать тем, кто вовремя сдал бумаги» и другие подобные способы определения приоритетов — неэффективны. Издержки «научной демократии» также очевидны. Слишком малое сообщество не представляет всего имеющегося поля возможностей, слишком большим легко манипулировать.

К сожалению, зачастую научное сообщество не предоставляет лицам, принимающим решения, других возможностей. Это, например, наглядно показывает Отчет государственных академий наук Правительству РФ. Этот доклад⁸ невозможно прочитать, осмыслить и использовать при принятии решений о развитии науки. В нем не выделены параметры порядка. Он является ярким свидетельством того, что междисциплинарный метанаучный подход, взгляд с точки зрения философии науки и стратегического прогноза здесь совершенно необходимы.

Конец эпохи Гулливера

Большинство физиков обладают непоколебимой верой в основную простоту природы — это один из самых эффективных руководящих принципов.

Ш.Л. Глэшоу

Для философии науки характерно значительное запаздывание, большой лаг между текущими научными проблемами (не говоря уже о будущих) и теми прошлыми достижениями, которые подвергаются методологическому анализу. Хотя, разумеется, роль ретроспективного исследования научных достижений в разработке философии науки очень велика. «Философия науки без истории науки пуста; история науки без философии науки слепа», — пишет выдающийся философ науки И. Лакатос⁹.

Создатель *теории научных революций* Т. Кун обращался к достижениям Птолемея, Коперника, Ньютона, Лавуазье, Дальтона¹⁰. Концепция *исследовательских программ* И. Лакатоса строилась на основе анализа работ Бора и Эйнштейна, опыта становления квантовой механики и теории относительности. Многие принципиальные положения *структурно-логического анализа* научного знания, выдвинутого В.С. Стёпиным, опираются на опыт становления электродинамики.

Вместе с тем можно предположить, что организация, цели и идеалы науки начала XXI в. и обозримого будущего будут сильно отличаться от классических образов. Очевидные, линейные экстраполяции в точке бифуркации, в которой находится наша цивилизация, в эпоху слома тенденций научного познания, могут вводить в заблуждение¹¹. И в этой

связи интересно обратиться и к прогнозам, которые делают сами исследователи, и к количественным характеристикам развития науки.

Книга Джонатана Свифта (1667 — 1745) — писателя, общественного деятеля, мыслителя, работавшего в жанре фантастической сатиры, современника Исаака Ньютона — «Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей» — определила два главных направления развития естественных наук. Во-первых, это — «путешествие к лилипутам», в мир микромасштабов. На этом пути появились молекулярная и атомная физики, квантовая механика, ядерная физика, теория элементарных частиц. Во-вторых — это «путешествие к великанам» в мир мегамасштабов, в космос, к далеким галактикам, к астрофизике и космологии.

Многие выдающиеся исследователи, проводя линейную экстраполяцию, считают, что в ближайшие полвека эти путешествия продолжатся¹²: «Вот список самых важных вопросов, стоящих перед фундаментальной физикой и космологией.

1. Верна ли квантовая теория, или ее нужно изменить для более осмысленной физической интерпретации или для объединения с теорией относительности и космологией?

2. Какова квантовая теория гравитации? Какова структура пространства и времени в масштабах шкалы Планка (10^{-33} см, что на двадцать порядков меньше атомного ядра)?

3. Чем объясняются точные значения параметров, определяющих свойства элементарных частиц, включая их массы и силы взаимодействия?

4. Чем объясняется огромное количество элементарных частиц? Почему силы притяжения между двумя протонами в 10^{40} раз меньше силы их электростатического отталкивания? Почему вселенная так велика? Почему она, по крайней мере в 10^{60} раз превышает фундаментальную шкалу Планка? Почему космологические константы меньше любых других сходных физических параметров?

5. Что представлял собой Большой взрыв? Что определило свойства образовавшейся Вселенной? Положил ли Большой взрыв начало Вселенной, а если нет, то что было до него?

6. Что такое темная материя и темная энергия, на долю которых приходится от 80 до 95% вещества Вселенной?

7. Как сформировались галактики? Что они представляли на ранних этапах развития?»

Этот прогноз развития науки, данный авторитетным экспертом, разделяют многие ученые, из него исходят некоторые национальные и международные научные организации, значительная часть сообщества исследователей.

Заметим, что здесь противоположности сходятся — в одном прогнозе фигурируют и сверхмалые, и сверхбольшие масштабы. На эту

тенденцию в развитии современного научного знания более 40 лет назад обращал внимание выдающийся советский физик, сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, академик Я.Б. Зельдович. По его мысли, мы присутствуем при заключительных актах «ускорительной физики». Создание инструментов с диаметром ускорительного кольца в сотни километров, необходимых для выхода на следующий уровень энергий, он считал невероятным. Поэтому будущее «пути Гулливера», по которому физика успешно двигалась последние два столетия, он связывал с *космомикрофизикой*.

В рамках этого научного направления сама вселенная рассматривается как гигантский ускоритель, поставляющий частицы с энергиями, недоступными в земных условиях. При этом рождение и будущее вселенной определяются характеристиками фундаментальных составляющих материи, а свойства этих частиц и то, что происходило в первые мгновения после большого взрыва, надо восстанавливать по астрофизическим наблюдениям, по доступному нам «моментальному снимку космоса», решая так называемые *обратные задачи* (позволяющие по наблюдаемым следствиям выявлять причины и механизмы приводящих к ним явлений).

Допустим, что космология, теория элементарных частиц, космомикрофизика при наличии огромных (по научным масштабам) средств и большого количества людей, которые хотят этим заниматься, добьются поставленных целей. Пусть мы сумеем описать, что происходит на планковских пространственных (10^{-33} см) и временных (10^{-43} сек) масштабах. Сможем ли мы разумно распорядиться этими данными или, тем более, их использовать? Не пожалеем ли мы впоследствии о том, что выбрали это направление развития, пожертвовав многими другими задачами?

Вернемся к аналогии с Гулливером. Насколько важны ему знания, полученные в мире лилипутов и великанов? У него есть свои характерные размеры. Сверху они ограничены размерами L Солнечной системы — снизу — ядерными масштабами $l \approx 10^{-15}$ см (удивительно, что науке и технологиям удалось «дотянуться» до ядерных масштабов, в то время как подавляющее большинство физических, химических и биологических процессов лежит на атомном уровне и выше). Пожалуй, знания Гулливера об этих мирах можно сравнить с расшифровкой древних, мертвых языков — занятием интересным и поучительным, но не плодотворным, не дающим побегов в будущее.

Путь, начавшийся с Демокрита, ведущий вглубь, к анализу все более мелких составляющих материи, по-видимому, завершается. «Анализ» в переводе с греческого — дробление, расчленение. И, приступая к нему, исследователи обычно держат в сознании следующую стадию — синтез, выяснение механизмов и результатов взаимодействия между изученными сущностями и, в конечном счете, само-

организацию — самопроизвольное возникновение упорядоченности на следующем иерархическом уровне. Видимо, здесь область нашего незнания особенно близка, а перспективы наиболее впечатляющи.

20 лет назад без претензий на полноту были сформулированы *три сверхзадачи науки XXI в.*, которые будут порождать исследовательские программы и представлять, по терминологии А. Эйнштейна, сочетание «внутреннего совершенства» и «внешнего оправдания» (социального заказа, ожиданий общества). Обратим внимание на них.

Теория управления рисками. Важнейшим условием успешного управления является *карта угроз* для объекта управления. Роль науки здесь огромна. Новейшая история, множество событий XXI в. показали, что при высоком темпе социально-экономических и технологических перемен управляющие воздействия зачастую приводили к совершенно иным результатам, чем планировалось. Второстепенные факторы, которыми в ходе выработки решений пренебрегали, оказывались ключевыми. Например, на полях сражений Первой мировой войны (ход которой разительно отличался от планов генеральных штабов воюющих сторон) погибло около 7 млн человек. В то же время, по оценкам эпидемиологов, в результате гриппа «испанки», имевшей место в те же годы — фактора, который не принимали в расчет — погибло более 56 млн человек.

Будущее человечества и его стратегических субъектов в огромной мере зависит от того, насколько эффективно оно научится управлять рисками своего развития. Знания, необходимые для этого, и должна дать наука. Подобным образом в мировом научном сообществе задача ставится с 1994 г. (Конференция по стихийным бедствиям и природным катастрофам в Йокогаме) в различных контекстах¹³. Пока важность этого круга проблем недооценивается, однако каждая неожиданная катастрофа углубляет понимание фундаментальности и большого прикладного значения этих проблем.

Нейронаука. Одна из главных научных загадок, ответ на которую, вероятно, будет дан в XXI в. — это понимание тайны сознания и принципов функционирования мозга. В самом деле, мозг является загадкой в техническом смысле — скорость срабатывания триггера в микросхеме в миллион раз больше, чем скорость срабатывания нейрона в мозге. Информация в нервной системе передается *в миллион раз медленнее*, чем в компьютере. «Перефразируя специалиста по искусственному интеллекту Марвина Минского, удивительно не то, что «Deep blue» может играть в шахматы с чемпионом мира, а то, что человек, имеющий гораздо меньше возможностей рассчитывать десятки ходов, способен конкурировать с компьютером», — пишет выдающийся специалист по анализу саморазвивающихся систем, один из авторов генетических алгоритмов Дж.Х. Холланд.

Если XIX в. принес открытие «химического кода вселенной» (все вещества которой состоят из элементов Периодической системы),

а XX в. — разгадку «биологического кода живого» (записанного на языке последовательностей из 4-х букв — А, Т, Г, Ц), то XXI в. может дать понимание «психологического кода» — алгоритмов кодировки организмами сигналов внешнего мира, их обработки, запоминания, механизмов использования.

В настоящее время в этой области выдвигается очень широкий класс моделей. В традиционных подходах, связанных с теорией нейронных сетей, феномен сознания рассматривается как результат самоорганизации в ансамблях нейронов¹⁴. Альтернативный подход, связанный с нанобиологией и новым взглядом на квантовую механику, был развит выдающимся математиком и физиком-теоретиком Роджером Пенроузом¹⁵. По его мысли, каждая клетка представляет собой своеобразный «квантовый компьютер», и самоорганизация происходит не на клеточном, а на квантовом уровне.

Чтобы прояснить эти и многие другие вопросы, связанные с нейронаукой, в 2013 г. в США был начат большой исследовательский проект «Картирование мозга» с бюджетом более 3-х млрд долл. Цель проекта — используя нанотехнологии, томографы нового поколения, компьютерные реконструкции и модели, выявить структуру мозга и динамику протекающих в нем процессов. Аналогичный проект начинается в Европейском сообществе.

Третья задача — *построение математической истории*, включая модели мировой динамики и системы стратегического прогноза. Успех этого проекта может помочь человечеству прийти в более благополучное, стабильное и обеспеченное будущее по сравнению с неосознаваемым и делаемым стихийно выбором.

По-видимому, «путь Гулливера» завершается, и на авансцену науки выходят междисциплинарные исследовательские программы, имеющие дело с «человекомерным» диапазоном масштабов. Постнеклассические проекты и концепции постепенно вытесняют «неклассику» на периферию сознания научного сообщества, подобно тому, как «неклассика» век назад приходила на смену представлениям классической науки.

Есть еще один простой и надежный способ объективно оценить масштаб «смены вех», переоценки ценностей в науке XXI в.

Чтобы заглянуть в будущее, представить, чем будут заниматься ученые в течение ближайших 20 — 30 лет, в какие направления технологий, ориентированных на перспективу, будут вкладываться главные усилия, можно посмотреть среднюю цитируемость работ в различных областях знания в настоящее время. Цитируемость статей показывает, насколько большими и активными являются сообщества, работающие в различных научных дисциплинах.

Со школьных лет у большинства остается представление, что математика — большой и сложный предмет, физика и химия примерно в два раза меньше и проще, а биология в два раза меньше и проще

физики и химии. Однако «взрослая наука» выглядит сегодня совершенно иначе (см. рис. 1)¹⁶. Возьмем «наследниц» школьной биологии (с скобках приведена средняя цитируемость статей) — *молекулярную биологию и генетику* (24,08), *биологию и биохимию* (16,09), *микробиологию* (14,11), *фармакологию с токсикологией* (11,34) — они в 12 раз превосходят *физику* (8,45), в 8 — *химию* (10,16) и в 27 — *математику* (3,15) или *информатику* (3,32). Это связано с тем, что науки живут как бы в «разном возрасте» — одни в старости, другие в зрелости, третьи в юности. Многие идеи, методы и подходы, пройденные в одной области исследований, могут оказаться волнующей перспективой в другой. Поэтому ученым очень нужны *междисциплинарные подходы*, которые позволяют мыслить поверх отдельных дисциплин, научных направлений и школ, помогают ломать барьеры, мешавшие двигаться вперед.

Интересно сравнение приоритетов мировой и отечественной науки (Россия/мир). Вероятно, XXI в. будет веком человека. Развитие возможностей и способностей людей и коллективов станет магистральным направлением прогресса. С ним будут связаны и главные возможности, и основные угрозы. Поэтому весьма показателен перечень «аутсайдеров» научного пространства России, в которых отрыв от мирового уровня по показателю цитируемости статей особенно велик. Это общественные науки (1,02/4,23), а также *психология и психиатрия* (2,54/10,23). Здесь мы отстали от мировых показателей вчетверо. И завершают список междисциплинарные исследования, где отставание оказывается почти пятикратным (1,04/4,78).

О крутом повороте в развитии научного знания говорит и экономическая логика. Опыт показывает, что базисные, ключевые технологии данного технологического уклада создаются в ходе развития предыдущего¹⁷. (Просто в данном технологическом укладе они делаются простыми, дешевыми, удобными, доступными. Наглядный пример — взлет производства персональных компьютеров, планшетников, коммуникаторов, в основе которых лежат результаты фундаментальных исследований полувековой давности.) Тем не менее решаемые экономикой задачи также влияют на развитие фундаментальных научных исследований.

И здесь показательна технологическая платформа SCBIN (Socio Cognito Bio Info Nano) (или в ее прежней версии NBIC (Nano Bio Info Cognito)). По существу, вся эта платформа и по своему замыслу, и по целям, и по технологиям является «человекомерной»¹⁸. Нижняя граница пространственных масштабов — атомные размеры, верхняя — размеры, на которых общество меняет окружающую среду. И именно в этом контексте понятия «с человеческим лицом», понятия *сложности, технологических вызовов XXI в.*, альтернатив развития цивилизации рассматриваются с точки зрения методологии и междисциплинарных подходов многими отечественными и зарубежными исследователями¹⁹.

Поле возможностей и его ограничения

Делать длительные прогнозы — значит уподобиться Прометею: судьба таких прогнозов (если не предсказателей) наверняка будет печальной. И все же это очень заманчиво.

Дж.Х. Холланд

Идея научного и технического прогресса как основного способа решения проблем нашей технологической цивилизации пришла к нам из Нового времени. Эта идея, вошедшая в плоть и кровь нашей культуры, порождает подсознательное ощущение безграничных возможностей, в частности, для развития науки.

Это согласуется с возрастной психологией человека. Ребенок уверен, что он вырастет очень сильным и умным, что родители будут жить вечно, и что, несмотря на мелкие трудности сегодняшнего дня, все сложится, в конце концов, отлично. Но с годами юноша понимает, что, вероятно, каких-то целей он достичь не сумеет. Взрослый же, сложившийся человек, приступая к любому серьезному делу, старается объективно, трезво и реалистично оценить свои возможности, ресурсы и шансы на успех, а также имеющиеся ограничения.

По-видимому, тот же путь проходит научное знание. И развитие постнеклассических подходов, в которых наука рассматривается не как самодостаточный и не связанный с другими сферами жизнедеятельности поиск истины, а как деятельность, учитывающая цели, идеалы и задачи, решаемые обществом, это признак «взросления» науки и сообщества исследователей. Поэтому важно осмыслить ограничения, очерчивающие поле возможностей развития науки.

Каждая фундаментальная теория не только давала более глубокое понимание реальности и новые инструменты, но и формулировала принципы запрета или ограничения, в пределах которых могут ставиться и решаться научные задачи.

В самом деле, классическая механика, с ее законом сохранения энергии, убедительно показала, что не приходится надеяться на создание *вечного двигателя первого рода*, позволяющего производить работу без затрат энергии. Термодинамика показала невозможность создания *вечных двигателей второго рода*, основанных на передаче теплоты от холодного тела к горячему без изменения окружающей среды. Квантовая механика с ее соотношением неопределенностей показывает принципиальную *невозможность одновременно определять координату и импульс микрочастицы с произвольной точностью*. Одним из следствий теории относительности является тезис о *невозможности передавать информацию со сверхсветовой скоростью*. Нелинейная динамика и синергетика показали в 1960-х гг. *невозможность глобального прогноза или реконструкции* для широкого класса динамических систем и существование у них *конечного горизонта прогноза*. К этому списку можно добавить принцип за-

прета Паули. Законы сохранения и тесно связанные с ними симметрии приводят к своим запретам и ограничениям.

Нарушения принципов запрета, открываемые учеными для конкретных систем, заставляют исследователей менять или существенно корректировать парадигму, и являются выдающимися научными достижениями (наиболее яркий пример — нарушение СР-инвариантности, открытие которого было удостоено Нобелевской премии). Выявление и осознание принципов запрета является показателем зрелости научной дисциплины и одним из важнейших показателей ее развития.

Лидером по числу и фундаментальности выявленных ограничений на сегодняшний день является физика. Причина этого — три века интенсивного развития данной области науки, высокая точность измерений, позволяющая ставить «критические эксперименты», развитые методы количественного, формализованного описания исследуемых явлений. Кроме того, физики становились участниками крупных научно-технических проектов, требовавших ясного и объективного понимания того, что возможно в данных технологических рамках, а что нет. Можно ожидать, что по мере развития научного знания сеть принципов запрета и осознанных ограничений будет расти и не только в естественных, но и в гуманитарных науках.

В ряде случаев, выявленные ограничения исключительно конструктивны. Из отношений неопределенности

$$\Delta p \Delta x \geq \hbar, \Delta E \Delta t \geq \hbar,$$

где Δp , Δx , ΔE , Δt — неопределенность в измерении, соответственно, импульса, координаты, энергии и времени, $\hbar$ — постоянная Планка, видна предельная доступная нам точность пространственно-временных измерений. В приведенном выше списке среди главных вопросов физики и астрофизики фигурировала мечта выйти на планковские пространственные и временные масштабы (ряд теоретиков полагает, что на них электрон уже не будет точечной частицей и станет видна дискретность пространства-времени). Из этих формул непосредственно следует, какими гигантскими должны быть доступные нам энергии и импульсы микрочастиц, чтобы заглянуть в эту область параметров.

Однако о пределах возможностей отдельного человека и общества мы в начале XXI в. продолжаем судить на интуитивном уровне — мифы тут оказываются тесно переплетенными с научными данными. Попытку изменить такую ситуацию предпринял в середине XX в. выдающийся французский историк, представитель научной школы «Анналов» Фернан Бродель²⁰. Он попытался оценить темпы технологических и социальных изменений в течение трех веков становления капитализма в Европе и *отделить возможное от невозможного* в

исторических процессах этого периода. Возможно, к этим попыткам удастся вернуться на более высоком уровне в контексте развития математической истории. Приобретения на этом пути также лишат научное знание ряда существующих иллюзий.

Рассматривая динамику развития науки, следует обратить внимание на явление, иногда называемое «синдромом географических открытий». Представители различных научных дисциплин, живущие своим делом, как правило, уверены, что именно их область находится на взлете, на пороге научной революции и именно в ней могут открыться новые горизонты. Однако строя карту незнания, определяя стратегию развития науки на десятилетия вперед, было бы опрометчиво доверять только этим оценкам.

То, что это может быть не так, показывает наглядный пример — развитие географии. Изначально целью этой области науки было описание поверхности Земли и построение географических карт, позволяющих представлять полученные знания в наглядном и обозримом виде. Эта захватывающая деятельность, включавшая путешествия, открытие новых стран и материков, заняла много веков. Однако к началу XX столетия задача, ставившаяся этой наукой, была решена.

На следующем этапе «после конца науки» либо изменяется предмет исследования, либо создаются исследовательские программы на стыке с другими дисциплинами, либо акцент делается на использовании этих знаний. Пример первой альтернативы — переход от описания земной поверхности к исследованию и картографированию дна морей и океанов. «Подводная география» — одно из важных научных достижений XX в., решающий вклад в которое был внесен советскими исследователями. Вторая альтернатива — разработка экономической географии (стык география + экономика), географии расселения (география+демография), военной географии, геополитики (география + военная наука + стратегический анализ), математической географии и т.д. Третья альтернатива — туризм, обеспечение возможности повторить путешествия великих землепроходцев и мореплавателей прошлого, реконструкция великого в игровой форме. Однако при этом важно отдавать себе отчет в том, что исходная исследовательская задача решена, что в этом смысле география имела начало и конец.

Таким же образом можно посмотреть и на другие научные дисциплины, чтобы понять, в каком возрасте, на какой стадии развития они находятся. Такой анализ для химии провел сотрудник Института физической химии профессор О.В. Крылов²¹.

При наличии принтеров, сканеров и компьютеров, росте информационного шума, при побуждении руководителей и фондов требовать от исследователей потока публикаций, динамика роста числа статей не является хорошим показателем, отражающим научные достижения в конкретной области. Существенны открытия, ключевые дости-

жения, формирующие «скелет науки», вокруг которого растет массив научного знания. О.В. Крылов, чтобы исключить субъективность и конъюнктурность, взял несколько наиболее популярных в мире химических энциклопедий. Затем он выделил основополагающие достижения, которые послужили отправной точкой последующих работ. После этого он зафиксировал год сделанного открытия, построил зависимость числа таких открытий по времени и усреднил ее по десятилетиям (см. рис. 2). Оказалось, что наиболее активно эта область знания развивалась в период, соответствующий Второй мировой войне, а затем в период создания ядерного оружия.

История советского и американского ядерных проектов показывает, что научные задачи, решенные химиками, оказались не менее важными и значимыми, чем достижения физиков. Аналогичный анализ был проведен для отдельных отраслей химии. В частности, он показал, что пик развития органической химии пришелся на 1900 г., а биохимии на 1960. К 2000 г. произошел спад числа принципиальных открытий и в химии в целом, и в ее ключевых отраслях.

Мы имеем ситуацию, схожую с «синдромом географических открытий» — основной массив фундаментальных знаний уже получен. Пройден славный путь — исследовано более 100 тыс. неорганических и 20 млн органических веществ. И сейчас на переднем крае этой области оказываются инженеры, технологи, изобретатели. Пришла пора эффективно *использовать* полученные знания. Здесь тоже можно проследить географическую аналогию — Колумб открыл Америку в 1492 г., и понадобилось почти 300 лет, чтобы освоить эту территорию и создать на ней сильное независимое государство.

В химии, как, вероятно, и во многих других научных дисциплинах, кончилась пора научных открытий и началась эпоха освоения открытого и понятого. Этот вывод подтверждает анализ Нобелевских премий по химии, также проведенный О.В. Крыловым, который можно рассматривать как идентификатор того, что научное сообщество считает наиболее важными достижениями. Со временем, в течение XX в., происходит сдвиг от ключевых, основополагающих проблем данной отрасли науки к ее периферии, к методологическим вопросам, к инструментам, к технологиям, к коллективным исследованиям, к работам, находящимся на стыках нескольких дисциплин. В свое время Нобелевский комитет принял решение не присуждать премии за осуществление какого-либо органического синтеза, как бы он ни был сложен. Это признание того, что такая деятельность перешла из сферы науки в область технологий.

Подводя итог, можно сказать, что развитие концепции постнеоклассики, проектный подход к философии науки, самым тесным образом связанный со стратегическим прогнозом, ставит очень много интересных и важных задач перед философами, математиками, науковед-

дами, системными аналитиками, футурологами, представителями многих других научных дисциплин. Это требует и самоорганизации научного сообщества, и междисциплинарных подходов.

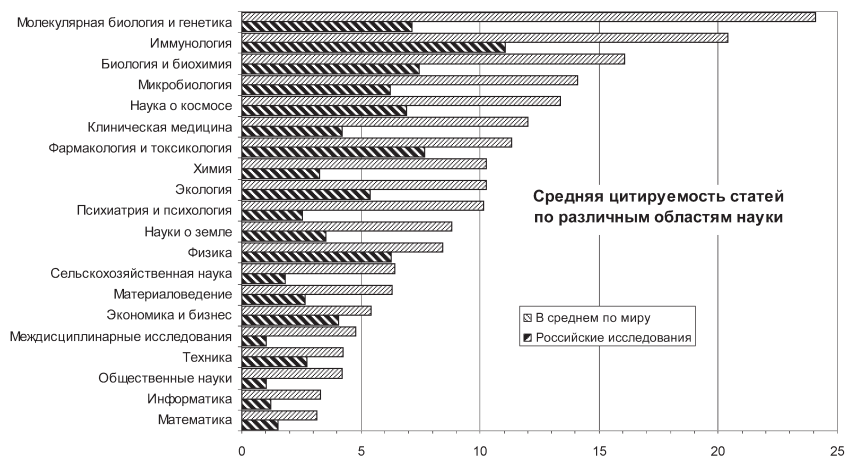

Рис. 1. Научные приоритеты в естественных науках в России и в мире

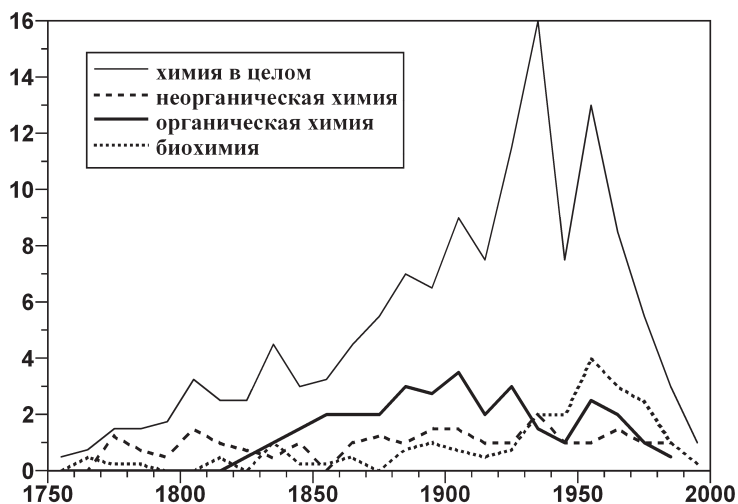

Рис. 2. Среднее по десятилетиям количество ключевых открытий в химии и ее областях

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. — М.: УРСС, 2003 (Синергетика: от прошлого к будущему).

² См.: Бадалян Л.Г., Криворотов В.Ф. Кризисы. Перспективы: Новый взгляд на прошлое и будущее / под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. — М.: ЛИБРОКОМ,

2010 (Синергетика: от прошлого к будущему. Будущая Россия); Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории. 2-е изд. – М.: ЛКИ, 2010 (Синергетика: от прошлого к будущему).

³ Проблемы математической истории: Основания, информационные ресурсы, анализ данных / отв. ред. Г.Г. Малинецкий, А.В. Коротаев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

⁴ См.: Геловани В.А., Бритков В.Б., Дубовский С.В. СССР и Россия в глобальной системе (1985 – 2030): Результаты глобального моделирования / предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: Либроком, 2009. (Будущая Россия); Медоуз Д.Х. Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя / под ред. Н.П. Тарасовой. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2012.

⁵ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 2000.

⁶ См.: Степин В.С. Важно, чтобы работа не прекращалась // Человек. Наука. Цивилизация. К семидесятилетию академика В.С. Степина. – М.: Канон+, 2004.

⁷ См.: Новое в синергетике: Взгляд в третье тысячелетие / под ред. Г.Г. Малинецкого, С.П. Курдюмова. – М.: Наука, 2002 (Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения); Новое в синергетике. Новая реальность, новые проблемы, новое поколение / под ред. Г.Г. Малинецкого, 2007 (Информатика: неограниченные возможности и возможные ограничения); Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика как инструмент формирования новой картины мира // Человек. Наука. Цивилизация / К семидесятилетию академика В.С. Степина. – М.: Канон+, 2004.

⁸ См.: Доклад Правительству Российской Федерации об итогах реализации в 2012 году Программы фундаментальных исследований государственных академий наук за 2008 – 2012 гг. – М., 2013.

⁹ Лакатос И. Методология исследовательских программ. – М.: АСТ; Ермак, 2003 (Философия. Психология).

¹⁰ См.: Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ; Ермак, 2003.

¹¹ См.: Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С. Арутюнова, Г.В. Лисичкина, Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

¹² См.: Смолин Ли. Будущее вселенной / Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет / под ред. Дж. Брокмана. – М.: АСТ; Астрель; Владимир: ВКТ, 2011.

¹³ Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Малинецкий Г.Г. и др. Управление риском. Риск. Устойчивое развитие. Синергетика. – М.: Наука, 2000.

¹⁴ Малинецкий Г.Г., Подлазов А.В., Потапов А.Б. Нелинейная динамика: Подходы, результаты, надежды. – М.: Комкнига, 2006.

¹⁵ Пенроуз Р. Новый ум короля: О компьютерах, мышлении и законах физики. 4-е изд. – М.: УРСС; ЛКИ, 2011.

¹⁶ См.: Константинов А. Мозг из машины. Власти крупнейших стран вкладывают миллиарды в искусственный разум // Русский репортер. 2013. 21 – 28 марта; Наука. Ученые – свет // Esquire. 2011. март; Essential Science Indicators, Thomson Reuters, 2000 – 2010.

¹⁷ См.: Прогноз и моделирование кризисов мировой динамики / отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий – М.: ЛКИ, 2010.

¹⁸ См.: Нанотехнология в ближайшем десятилетии. Прогноз направления исследований / под ред. М.К. Роко, Р.С. Уильямса, П. Алиасатоса. – М.: Мир, 2002.

¹⁹ Холланд Дж.Х. Что произойдет и как это предсказать // Будущее науки в XXI веке. Следующие пятьдесят лет; Малинецкий Г.Г. Наука XXI века // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.С. Арутюнова, Г.В. Лисичкина,

Г.Г. Малинецкого; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2; *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994; *Майнцер К.* Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Синергетическая парадигма. Вып. 7. Синергетика инновационной сложности. Сборник статей, посвященный 70-летию В.И. Аршинова. – М.: Прогресс-Традиция, 2011; *Майнцер К.* Сложносистемное мышление: Материя, разум, человечество. Новый синтез / под ред. и с предисл. Г.Г. Малинецкого. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009 (Синергетика: от прошлого к будущему); *Малинецкий Г.Г.* Когнитивный вызов в контексте самоорганизации // Синергетическая парадигма. Вып. 7. Синергетика инновационной сложности.

²⁰ См.: *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Весь Мир, 2007.

²¹ См.: *Крылов О.В.* Современная наука: близкий конец или завершение очередного этапа // Наука России. От настоящего к будущему / под ред. В.А. Арутюнова, Г.В. Лисичкина, Г.Г. Малинецкого; Наука как образ жизни (Памяти О.В. Крылова). – М.: Калвис, 2010.

Аннотация

В статье рассматривается направление философии науки, связанное с прогнозом развития основных тенденций познания и опирающиеся на междисциплинарные подходы, на логико-методологический анализ и теорию типов рациональности, выдвинутую В.С. Степиным, на идеи постнеклассики. Показаны принципиальные трудности ряда исследовательских программ, а также их новые возможности и перспективы.

Ключевые слова: философия науки, типы рациональности, междисциплинарные подходы, когнитивный барьер, внутринаучная рефлексия, синергетика, постнеклассика, математическая история, большие данные, стратегический прогноз, обратные задачи, горизонт прогноза, внутринаучная рефлексия.

Summary

We consider a subfield of the philosophy of science connected with a forecast of the development of the fundamental trends of cognition and based on the interdisciplinary approaches of modern science, on the logical and methodological analysis, on the theory of rationality types risen by V.S. Stepin and on the postnonclassical ideas. We show that principal difficulties for continuation of multiple programs arise, although new possibilities and prospects appear.

Keywords: philosophy of science, the types of rationality, interdisciplinary approaches, cognitive barrier, intrascientific reflection, synergetics, postnonclassic, mathematical history, big data, strategic prediction, inverse problems, the forecast horizon, internal academic reflection.

ОСНОВНЫЕ ПАРАДИГМЫ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ НАУКИ

С.А. ЛЕБЕДЕВ

Бурное развитие конкретных наук, начиная с Нового времени, рост их значения в культуре и реальной жизни общества не могли не породить стремления ученых и философов к пересмотру безраздельно господствовавшего ранее понимания философии как «науки наук». Впервые достаточно четко эти проблемы были поставлены в 30-х гг. XIX в. в рамках такого нового направления философии, как позитивизм. Его основоположники (О. Конт, Г. Спенсер, Дж.Ст. Милль) выдвинули лозунг освобождения конкретно-научного познания от влияния традиционной философии как далекой от нужд нового типа науки, возникшей в эпоху Возрождения и поставившей себя на службу практическим интересам и потребностям общества («Знание – сила», Ф. Бэкон). Разработка нового понимания взаимоотношения философии и науки требовала нового решения целого комплекса проблем. Какие это были проблемы?

Первая проблема. Как известно, история развития самой философской эпистемологии продемонстрировала возможность построения в ее рамках значительного разнообразия не просто различных, но и исключающих друг друга концепций (Платон, Аристотель, Беркли, Лейбниц, Локк, Кант, Шеллинг, Гегель и др.). При этом каждая из них претендовала не только на единственно верное представление о науке и научном методе, но и активно навязывала его научному сообществу. Как быть в таком случае практикующим ученым по отношению к множеству разработанных философами исключающих друг друга концепций? Кому из традиционных философов (спекулятивных «метафизиков») ученый может и должен верить?

Вторая проблема. Насколько оправдано прежнее высокомерное отношение философов к попыткам ученых собственными силами выработать адекватное представление о науке, ее возможностях и методах научного познания?

Третья проблема. Можно ли построить не философскую, а конкретно-научную по своим методам теорию научного познания, и если да, то как это можно сделать? Различные попытки дать ответы на эти вопросы, не выходя за пределы самой науки, и составили сущность позитивистской философии науки, прошедшей весьма длительную эволюцию от Конта вплоть до конца XX в.¹

Первая попытка построения эпистемологии и философии науки как самосознания самой науки (путем эмпирического изучения реальной науки, ее содержания, структуры, методов и развития) была предпринята в рамках так называемого первого позитивизма (Конт,

Спенсер, Милль) в 30 – 70-е гг. XIX в. Необходимо отметить, что к этому времени для постановки вопроса о возможности построения философии науки как самосознания науки в культуре уже сложилось достаточное количество оснований и предпосылок. Важнейшими из них были следующие:

- резко возросшая к этому времени (даже по сравнению с XVIII в.) относительная самостоятельность науки как подсистемы культуры;
- массовая ориентация новой европейской науки (science) на результаты экспериментов и систематических наблюдений («факты») как на свой подлинный фундамент;
- тесная связь science с практикой, с применением результатов науки в технических и технологических целях;
- высокий престиж науки в обществе и понимание ее огромного социального значения как одного из важнейших факторов развития общества.

По мнению первых позитивистов, основными задачами разработки позитивной философии науки должны были стать следующие:

- создание общенаучной картины мира путем обобщения содержания науки своего времени;
- построение гносеологии науки (эпистемологии) путем обобщения реальной познавательной деятельности ученых в разных областях науки; установление таким же способом общей структуры научного познания и его динамики; таким образом, основу эпистемологии должно составлять исследование того, как в разных науках ученые реально получают факты, законы, теории и каким образом обосновывают их;
- описание социальных функций науки путем эмпирического исследования реальных взаимосвязей между наукой и обществом².

С точки зрения первых позитивистов, различие между прежней («метафизической») эпистемологией и новой философией науки («позитивной») столь же кардинально и принципиально, как различие между натурфилософией и физикой или как различие между философией общества и научной социологией, которую еще только предстояло создать. В одном случае мы имеем дело с общими умозрительными рассуждениями (традиционная философия – «метафизика») о том, какими должны быть природа, общество или научное познание, а во втором (новая, «позитивная» философия) – с установлением и описанием того, какими они действительно являются. Очевидно, что это – абсолютно разные задачи. Главными итогами реализации нового понимания философии науки стали: 1) построение Г. Спенсером общей научной картины мира своего времени, разработка им классификации наук и составление истории естествознания; 2) разработка эмпирико-индуктивистской методологии научного познания (Дж.Ст. Милль); 3) формулировка программы конкретно-научного

исследования общества и его законов (идея создания «социальной физики» — О. Конт).

1. Эмпирико-индуктивистская эпистемология

Если говорить о гносеологических представлениях первых позитивистов, то, согласно разработанной ими модели научного познания, источником, основой и критерием истинности научного знания должен быть только эмпирический опыт (данные наблюдения и эксперимента — «факты»). Методом же открытия и обоснования научных законов (под которыми, прежде всего, имелись в виду причинно-следственные законы) считался индуктивный метод³. Однако это должна быть не перечислительная индукция, а индукция через элиминацию различных гипотез, претендующих на звание причинного закона, путем сопоставления этих гипотез с данными опыта и отбраковки ложных причинных гипотез. Дж.Ст. Миллем был разработан целый ряд таких индуктивных процедур отбора причинных гипотез, получивших название «методов установления причинно-следственных связей»: метод сходства, метод различия, объединенный метод сходства и различия, метод остатков, метод сопутствующих изменений. Эти методы были подробно изложены Миллем в его знаменитой работе «Система логики силлогистической и индуктивной». Однако уже к концу XIX в. для большинства ученых и философов (в том числе и для самих позитивистов) стала очевидной несостоятельность эмпирико-индуктивистской модели научного познания при ее сопоставлении с реальной познавательной деятельностью ученых. Основываясь на материале истории науки, а также на функционировании современной науки, критики индуктивистской модели показали, что: а) реальное научное познание не обязательно и не всегда начинается с данных наблюдения и эксперимента (например, в математике и теоретическом естествознании); б) открытие научных законов и теорий осуществляется не только с помощью индукции, но и с помощью многих других методов (гипотезы, аналогии, интуиции, идеализации, конструктивного мышления и др.); в) по своим логическим возможностям любая индукция, в том числе и миллевские методы, принципиально не способна быть средством доказательства истинности научных законов (в том числе и причинных), а в лучшем случае — только способом подтверждения их истинности или доказательства вероятности этой истинности⁴.

Все эти аргументы стали основой возникновения нового, второго этапа эволюции позитивизма — эмпириокритицизма и конвенционализма (Э. Мах, А. Пуанкаре, П. Дюгем и др.)⁵. Его представители вполне справедливо отметили тот факт, что процесс открытия научных законов и теорий — это не чисто логический, а в целом весьма сложный психологический и творческий процесс, в котором суще-

ственную роль играет продуктивное воображение ученого, а также интуиция. Это относится не только к естествознанию, но и к математике. Анализ творчества таких ученых как Г. Галилей, И. Кеплер, И. Ньютон, А. Пуанкаре, Г. Кантор, Дж. Максвелл, Л. Больцман и др. свидетельствовал об этом весьма убедительно.

2. Эмпириокритицизм и конвенционализм

В рамках второго этапа развития позитивизма (эмпириокритицизма) было четко осознано, что путь от фактов (данных наблюдения и эксперимента) к научным законам и теориям не является ни строго однозначным, ни чисто логическим. Внимательный анализ таких общепризнанных научных теорий, как классическая механика И. Ньютона, термодинамика, молекулярно-кинетическая теория газов Л. Больцмана, показывал, что их содержание не только не могло быть индуктивным обобщением эмпирических фактов, но что оно вообще никак не могло быть выведено из данных опыта. Дело в том, что в составе этих физических теорий имеются идеализированные (или идеальные) объекты. Такие, например, как материальная точка, идеальный газ, абсолютное время, абсолютное пространство, абсолютно изолированная система, абсолютно инерциальная система, мгновенная передача воздействия на любое расстояние (принцип дальнего действия), абсолютная одновременность некоторого события во всех системах отсчета, абсолютно черное тело, абсолютно белое тело, абсолютный хаос (абсолютное термодинамическое равновесие) и т.д. Эти идеальные объекты и явления в принципе не наблюдаемы, а потому не могут быть предметом чувственного познания или эмпирического исследования. Научные теории не могут быть логически выведены из опыта, они создаются конструктивной деятельностью мышления в качестве надстройки над эмпирическим знанием как его идеальные схемы⁶. Конечно, поскольку задачей научных теорий является максимально точное объяснение имеющихся эмпирических фактов определенной предметной области, а также предсказание новых, постольку это является существенным ограничением конструктивной свободы мышления при создании теорий. Таким образом, эффективная эмпирическая интерпретация всегда, так или иначе, предполагается при создании любой концепции. Однако существование такой интерпретации является только необходимым условием оценки состоятельности научной теории, но отнюдь не достаточным и тем более не может служить критерием ее истинности⁷.

Еще более сложным для эмпиристской философии науки конца XIX в. оказался вопрос о природе математического знания, методах его получения и обоснования и особенно о критериях его истинности. Ведь уже с построением неевклидовых геометрий (Н. Лобачевский, Я. Бойаи, Б. Риман) и их принятием математическим сообществом в

70-е годы XIX в. стало очевидным, что математические теории имеют явно внеэмпирическую природу, как в плане своего происхождения, так и в отношении своего обоснования. Их успешное применение в других науках само по себе отнюдь не может выступать доказательством их истинности. Таким критерием не может выступать и требование интуитивной очевидности их аксиом. Дело в том, что интуитивная очевидность всегда: а) субъективна, б) относительна, в) во многом является делом привычки, следствием сложившихся в математическом сообществе стереотипов очевидности. В частности, неевклидовы геометрии долгое время не принимались именно потому, что большинству живущих в XIX в. математиков аксиомы геометрии Евклида казались интуитивно более очевидными, чем аксиомы геометрий Лобачевского или Римана. Однако столь же несостоятельными оказались попытки философов обосновать безусловную истинность евклидовой геометрии (и соответственно, ложность неевклидовых геометрий) утверждением априорного характера содержания евклидовой геометрии и невозможности для нашего сознания представить истинной какую-то другую геометрию (И. Кант). Последующее принятие математиками неевклидовых геометрий в качестве полноценных теорий привело их к необходимости пересмотра старых критериев истинности математического знания (его согласия с эмпирическим опытом и интуитивной очевидности аксиом) и выработки новых. В результате такими критериями стали считаться внутренняя логическая непротиворечивость математических теорий, их доказательность, внутри-математическая полезность и эффективность в приложениях (не обязательно имеющих эмпирический характер). Моделями для математических теорий могли служить другие математические же теории, а их эффективность могла проявляться в решении не только эмпирических задач, но и математических проблем, а также в обеспечении развития математического знания в целом.

Анализ реального процесса научного познания и выявление его особенностей породили в философии науки конца XIX — начала XX в. такое самостоятельное направление в рамках второго этапа эволюции позитивизма как конвенционализм, который по целому ряду принципиальных трактовок процесса научного познания отличался от эмпириокритицизма Маха⁸. Основными представителями этого направления были Ле Руа, А. Пуанкаре, П. Дюгем и другие крупные ученые и философы. Конвенционалисты одними из первых четко осознали невозможность решения проблем истинности и объективности научного знания, как с позиций эмпиризма, так и с позиций априоризма кантовского типа. С их точки зрения, это особенно очевидно по отношению к реальным научным теориям, которые, с одной стороны, не являются логическим обобщением эмпирических фактов, а с другой, не имеют априорного характера или каких-то окончатель-

ных и бесспорных оснований в человеческом разуме, как это полагали ранее Декарт, Кант или Гегель. Согласно конвенционалистам, все научные теории, во-первых, являются результатом конструктивной деятельности мышления, которое по самой своей природе является творческим процессом. Во-вторых, как принятие, так и непринятие любых результатов мышления является делом свободного выбора субъектов научного познания и основано на их когнитивной воле. В-третьих, принятие решения об истинности тех или иных исходных понятийных конструкций является конвенциональным по своей сути для всех реальных субъектов научного познания. С точки зрения конвенционалистов, апелляция к необходимости философского обоснования научных теорий лишь запутывает проблему, но отнюдь не способствует ее разрешению. В своей конкретной аргументации сторонники конвенционализма обращались, прежде всего, к математическим теориям, но также и к теориям из области естественных и социально-гуманитарных наук. Истина, считают они, есть необходимая категория науки и научного познания, но только саму научную истину следует понимать как результат соглашения между учеными, и, соответственно, как то, что в принципе может быть пересмотрено в будущем, а не как нечто, навязанное ученым извне с абсолютной необходимостью. При этом не имеет никакого принципиального значения характер этой необходимости, будь то Природа, Бог или априорное сознание субъекта познания. Следует признать вместе с конвенционалистами, что конвенции действительно играют большую роль в научном познании (определение значений всех научных терминов, принятие определенной системы логических законов и правил, выбор системы аксиом, основных законов и принципов научной теории, выбор эталонов, систем единиц и правил измерения в той или иной науке и т.д.). Однако представители конвенционализма явно не правы, когда утверждают конвенциональный характер всех истин в науке. Ибо при этом они неправомерно абстрагируются от важных факторов и условий научного познания: а) существенного влияния познаваемых объектов на содержание научного знания, б) социально-детерминированного характера процесса принятия самих научных конвенций, в) логической взаимосвязи и зависимости одних научных понятий и суждений от других (в том числе зависимости новых конвенций от уже существующих, а всех их вместе от объективно сформировавшейся системы естественного языка, который составляет необходимую основу любого научного языка)⁹.

3. Неопозитивизм

Новым этапом развития позитивистской эпистемологии и философии науки стал неопозитивизм, возникший в начале XX в. и ставший на долгие годы ведущим направлением в философии научного

познания. Особенно сильным было влияние такого его течения как логический позитивизм и, в частности, логический эмпиризм¹⁰.

Основателями логического позитивизма были Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап, Г. Рейхенбах и др. Что не устраивало создателей неопозитивизма в эмпириокритицизме как предшествующей версии позитивизма? Прежде всего, сведение эмпириокритиками задач философии науки к теории научного творчества и описанию организационных механизмов функционирования науки и научного знания. Но больше всего их не устраивали исторические и психологические методы анализа и решения эмпириокритиками проблем философии науки. Обвинив эмпириокритиков в психологизме, неопозитивисты утверждали, что методы эмпириокритиков являются слишком расплывчатыми для статуса такой строгой дисциплины, какой должна быть философия науки. Из этой ситуации, с точки зрения неопозитивистов, есть следующий выход: во-первых, ограничение предмета философии науки только языком науки, и во-вторых, построение эталонного (идеального) научного языка с помощью методов таких строгих наук как математическая логика и логическая семантика. К этому времени обе эти дисциплины были на подъеме и достигли замечательных результатов в решении проблем построения строгих логических моделей доказательств и рассуждений. Логический анализ научного знания, структуры научных теорий, их доказательности, уточнение смысла и значения всех фундаментальных понятий реальной науки средствами математической логики и логической семантики — вот суть программы философии науки логического позитивизма. Однако усилия логических позитивистов в течение 50 лет реализовать эту программу показали явную ограниченность заявленных ими методов реконструкции научного знания. Язык реальной и успешно функционирующей на практике науки явно не соответствовал тем стандартам и меркам, с позиций которых к нему подходили логические позитивисты. Структура реального научного знания явно не укладывалась в прокрустово ложе идеальных схем современной формальной (математической) логики. В итоге программа логического позитивизма оказалась реализуемой частично: только в самой логике и лишь отчасти в математике (да и то с существенными ограничениями — результаты А. Черча, К. Геделя, Б. Рассела и др.). Она оказалась весьма плохо реализуемой в естественных науках (где попытки применить строгие формально-логические стандарты анализа и реконструкции языка этих наук были явным насилием над ним; показательными в этом отношении были схоластические работы А.А. Зиновьева типа построенной им системы «логической физики» и т.п.). И, наконец, философия науки логических позитивистов потерпела полное фиаско в социально-гуманитарных науках, не только потому, что язык весьма далек от формально-логических канонов его

построения, но и потому, что само социально-гуманитарное знание выражается с помощью дискурса лишь частично и достаточно приблизительно. Здесь существенную роль играют также такие средства и методы как понимание, коммуникации (как когнитивные, так и социальные), большой объем неявного знания, в том числе личностного и др.

Основу общей модели научного знания и познания логического позитивизма составляли следующие предпосылки, получившие впоследствии от его критиков едкое название «эпистемологические догмы»:

- 1) научное знание имеет два основных уровня: эмпирическое и теоретическое знание; при этом второе частично сводится к первому и контролируется им;
- 2) научная теория — это дедуктивно организованная система высказываний об основных законах изучаемой предметной области;
- 3) из научной теории логически выводятся эмпирически проверяемые следствия;
- 4) единственным критерием истинности и обоснованности научных теорий должна быть степень их соответствия данным наблюдения и эксперимента.

Однако сравнение всех этих положений с реальной наукой и ее историей показало, что они явно не соответствуют структуре реального научного знания и познания и их динамике. Они оказались значительно сложнее представлений о них позитивистов. Во-первых, структура реальных научных теорий состоит не из двух, а как минимум из трех качественно различных по содержанию уровней знания: эмпирического, теоретического и метатеоретического. Во-вторых, научная теория имеет собственное (идеальное) содержание, которое ни полностью, ни частично не сводимо к эмпирическому знанию. В-третьих, теории являются относительно самодостаточными когнитивными системами. Они не только не находятся под полным контролем и управлением со стороны данных наблюдения и эксперимента, но скорее сами контролируют и интерпретируют эмпирическое исследование и его результаты. В-четвертых, только математические теории являются дедуктивно организованными (аксиоматическими) системами; подавляющее же большинство теорий естествознания и социально-гуманитарных наук организованы другим способом. В-пятых, из теорий самих по себе непосредственно, чисто логически не могут быть выведены никакие эмпирические следствия; такие следствия можно вывести только из более сложной системы: «теория + ее конкретная эмпирическая интерпретация»¹¹. В-шестых, соответствие эмпирически интерпретированной теории некоторому множеству фактов является лишь одним из критериев ее истинности и успешности. При оценке истинности и приемлемости

научной теории используется также целый ряд других критериев: «внутреннее совершенство теории» (А. Эйнштейн), ее логическая непротиворечивость, простота, согласие с другими теориями, доверие к ней со стороны членов научного сообщества, эвристичность теории и др. Мощная критика логического эмпиризма, явное несоответствие его моделей научного познания реальной науке, неспособность эффективно решать центральные проблемы философии науки и, в частности, проблему выбора научных теорий, проблемы развития науки и научного знания, исключение логическими позитивистами из своих моделей структуры и динамики науки реальных субъектов научного познания, а также исторического, социального и психологического контекстов научного познания — все это привело в начале 70-х гг. XX в. к уходу логического позитивизма с философской сцены как главного действующего лица. Более жизнеспособным оказалось второе направление неопозитивизма — философия лингвистического анализа науки (Г. Райл, Дж. Остин и др.). Лингвистические неопозитивисты разделяли позицию логических позитивистов лишь в том, что предметом философии науки должен быть язык науки. Однако в отличие от логических позитивистов, они считали, что а) это должен быть язык реальной науки, а отнюдь не его образец, искусственно сконструированный с помощью средств математической логики; б) язык реальной науки — это специфический вид языковой игры с достаточно широким набором правил, применение которых в существенной степени определяется задачами общения субъектов научного познания и варьируется достаточно широко в зависимости от предмета, целей и контекста научного исследования (концепция языковых игр Л. Витгенштейна)¹².

4. Неклассическая эпистемология

В 60 — 70-х гг. XX в. на смену неопозитивизму в западной философии науки приходит постпозитивизм¹³. Его основные представители: К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др. В отличие от логических позитивистов они считали главным предметом философии науки не проблему структуры научного знания, а проблему его динамики и развития. К. Поппер в качестве альтернативы логическому эмпиризму предложил концепцию критического рационализма и фальсификационизма, которая явилась своеобразным синтезом эмпиризма и конвенционализма. Постпозитивизм был связан мощной пуповиной с эмпиризмом. Его представители лишь пытались выйти за пределы логического эмпиризма. Что их не устраивало в нем? Во-первых, традиционная эпистемологическая вера, что эмпирический опыт выступает в качестве основного средства если не доказательства, то, по крайней мере, подтверждения истинности теорий в случае соответствия их следствий эмпирическим данным. Р. Карнап и Г. Рейхенбах

пытались даже построить системы индуктивной логики, с помощью которых можно было бы количественно определять степень подтверждения теории фактами. Однако все попытки построения такой вероятностной индуктивной логики окончились неудачей, имевшей принципиальные основания. В отличие от логических позитивистов Поппер предложил радикально изменить взгляд на функцию опыта по отношению к теориям. С его точки зрения, назначение эмпирического опыта в науке состоит отнюдь не в том, чтобы подтверждать и внедрять истинные теории (для этого у опыта просто не хватит сил), а в том, чтобы распознавать, критиковать и опровергать ложные теоретические гипотезы. Это, конечно, более слабая эпистемологическая задача, чем распознавание истинных теорий, но зато, по Попперу, вполне выполнимая. Так появилась фальсификационистская доктрина Поппера. Однако фальсификационистский эмпиризм Поппера был куплен весьма дорогой ценой с позиций правоверного догматического эмпиризма. Такой ценой оказалось допущение Поппером идей конвенционализма в стан эмпиризма. Правда, Поппер вовсе не склонен соглашаться с утверждениями конвенционалистов о конвенциональной природе теорий. Тем не менее он полагал, что принятие учеными некоторых эмпирических фактов в качестве бесспорно истинных утверждений является, безусловно, делом конвенции и не может быть ничем другим, иначе был бы неизбежен логический регресс в бесконечность при обосновании теорий. А это означало бы разрушение веры ученых в возможность достижения в науке объективно истинного и обоснованного знания, чего допустить нельзя. Другим неприятным следствием фальсификационизма явился фаллибизм: согласно Попперу, все научные теории и законы потенциально ложны и рано или поздно будут опровергнуты опытом. Это вытекает из того, что любой закон имеет всеобщий характер, однако его претензии на всеобщность всегда имеют под собой в качестве реального основания только конечный человеческий опыт, который принципиально является не полным по отношению к содержанию всей объективной действительности и потому рано или поздно будет скорректирован ею. Об этом убедительно свидетельствует вся история развития научного познания. Поэтому реальное, на что может претендовать научное познание, так это только на создание гипотез, которые не противоречат имеющимся в конкретный момент истинным эмпирическим фактам. В этой связи необходимо отметить, что постпозитивистские концепции методологии исследовательских программ (И. Лакатос) и анархистской методологии (П. Фейерабенд) развивались в том же русле скрещивания идей эмпиризма с идеями конвенционализма.

Однако уже к концу XX в. на смену постпозитивизму приходят более конкурентоспособные и влиятельные направления эпистемологии и философии науки, которые были нацелены уже не на совер-

шенствование эмпиризма, а на его радикальную критику и замену. Постпозитивизмом вообще заканчивается эпоха неклассической философии науки, начало которой было положено в конце XIX в. эпистемологией прагматизма и конвенционализма. После основательной критики постпозитивистских моделей научного познания предпринимались попытки создания новых моделей, но уже не на основе противоречия между теорией и опытом как главной движущей силы развития научного познания, а на более широком основании, включая социальные, антропологические и ценностные детерминанты и мотивации в развитии научного знания. Это ознаменовало начало уже нового, так называемого постнеклассического этапа развития эпистемологии и философии науки.

5. Постнеклассическая эпистемология

Основными течениями постнеклассической философии науки являются социальная эпистемология, антропологическая эпистемология, радикальный конструктивизм, культурно-исторический анализ науки, синергетическая парадигма научного познания, позитивно-диалектическая эпистемология и философия науки и др.¹⁴

Программа социальной и социально-психологической эпистемологии и философии науки была заявлена в работах М. Фуко, Т. Куна, представителей институциональной и когнитивной социологии науки (Н. Коллинз, А. Сторер, Э.М. Мирский, Е.А. Мирская, А.Н. Авдулов, А. Юревич, М. Барбер, М. Малкей, Дж. Гилберт, Л. Лаудан и др.). Все они настойчиво подчеркивают принципиально социальный характер науки и научного познания, интегрированность науки в более широкие познавательные системы и контексты, зависимость функционирования и развития науки и научного познания от различного рода социальных факторов и детерминант, причем не только и даже не столько материального характера (например, производственные, экономические, технические и технологические проблемы и потребности развития общества), сколько социально-психологического и научно-организационного: теоретические и методологические стереотипы, степень востребованности креативных личностей, творческого и инновационного мышления в обществе и науке, господствующий в обществе менталитет граждан и их отношение к науке, уровень организации науки и научных исследований, качество научных приборов и оборудования, эффективность научно-технической политики государства и др. В рамках же гуманитарной, антропологической парадигмы философии научного познания (герменевтика, когнитивная психология, постструктурализм, теория научного творчества) ее представители подчеркивают роль субъективно-личностных факторов в функционировании и динамике научного познания и знания. Этими факторами являются:

качество самих субъектов научного познания, их познавательные и организационные способности, творческий потенциал, самоотдача ученых в служении своему делу, степень их стремления проникнуть в сущность явлений, волевой и личностный потенциал субъектов познания, склонность не только к эффективному усвоению имеющегося знания, но, прежде всего, к созданию нового, способность не только объяснять познаваемые явления, но и достигать их понимания, нацеленность в своем когнитивном поведении не на конформизм, а на защиту собственного видения предмета познания.

Важным направлением современной постнекласической эпистемологии и философии науки явился культурно-исторический анализ функционирования и развития научного познания. Наибольшее развитие он получил в отечественной эпистемологии и философии науки, особенно в последней четверти XX в. (исследования Н.В. Мотрошиловой, П.П. Гайдено, Л.А. Косаревой, В.С. Библера, В.С. Степина, М.К. Петрова, В.Л. Рабиновича, Г.Д. Гачева, М.К. Мармашвили и др.)¹⁵. Наиболее четкое теоретическое обоснование данное направление эпистемологии и философии науки получило в работах В.С. Степина¹⁶. Исходным пунктом данного направления является акцентирование того обстоятельства, что наука и научное познание являются органическими подсистемами культуры, а потому всегда в своем функционировании и развитии испытывают серьезное влияние со стороны культуры как целого и всех ее подсистем. Конечно, наука, как и все другие подсистемы культуры, обладает относительной самостоятельностью и относительной независимостью от других подсистем и имеет свою специфическую систему регуляторов, способов самоорганизации и внутренних закономерностей развития. Однако все они имеют конкретно-историческое наполнение и в целом резонируют с культурно-историческими сдвигами в развитии цивилизации, отвечая на эти вызовы изменением своего содержания и степенью значимости влияния различных внутринаучных факторов на развитие научного знания. Эта зависимость науки от изменений в культуре имеет результатом трансформации в идеологии науки — норм, методов и идеалов научного познания. Она особенно четко видна при смене типов цивилизационной динамики общества, приводящей и к смене культурно-исторических типов науки: древняя восточная наука — античная наука — европейская средневековая наука — наука эпохи Возрождения — классическая наука — неклассическая наука — современная постнекласическая наука. Центральной философской проблемой культурно-исторического анализа науки и научного познания является взаимосвязь и соотношение внутренней логики развития научного познания с изменением социокультурных условий ее существования. Является ли сила этой зависимости науки

и научного познания от социокультурного контекста величиной постоянной или переменной?

Одним из важных и влиятельных направлений современной постнеклассической философии научного познания является радикальный конструктивизм¹⁷. В отличие от культурно-исторической парадигмы эпистемологии и философии науки представители радикального конструктивизма (У. Матурана, П. Бергер, Т. Лукманн и др.) в своем объяснении процесса научного познания пытаются не выходить за рамки науки и не апеллировать к социальным или культурно-историческим детерминантам, оставаясь в рамках интерналистского подхода к объяснению динамики научного знания, но чрезмерно акцентируя конструктивно-творческую природу научного познания на всех его уровнях, не только на теоретическом и эмпирическом, но даже на чувственном уровне познания. Для них любой акт и результат познания есть конструкт, включая даже любой чувственный образ. Они — радикальные противники любых версий трактовки научного познания и содержания научного знания как отражения объективной реальности. Само понятие объективной реальности они также считают познавательным конструктом, но при этом неудачным, неприемлемым с точки зрения критического мышления. Методологическую ущербность данного конструкта они видят в том, что его принятие ведет к порождению догматизма в эпистемологии и философии науки. А это явно противоречит реальному плюрализму научного познания и в синхронии, и особенно в диахронии при обращении к реальной истории науки, где одни концепции и подходы сменяются другими, часто радикально противоречащими первым при описании и объяснении одного и того же круга явлений. С точки зрения радикальных конструктивистов, любой образ, понятие, высказывание являются в своем содержании не копиями познаваемых явлений, а лишь их репрезентантами (представителями), более или менее удачными. Вопрос же о степени их удачности решается, как правило, на основе прагматических соображений, с точки зрения их полезности для решения определенных практических проблем или на основе конвенции. Других способов оценки их приемлемости, согласно радикальным конструктивистам, просто не существует.

В последнее десятилетие возникла новая исследовательская программа в философии научного познания — синергетическая. Ее развивают в основном представители отечественной философии науки (В.И. Аршинов, Е.Н. Князева, В.Г. Буданов, В.М. Розин, В.Е. Лепский и др.)¹⁸. Они пытаются применить категориальный и методологический потенциал синергетики к моделированию развития научного знания. Упор делается при этом на трактовку накопленного научного знания как сверхсложной системы, состоящей из огромного по своей мощности множества самых разных единиц и подсистем

научного знания, вступающих между собой (с помощью исследователей и их творческого потенциала) в огромное число самых разных отношений. Благодаря этому, а также взаимосвязи научного знания с объективной действительностью, к научному знанию и научному познанию становится применимо понятие самоорганизующейся, открытой, диссипативной эволюционирующей системы. Общей теорией функционирования таких систем и является синергетика в ее общеметодологической интерпретации. Эта концепция находится еще только в начале своего развития, особенно в плане практического испытания ее предсказательных возможностей в отношении системы научного познания.

6. Диалектическая концепция научного познания

Однако наиболее адекватной и универсальной среди всех парадигм научного познания представляется концепция, которую мы называем позитивно-диалектической эпистемологией¹⁹. Позитивной, потому что она ориентирована на структуру и динамику реальной науки, рассматривая ее эмпирический анализ в качестве отправной точки построения адекватной модели научного познания. В этом ее сходство с позитивизмом. Диалектической, потому что она исходит из реальной противоречивости структуры и динамики научного знания как из фундаментального факта. Это направление сложилось в России во второй половине XX в. и представляло собой программу применения категориального аппарата диалектики к анализу реального процесса научного познания, структуры реальной науки и ее динамики. Известными его представителями стали такие отечественные философы и методологи науки как Б.М. Кедров, Д.П. Горский, А.И. Уемов, Н.Ф. Овчинников, В.С. Готт, Б.С. Грязнов, В.С. Швырев, В.А. Лекторский, В.С. Степин и др. Базисными положениями этого направления эпистемологии являются четыре следующих. **Первое положение.** Наука и научное познание представляют собой не просто сложные, а диалектические системы, т.е. системы, состоящие из элементов и подсистем, противоположных по своим свойствам. Это, например: чувственное и рациональное знание; эмпирическое, теоретическое и метатеоретическое знание и познание; рассудок и разум; логика и творчество; интуитивное и дискурсное знание и познание; внешняя и внутренняя детерминация содержания сознания; созерцательные и волевые действия сознания и познающего субъекта; сознательное (явное) знание и бессознательное (неявное); априорное (предпосылочное) знание и апостериорное знание; анализ и синтез; индукция и дедукция; необходимое и вероятное знание; субъективное и объективное знание; индивидуальное и коллективное в познании; биологически и социально обусловленное в познании; инвариантное и изменчивое в познании и знании; относительное

и абсолютное в познании и знании; аксиоматическое и выводное знание; конвенциональное и объективно-детерминированное содержание знания; прерывные и непрерывные процессы в познании; эволюционные и революционные периоды в эволюции содержания знания и технологиях познавательной деятельности и др. **Второе положение.** Диалектически противоречивые системы знания и познания должны быть описаны логически непротиворечивым образом. Это нельзя сделать непосредственно, а только путем создания частных моделей, описывающих отдельные стороны процесса познания, которые являются гомогенными и непротиворечивыми. В результате должно возникнуть множество частных моделей описания сложной диалектической системы познания и знания, которые будут находиться в отношении дополнительности по отношению друг к другу при описании процесса научного познания в целом. В то же время все эти модели будут противоречить друг другу при попытке любой из них претендовать на универсальную значимость. **Третье положение.** Как известно, основным способом построения частных моделей и программ исследования научного познания является принцип бинарной оппозиции. Он состоит в абсолютизации одного из реальных противоположных свойств научного познания в качестве основного для характеристики сущности всего процесса познания: сенсуализм — рационализм; эмпиризм — априоризм; интернализм — экстернализм; эссенциализм — инструментализм; методологизм — конструктивизм; натурализм — культурологизм; объективизм — гуманитаризм; позитивизм — трансцендентализм; индивидуализм — социологизм и др. Принцип бинарной оппозиции лежит в основе конструирования содержания знания по принципу «либо — либо» в отношении его противоположных свойств и сторон. Этот принцип является основой всякого рассудочного мышления с его разведением противоположностей по различным аспектам или уровням системы. Конструктивным же принципом мышления на более высоком его уровне — на уровне разума — является (диалектический) синтез противоположных характеристик системы. Очевидно, что он не может быть непосредственным синтезом противоположностей (иначе система будет формально-логически противоречивой, что, конечно, недопустимо с позиций рациональности), а только опосредованным. Такой синтез всегда предполагает введение некоторого третьего, промежуточного элемента между противоположностями, который должен обладать некоторыми свойствами каждой из синтезируемых противоположностей. Это — самая творческая задача при создании непротиворечивой модели любой диалектической системы. Например, диалектический синтез эмпирического и теоретического знания осуществляется с помощью введения такого посредствующего звена между этими противоположными видами научного знания

как эмпирическая интерпретация теории, которая осуществляется с помощью особого класса утверждений – интерпретативных предложений, называемых часто также правилами соответствия.

Четвертое положение. Создание универсальной диалектической модели научного знания и познания возможно только на пути синтеза (диалектического обобщения) частных моделей научного познания. Такое обобщение можно осуществить только при соблюдении двух следующих условий: 1) выявление объективного содержания (реконструкция «рационального зерна») каждой из частных моделей и 2) снятие с каждой из них абсолютизированной формы и вызванных ею ошибок в истолковании реального процесса научного познания. Например, эмпиризм абсолютизирует значение эмпирического уровня познания в науке и данных наблюдения и эксперимента как основы и критерия истинности научного знания. Теоретизм же, напротив, преувеличивает относительную самостоятельность теоретического познания по отношению к данным опыта и его роль в динамике научного знания. Иррационализм преувеличивает роль интуиции и личностное измерение научного знания и познания. Прагматизм явно преувеличивает зависимость научного познания от практической деятельности и недооценивает мировоззренческое значение научного знания. Интернализм недооценивает влияние на развитие научного знания и познания социокультурных факторов и абсолютизирует значение внутренней логики в развитии познания и т.д. Указанный выше способ построения позитивно-диалектической модели научного познания выводит ее на более высокий уровень философско-методологического знания по сравнению с обобщаемыми в ее рамках частными эпистемологическими моделями. А именно – на метатеоретический уровень познания. При этом очевидно, что дальнейшее развитие содержания позитивно-диалектической модели эпистемологии науки будет в существенной степени зависеть от появления новых частных моделей структуры и динамики научного познания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая. – М., 2013.

² См. там же.

³ См.: Лебедев С.А. Методология науки: проблема индукции. – М., 2013.

⁴ См. там же.

⁵ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки // Вопросы философии. 2013. № 5. С. 57 – 69.

⁶ См.: Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. № 10. С. 83 – 100.

⁷ См.: Лебедев С.А. Структура научного знания // Философские науки. 2005. № 11. С. 124 – 135.

⁸ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Конвенционалистская философия науки.

⁹ См. там же.

¹⁰ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая.

¹¹ См.: Лебедев С.А. Уровни научного знания // Вопросы философии. 2010. № 1.

¹² См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Эпистемология и философия науки: классическая и неклассическая.

¹³ См.: Лебедев С.А., Коськов С.Н. Постпозитивизм: выход за пределы логического эмпиризма // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2013. № 2. С. 1 – 15.

¹⁴ См.: Лебедев С.А. Постнеклассическая эпистемология: основные концепции // Философские науки. 2013. № 4. С. 72 – 87.

¹⁵ См.: Лекторский В.А. Эпистемология: классическая и неклассическая. – М., 2010; Современная философия науки. Хрестоматия / сост. А.А. Печенкин. – М., 1996; Философия науки. Хрестоматия / отв. ред. Л.А. Микешина. – М., 2006; Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под общ. ред. И.Т. Касавина. – М., 2009.

¹⁶ См.: Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006.

¹⁷ См.: Лебедев С.А. История философии науки // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2009. № 1. С. 1 – 32.

¹⁸ См.: Аришинов В.И. Синергетика и методология постнеклассической науки // Философские науки. 2002. № 8; Князева Е.Н. Нелинейная паутина познания // Человек. 2006. № 2.

¹⁹ См.: Лебедев С.А. Структура и развитие научного знания. Позитивно-диалектическая концепция. – М., 2012.

Аннотация

В статье анализируются основные парадигмы методологии научного познания: эмпирико-индуктивистская, конвенционалистская, неопозитивистская, постпозитивистская, постнеклассическая, диалектическая.

Ключевые слова: наука, научное познание, эпистемология, философия науки, эмпиризм, индуктивизм, конвенционализм, эмпириокритицизм, неопозитивизм, постпозитивизм, постнеклассическая эпистемология, диалектическая эпистемология.

Summary

The article considers the main methodological conceptions of the scientific investigation: empiricism, conventionalism, neopositivism, postpositivism, postnonclassical epistemology, dialectical conception.

Keywords: science, scientific investigation, epistemology, philosophy of science, empirism, inductivism, convencionalism, empiriocriticism, neopositivism, postpositivism, postnonclassical epistemology, dialectical epistemology.

**Перспективы
социальной консолидации**

Круглый стол

**МЕДИАЦИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ***
Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г.
Часть 5

Организаторы Круглого стола:

Центр политологии и политической социологии,
Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии РАН
совместно с Российским обществом социологов (РОС)

Ведущие: А.П. Давыдов, А.С. Железняков, А.В. Тихонов

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ. Предлагаемое сообщение – **Парадоксальность реализации медиации** – я попытался выстроить, отталкиваясь от наболевшего, с инверсивностью России – к цивилизационному парадоксу реализованной медиации и отсюда к методологии меры и гармонии. Надеюсь, такая логика даст возможность развертывания содержания категории медиации...

Напомню только, что термин «медиация» был введен К. Леви-Стросом для обозначения альтернативы сложившимся в рамках культуры смысловым структурам. Согласно А.С. Ахиезеру, неявному участнику нашего обсуждения, *медиация есть процесс и результат рефлексивного поиска выхода за рамки сложившейся культуры*. В этом плане медиация противостоит партиципации как воспроизводству сложившихся стереотипов. Следствием доминирования партиципации становится неспособность выработки механизмов последовательного кумулятивного развития и систематические инверсии: хождения по кругу, «шараханья» между противоположными стереотипами, неспособность выйти за их рамки. *Главным условием реализации медиации является рефлексивная деятельность субъекта, способного к ответственному самоопределению*. Этот комплекс идей был положен А.С. Ахиезером в основу его весьма внятной и ясной модели объяснения особенностей динамики исторического развития российского общества как преимущественно инверсивного.

* Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12; 2014. № 1, 2.

Поэтому — прошу простить, но представляется вполне естественным начать с наболевшего — с России.

В данном сообщении я предполагаю рассмотреть два основных вопроса. Во-первых, химерический характер медиации применительно к России. Во-вторых, перспективы медиации в условиях современного массового общества и постсекулярных тенденций. Это выводит к третьему вопросу, уже сугубо методологическому, — об иррациональности меры, свободы и ответственности, что открывает новые перспективы анализа, но, как мне представляется, уже выходит за рамки данной дискуссии.

(1) Современная Россия химерически медиационна

Медиация — условие достижения стабильности (консолидации) и на этой основе — устойчивого (кумулятивного) развития общества. Россия же — пример общества, развивающегося реверсивными циклами, которые А.С. Ахиезером описаны систематично и убедительно. Что стоит за этой «упорной» инверсивностью?

Алексей Платонович недавно написал замечательную книгу «Неполитический либерализм в России». Концепт неполитического либерализма чрезвычайно важен для понимания особенностей российской истории, настоящего, а значит и перспектив. А главное — причин непонимания либерализма как мировоззрения свободной и ответственной личности, мировоззрения, формирующего нравственно автономную личность — т.е. реального носителя медиационного сознания. Такая личность, способная к нравственному поведению не в силу внешних ограничений, а в силу внутренне выработанных и принятых правил, норм — идеал любой морали. Но либерализм не просто строится на основе идеала свободы как ответственности, а предполагает и отношение к другим людям как к столь же свободным и ответственным. В России же на протяжении всей ее истории, да и до сих пор свободу понимают как волю, а либерализм и демократию — как нечто противоположное личной морали, дисциплине и социальному порядку. И тогда становится ясным, что *главное в либерализме — не только, а главное — не столько экономическая или политическая либерализация, сколько либерализм именно личностный, неполитический, что и политический, и экономический либерализм невозможны без либерализма неполитического и без носителей этого мировоззрения.*

Алексей Платонович искал потенциал неполитического либерализма в русской культуре, в ее золотом фонде — литературной классике, в современной литературе и пришел к достаточно печальному выводу об отсутствии такого потенциала. Что за этим стоит? Какой дефект российского социума постоянно возвращает его в колею инверсивных шараханий? *Почему в России никак не сложится критическая масса носителей медиационного сознания?*

В поисках ответов можно воспользоваться недавно предложенной ценностно-нормативной моделью социогенеза. Ее основные идеи были опубликованы в «Философских науках» (2013. № 1). Поэтому кратко напомним главное.

В основе образования любой общности лежит стремление к **безопасности**. За этим стремлением стоят угрозы физическому существованию, страх перед неопределенностью окружающего мира. Вместе же легче выжить, отбиться от врагов, обеспечить пропитание, продолжить род. Кстати, это значение безопасности достаточно часто и широко используется в политике. Речь идет не только о вполне объяснимой необходимости обеспечения внешней и внутренней безопасности — от военной и экономической до информационной и продовольственной. Хорошо известны и политические манипуляции, когда общество запугивается, хорроризируется, когда формируется образ врага (внешнего, а то и внутреннего), выдвигается мысль о Великой Опасности, перед лицом которой всем следует сплотиться вокруг мудрого руководства. Консолидация общества реализуется легче именно перед лицом реальной или выдуманной опасности, чем на позитивной, конструктивной основе. Поэтому безопасность можно отнести к базовым ценностям социогенеза.

Однако как только образуется некая общность, сразу же возникает еще одно стремление, связанное с проблемами признания, оценки, предпочтения, доминирования и подавления, а вместе с ними и конфликты, переживания обид, зависти и рессентимента: «так не честно», «а почему ей (ему), а не мне», «давайте по правилам, справедливо»... Разрешение этих конфликтов, проблем связано с реализацией второй базовой ценности социогенеза — **справедливости**. Стремление к справедливости порождает социальные нормы, социальный контроль и другие механизмы и формы социализации личности: от морали и права до социально-культурных эмоций чести, гордости, стыда, смеха...

При этом сами эти представления, формальные и неформальные институты могут рассматриваться некоторыми членами общества как неправильные, несправедливые, что может давать импульс развитию, пересмотру норм и правил. Поэтому справедливость реализуется по двум направлениям: (1) формирования правил, запретов, норм, обеспечивающих социализацию членов данного социума; (2) развития этих норм за счет творчества, инициативы, самореализации отдельных активных индивидов, а то и целых социальных групп, слоев, классов.

Традиционные общества обходятся первым вектором справедливости, рассматривая носителей творческих инициатив как нежелательных девиантов, по отношению к которым применяются различные санкции — вплоть до наказаний, изгнания, даже казни. Политическая история, история культуры знает тому много при-

меров. Кстати, именно то обстоятельство, что «нет пророка в своем отечестве», вынуждает некоторых творцов-инноваторов искать справедливости и удачи в других краях. Поэтому важным условием успешности модернизации, реализации инновационных проектов является мобильность населения. В этой связи ясной становится роль городов, агломераций — именно в них накапливается критическая масса социального капитала экономического, научного, политического и прочего развития.

Общество, основанное на воспроизводстве традиции, может обходиться реализацией безопасности и справедливости. Но если общество заинтересовано в развитии и творчестве, оно делает ставку также и на второй вектор справедливости, принимая еще одну базовую ценность — *свободу*, связанную с возможностями самореализации.

Таким образом, в общем случае, **ценностную ось социогенеза задают безопасность, справедливость и свобода.**

Центральное место на этой оси занимает именно справедливость с ее возможностями акцентировки в направлении как безопасности, так и свободы. Например, в случае кризиса, катастрофы, любой другой опасности, представления о справедливости резко смещаются в сторону безопасности, зачастую в ущерб личностным правам. Однако по мере политической, экономической стабилизации на первый план начинают выходить права личности, их гарантии, условия самореализации и т.п.

Такие представления убедительно подтверждаются результатами многолетнего международного исследования World Values Survey, ведущегося с 1981 г. под научным руководством Р. Инглхарта и охватившего более 80 стран. Согласно этим результатам, индустриализация обеспечивает переход общества от традиционных ценностей жесткой этническо-конфессиональной солидарности (свойственных аграрным обществам) к ценностям секулярно-рациональным (свойственным обществам индустриальным). Следующий переход — от «материальных» ценностей физического выживания («жадности и подозрительности») к «постматериальным» ценностям общества постиндустриального (открытости, толерантности, демократичности).

Роль справедливости, однако, связана с еще одним важнейшим обстоятельством: эта ценность выступает в качестве импульса формирования социальных институтов — как формальных, так и особенно — неформальных.

Формирование и развитие общества предполагают не только ценностные интенции, установки. Сами эти интенции формируют реализующие их институты — неформальные и формальные. К первым относятся обычаи, традиции, собственно и образующие культуру данного общества, ее нравственное содержание и специфику. Неформальные институты образуют основу (background) формализован-

ных представлений о справедливости, которые выражаются в праве. Наиболее развитой и зрелой формой таких институтов является государство.

Институты реализуют не только представления о нормах, правилах, но и социальный контроль за их осуществлением, санкции по отношению к нарушениям и нарушителям. Неформальные институты могут дозревать до формальных институционализаций — организационных форм юридического лица, государственных органов, обеспечивающих реализацию соответствующих норм, а могут и надолго сохраняться на неформальном уровне.

Культура обеспечивает идентичность, самосознание «Мы», преимущественно эмоционального, формирование «сплывающего» доверия (П. Рикёр), возникающего между людьми, общность с которыми определяется происхождением и этнической идентичностью. Однако относительно развитому социуму, особенно состоящему из представителей разных этносов, конфессий, сплывающего доверия недостаточно. Необходимо доверие институциональное, в рикёровской терминологии — «наводящее мосты» между разными группами и слоями общества. Главная задача права и государства состоит именно в задании такой общей для носителей разной культурной идентичности институциональной рамки, общих для всех правил жизни. Они задают гражданское самосознание, идентичность «Мы», преимущественно рационального. Именно синтез этих двух идентичностей и обеспечивает социальную солидарность, консолидацию нации в ее гражданско-государственном понимании.

В этой связи можно говорить, что социогенез, существование и развитие конкретного социума осуществляются в пространстве, задаваемом на ценностной и институциональной осях, реализуя конкретный, специфический баланс соответствующих векторов. В этом пространстве легко позиционируются основные политические идеологии.

В плане возможностей модернизации и инновационного развития это выражается в тенденции к традиционализму (выражающемуся в тренде к культурной идентичности, безопасности и государственности) или прогрессизму (выражающемуся в тренде к свободе и правовому обеспечению творчества, инициативы).

Ценностно-нормативная модель социогенеза, основанная на выделении ценностной оси (безопасность — справедливость — свобода) и оси институционализации справедливости, позволяет фиксировать особенности культурного профиля общества, его деформации, акцентировку политических идеологий. Предложенная модель может использоваться для построения «профиля» конкретного общества, его политической культуры — в зависимости от степени выраженности и акцентировки ценностных и нормативных параметров.

Так, под моим научным руководством на кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербургский филиал) с привлечением студентов предпринята серия исследований в направлении сравнительного анализа и динамики политической культуры России. Исследование строилось как шкалированное анкетирование с просьбой оценить по 5-балльной шкале векторы по ценностной и нормативно-институциональной осям. Соответствующие оценки позволяли строить в ценностно-нормативной модели профиль политической культуры. Например, в исследовании А. Богдановой с опорой на базу данных Г. Хофстеде удалось сопоставить профили политических культур различных стран, а также динамику политической культуры РФ за последние годы (рис. 1 и рис. 2).

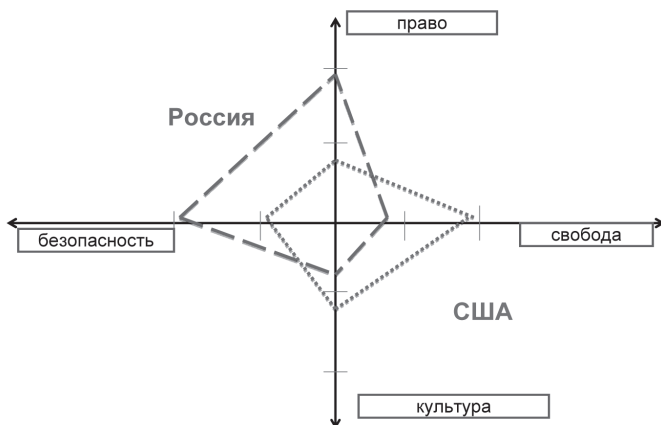

Рис. 1. Сравнение политической культуры России и США
(А. Богданова по данным Г. Хофстеде, 2013).

Рис. 2. Динамика российской политической культуры за 2008 – 2011 гг.
(А. Богданова, 2013 г.)

Исследование А. Камаева позволило сравнить для 12 основных социальных групп РФ профили существующей и желаемой политических культур. Ниже на рис. 3 приведены суммированные профили для всех этих групп.

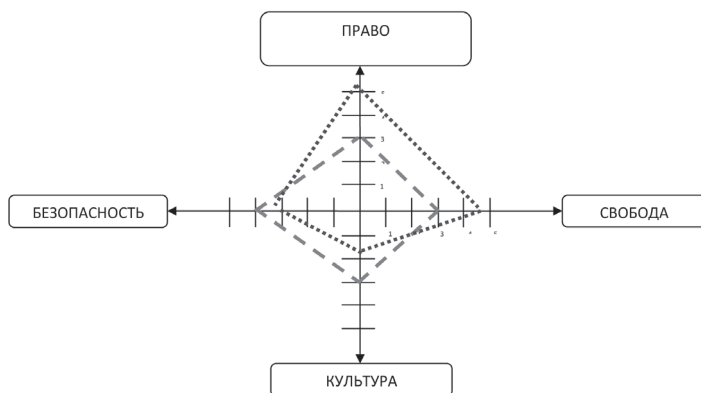

Рис. 3. Интегрированные существующий и желаемый профили российской политической культуры (А. Камаев, 2013 г.)

Различие этих профилей было бы еще более резким, но на общей картине желаемого профиля политической культуры сказался профиль политической культуры представителей РПЦ с его еще большим охранительским акцентом.

Эти примеры достаточно наглядно показывают свойственные российскому обществу доминирование традиционализма, правового нигилизма в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость институтов гражданского общества. Наглядно демонстрируется и дисбаланс сведения социальной жизни к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. Более того, поскольку между ними нет институциональной связи, формальные институты в этой ситуации оказываются декоративными, а политическая система приобретает характер декоративного дизайна. Именно это обстоятельство приводит к печальным последствиям попытки реформирования российского общества на основе правовых моделей, вызревших в других социумах, располагающих развитой правовой культурой и правовым самосознанием понимания свободы как ответственности.

Кстати, именно этот институциональный фактор объясняет так называемый парадокс России, отмеченный в исследовании *World Values Survey* как «откат» за годы новейших реформ к ценностям выживания. Речь идет, скорее, не о ценностном «откате», а о разрушении институциональной среды, приведшем к этническо-клановой раздробленности, корпоративизации общества. Иначе говоря, речь идет

о движении не только по ценностной оси, а скорее по оси нормативно-институциональной, что, кстати, подтверждается приведенными выше данными исследования А. Богдановой.

В предложенной ценностно-нормативной модели политической культуры очевидно доминирование традиционализма в российском обществе, которому на протяжении всей его истории были свойственны правовой нигилизм в сочетании с нравственным максимализмом, неразвитость гражданского общества, вследствие чего социальная жизнь сводится к проявлениям государственной власти и культурной идентичности. Это и порождает инверсионные шарахания. *Попытки государственной элиты реализовать очередной догоняющий рынок оказываются несостоятельными в силу своей неукорененности в культуре и отсутствия полноценных институтов медиа́ции — прежде всего собственности и права.* И для восстановления нормативно-ценностного баланса российского общества, для придания ему импульсов модернизации (в случае их реальной востребованности!) необходима достаточно тонкая и трудоемкая «нейрохирургия».

Эта деформация («травма») российского общества закреплена социально-демографически. На ценностно-нормативный комплекс справедливости как свободы и соответствующие институты прав человека, гарантий охраны собственности и т.п. ориентированы преимущественно жители больших городов, имеющие собственные источники доходов. На ценностно-нормативный комплекс этничности и безопасности ориентированы в большей степени жители малых городов и поселков, средства к существованию которых идут преимущественно из бюджета.

Поэтому **в плане медиа́тивности российское общество — химерическое образование.** Это общество тотального взаимного недоверия, что выражается, помимо прочего, в феномене «экономики недоверия», в которой органически отсутствует реальный запрос на модернизацию. Дивергенция по ценностной оси между безопасностью и самореализацией не может компенсироваться исключительно культуральным фактором (этническим, религиозным).

В современных условиях отсутствие гражданской идентичности компенсируется культурой массового общества, транслируемой СМИ, что и обеспечивает «консолидацию» общества. Возможно, при сохранении длительных благоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических условий в стране способно сформироваться устойчивое ядро граждан (буржуа), заинтересованных в гражданской нации.

Буржуазная революция, начавшаяся в 1905 г. и продолженная в феврале 1917, была прервана. Наша страна вступила в массовое общество, не имея среднего класса, который только начал зарождаться в 1960-х (знаменитые дискуссии о вещизме, о мещанстве). Вторая

волна буржуазной революции в начале 1990-х, прежде всего — приватизация, в несколько причудливой форме, но ускорила этот процесс. События зимы 2011 — 2012 гг. показали, что третье сословие начало потихоньку проявляться. Все эти ролики с безобразиями на избирательных участках снимали молодые, вполне успешные люди на свои недешевые гаджеты. За годы «тучных коров» выросло поколение граждан, у которых появилась какая-то собственность, и они хотят, чтобы их право на эту собственность уважалось. Они платят налоги. Они ждут на переходе зеленый свет. Они поняли: чтобы все ехали, надо чтобы все придерживались правил, а если кто-то правила нарушает, то не едут все. У них не только появились интересы, но и некоторое достоинство. Они не хотят потрясений. Наоборот. Они хотят жить по правилам. И их обидели, даже оскорбили. Это был не политический, а гражданский протест. Никто из них не боролся за власть — они хотели привести власть в чувство, чтобы она соблюдала свои же правила. Во всем мире слово гражданин восходит к слову «горожанин»: бюргер, буржуа, мещанин... И проблема состоит в том, чтобы российское общество признало в новой буржуазии своего иногда непутевого, но сына, а эта буржуазия признала в российском обществе свою больную, полубезумную, но мать.

Надо только отдавать отчет, во-первых, в эфемерности такого шанса, а во-вторых — в противоречивости и парадоксальности природы самой медиации в наше время как на социальном, так и мировоззренческом уровнях.

Основные направления и технологии необходимой социальной инженерии по преодолению дисбаланса российского общества очевидны: опора на модернизационный потенциал (высокий уровень человеческого капитала, терпеливость, неприхотливость, креативность богатого опыта выживания в сочетании с высокой природной рентой, централизованной властью) и преодоление нормативно-ценностных барьеров (правовой нигилизм, низкий уровень горизонтальной мобильности, отсутствие реального запроса на инновации, взаимное недоверие, отсутствие полноценной элиты и механизмов ее формирования). Тем самым выявляются и условия реализации такой инженерии: обеспечение правовых гарантий личной инициативы, внятная социально-культурная политика с акцентированной ставкой на развитие городских агломераций, образование и молодежь.

В этой связи ключевым становится вопрос о доверии, «наводящем мосты», которое может быть задано только надэтнической и надконфессиональной идентичностью, связанной с функционированием государства. Если государство эту функцию не выполняет, если федеральная и региональные «элиты» дееспособны только в реализации личных и корпоративных интересов, несравненно более важных для них по сравнению с государственными и общественными нуждами,

то экономика оказывается неэффективной, граждане экономически и политически беспомощными, а политическая жизнь такого государства обесмысливается.

И вряд ли «заграница нам поможет». Как высмеянная В. Ерофеевым «Большая Американская Зая» (гуманитарная американская интеллигенция), так и французская, английская, канадская, да и индийская, и китайская, и японская «Большие Заи» убеждены, что Россия необходима миру для сохранения и продолжения духовности. Поэтому российский опыт поисков трансцендентного и утверждения «царствия небесного» или «светлого будущего» здесь и сейчас выглядит для части западной интеллигенции «глотком духовности». И неспроста.

Теперь самое время заглянуть в это возможное российское будущее — ситуацию в социумах «победившей медиации».

(2) Имманентность реализованной медиации и перспективы постсекуляризма

Медиация — закономерный итог и результат идей гуманизма Просвещения, реализованных к концу XX столетия в ряде стран цивилизационного фронта.

Катафатичность католицизма и особенно протестантизма обернулась гуманизмом Возрождения и Просвещения, буквальной реализацией которых стала массовая культура массового общества. Механизмы, ткани этой реализации вполне понятны тоже: рыночная экономика, урбанистический образ жизни, формирование третьего сословия (граждан, горожан, буржуа) как социальной базы. В политическом плане она выражается в демократии, в эпистемическом — в торжестве рациональности, в нахождении некоего общего знаменателя, общих онтологических (экзистенциальных) допущений, в экономическом плане это — маркетизация.

Об особенностях, специфике современного информационного общества массового потребления сказано и написано много, в том числе и мною. Кратко напомним несколько ключевых характеристик этого социума. В традиционном обществе ценности выстроены иерархически («вертикально») — от простейших потребностей до ценностей трансцендентного порядка (истина, добро, красота, Бог). Массовое общество на основе рыночной экономики «съело» эту вертикаль, которая, начиная снизу, по мере развития массового потребления, оседала, оседала, оседала... В результате этого приведения ценностей к общему знаменателю спроса, ценности превратились в рубрики рынка массового потребления, и мы имеем дело с уже с ценностно «плоским» миром. Моралисты называют это ценностным релятивизмом постмодерна, но надо понимать корни и природу этого релятивизма.

Это ни плохо и ни хорошо, это — некоторая фаза развития цивилизации. Речь идет о буквальной реализации великого проекта гуманизма Просвещения: «Все во имя человека!», «Все на благо человека!», «Человек есть мера всех вещей!» И мы знаем этого человека — это каждый из нас. Это общество и мир воплощения желаний, причем, желаний доступных. В этом мире право на существование имеет и существует только то, что кому-то нужно. Любая потребность, если она артикулирована, подлежит удовлетворению.

Но мир утратил вертикальное измерение, в том числе — трансцендентное. Это имманентный, самодостаточный мир. Борьбаться с этим продуктом и достижением цивилизации бессмысленно, но можно и должно противостоять его негативным последствиям. Так, маркизации, этой объективной «игре на понижение» могут противостоять задающие в плоском мире ценностные ориентиры гражданское общество, полноценная элита и внятная культурная политика. Отсутствие этих факторов делает общество беззащитным перед «игрой на понижение» и ценностным релятивизмом, превращая его в релятивизм нравственный. Именно эта ситуация имеет место в российском обществе. Поэтому именно на примере России наиболее отчетливо видны все неоднозначности реализации медиации, что отчасти объясняет парадоксальные ее проявления.

На одной из лекций Р. Инглхарта (с его результатами почти 40-летнего анализа динамики ценностей современного общества и общим трендом от ценностей выживания и безопасности к постматериальным ценностям свободы и самореализации) в питерском кампусе Высшей школы экономики возник вопрос о дальнейшей перспективе — после достижения «шведскости», т.е. полного торжества ценностей свободы и самореализации. И чем объяснить нарастающие межэтнические напряженности и конфликты в благополучных странах, снижение рождаемости, нарастание доли «правого» голосования в европейских странах? Исследователь ответил, что его интересовали только тенденции последних десятилетий, но не прогнозирование будущих. Очень честный и достойный ответ. Исследование с временным лагом в 40 лет — выдающийся результат. Но есть и несколько большие временные лаги...

А ситуация, между тем, удивительно напоминает последний этап Римской империи. Хорошие институты, развитая система права. Высокое качество жизни. Широкое развитие сферы досуга, развлечений и всевозможных удовольствий. Терпимость к отклонениям и порокам. И при этом — хорроризация, пророчества конца света, многочисленные мессии, тяга к трансцендентному. И хорошо известно, чем это закончилось: нашествием варваров и распространением христианства.

Обильный поток публикаций, посвященных осмыслению постсекулярности, связывает ее с «возвращением» религии. Она трактуется

либо в духе общей демократической толерантности как равноправной допустимости религиозного дискурса в публичной сфере (Дж. Ролз, Ю. Хабермас), либо как неизбежная важность религии для обоснования морали (Ч. Тэйлор, М. Сандел, П. Бергер). Однако, как представляется, дело не только и не столько в оживлении религиозных поисков (от фундаментализма и активизации ислама до разнообразных форм New Age), сколько в причинах, порождающих эти поиски. И одной из причин являются поиски выхода из медиационности.

Обозначим некоторые, если не негативные, то неоднозначные из этих последствий на примерах науки, искусства, политики... О ряде таких последствий подробно говорится в недавней серии публикаций в «Философских науках» (2013. № 3, 4), посвященной осмыслению постсекулярного характера современности.

Так, торжество рациональности обернулось кризисом рационализма. Сначала — крахом позитивистской программы методологии науки. Затем — установлением зависимости научного познания от ценностных и культуральных факторов (Т. Кун, П. Фейерабенд), признанием множества рациональностей, а науки — в качестве одной из ценностно-нормативных систем осмысления действительности, строящейся на фундаментальных метафорах (мифах). При этом существует множество трактовок главной ценности познания — истины, которые весьма легко переходят из одной в другую: истина как соответствие реальности, как целостность, как непротиворечивость, как соответствие неким идеалам, нормам и образцам...

Имманентный мир плоских «хотелок» выводит на первый план не разум, а эмоции. Это хорошо видно на примере философии, где за последние 100 лет тематика методологии научного знания была практически вытеснена попытками осмысления эмоционального содержания бытия (Dasein): экзистенциальных эмоций страха (ужаса), скуки (тоски)... При этом попытки осмысления не столько ориентированы на выработку рационально выстроенных представлений, сколько оказываются стилистически изощренными сочетаниями «означающих без означаемых», метафорических коннотаций. Это видно даже на примере программ бизнес-консультирования, где программы целерационального планирования, организации практически вытеснены многочисленными «психологическими тренингами» по любому поводу. В России же это обернулось полным пренебрежением к науке, образованию и здравоохранению, подменой их паранаучными, а то и откровенно шарлатанскими практиками. При устойчивости этой тенденции возникает угроза полной дискредитации знания как такового.

В «плоском» имманентном мире радикально изменилась роль искусства, которое раньше участвовало в социализации трансляцией нормы (типического). Теперь оно участвует в социализации за счет провокации, тестирования норм на их границы, когда

провокация заставляет задуматься — а это уже норма или еще нет. Это социализация, но иного рода: сцена, экран, выставочный зал стали официально признанными площадками, на которых творится недопустимое в обыденной жизни. Более того, с этой функцией искусство вышло на улицы.

Еще одно неоднозначное следствие имманентной секуляризации Дж. Агамбен, вслед за М. Хайдеггером, обозначил как «новую животность». Животное, включенное в причинно-следственные связи, находится в «оцепенении», оно неспособно отрефлексировать активизирующие его поведение факторы. Человек вроде бы обладает этой способностью. Но современное массовое секулярное информационное общество, дающее вроде бы ясное представление об активаторах (желаниях, потребностях) человеческого поведения, а главное — дающее возможность удовлетворения любых желаний, выводит человека на новый уровень «оцепенения», открытости бытия, лишенного включенности в открываемое. Речь идет о ситуации, когда все активаторы желаний известны, а желаний нет. Неоткрытость открытому миру, фундаментальная скука человеческого бытия, когда знание всех возможностей ведет к бездействию. Скуку как естественное состояние обрывают всякие растормаживатели, втягивая во внешние по отношению к человеку цепочки зависимостей. Вернее, они есть всегда, эти цепочки, только латентно существующие. А вот их активизация — активизирует человека. В современном сетевом социуме человек — игрушка каких-то активаторов, которые сами, в свою очередь, — не что иное, как самовозбуждающаяся сеть.

Можно говорить о нарастании роли мифологии и даже архаизации. В условиях информационного общества массового потребления авторитетность подменяется паблицитностью (известностью и узнаваемостью). Личность предстает как череда проектов, а маркетинг и PR становятся требованиями к жизненной компетентности. Функцию ориентации в мире выполняют бренды (товаров, компаний, регионов, стран, идей, персон) — как социальные мифы, в том числе апеллирующие к традиционной мифологии.

Проблема не в мифах, которые неизбежны для человеческого существования. Миф — фундаментальная метафора, обеспечивающая осмысление и понимание, это вера в большую реальность, лежащую за данной реальностью и делающую эту реальность реальностью. Даже наука в этом плане мифологична — по своему посылу расколдовывания мира, придания ему статуса «реальности», опираясь на некие базовые метафоры «поля», «волны», «частицы» и т.п. В этом плане сама метафора, в том числе научная метафоризация есть стремление к трансцендентному.

В условиях же плоского имманентного мира все метафоры приравниваются. С одной стороны, у всех них оказывается один

общий знаменатель маркетизации (спроса). С другой, все они имеют один онтологический статус и приравнены — нет абсолютной истины. А значит — нет большей реальности, чем вот эта. Так или иначе, но в современном обществе открытие новых связей (в науке), протест, реформы (в политике), инновация (в технике), вообще любое творчество не столько открывают «новые миры», сколько расширяют мир «этот», накапливая в нем большее разнообразие качеств и связей. Ну, и попутно — создавая новый сектор рынка.

Этот ценностно «плоский» мир становится все более самодостаточным, имманентным, не нуждающимся в новых измерениях. Он именно имманентен, замкнут на самого себя. Если в традиционном обществе человеческое «бытие под взглядом» (Ж.-П. Сартр) было объектом некоего трансцендентного (Божественного) взгляда, то теперь оно объект критического взгляда «других», окружающих его людей. И в этом плоском информатизированном мире таких «других» становится все больше, а человеческая жизнь становится все более прозрачной для их взглядов.

Поэтому нынешний мир информационного общества массового потребления не только плоский в ценностном плане, но он и лишен образа будущего. Даже в 1960-х была «научная фантастика». Сейчас — либо римейки, сиквелы, приквелы, бесконечные пародии, перепевы, «старые песни о главном», либо фэнтези в средневековой стилистике, когда нет банковского процента и все человеческие достоинства личностны и непосредственны. Его настоящее — не переход от прошлого в будущее, а пролиферация нарративов о прошлом, в которой имена и события меняют свои смыслы и содержание. Фактически речь идет о неспособности инвестировать настоящее в будущее, когда неуверенность в истине дополняется уверенностью в пересмотрах. Самовоспроизведение, саморепродукция стало смыслом творчества. «Новое» в этом искусстве — не иное, а «неузнаваемое обычное», вроде редимейда, помещаемого из обыденного в вечное. А наращивание разнообразия означающих без означаемых превращает коммуникацию, науку, искусство в «разговоры ни о чем».

Архаизация проявляется в том числе и в нарастающей феминности современного общества. И дело отнюдь не в феминизме. Ценности общества массового потребления: здоровье, достаток, жизненный успех, любовь-морковь, семья, дети... Это ценности этого мира и одновременно это ценности преимущественно феминные. В обществе массового потребления главная «целевая группа» — женщины. Именно им, прежде всего, адресуется реклама, они — главные посетители дворцов культуры массового потребления. В этой ситуации традиционные мужские ценности носят сервильный, обслуживающий характер ценностей базовых — феминных. Это ни хорошо и ни плохо. Это факт. Как и то, что женщины — существа лучше укорененные в этом

мире, чем мужчины в силу центристскости мировосприятия и мироощущения, в отличие от мужского — центробежного.

Ценностный релятивизм при поверхностном понимании «диалога культур» и «мультикультурализма» в условиях объективного процесса глобализации оборачиваются издержками поверхностного и неглубокого понимания условий реализации прав человека и толерантности. Можно говорить о радикальном кризисе либерализма, источниками которого были рационалистический сайентизм, этический утилитаризм и политическая культура надэтнической и надконфессиональной имперскости. Поэтому кризис источников закономерно подводит к вызову их идеологическому выражению. Например, как быть с толерантностью к нетолерантным? Веер других примеров таких издержек достаточно широк: от проблем биоэтики (порожденных достижениями геномной инженерии, трансплантологии, медицины) до этно-культурных напряжений и конфликтов. Неоднозначность проблем и решений вырастают до масштаба политических и международных. Россия еще только погружается в эту неоднозначную ситуацию.

По крайней мере очевидно, что либералистскому постмодернизму оказалось нечего противопоставить фундаментализму. Выявилась глубокая противоречивость либеральной демократии в целом, основанной на двух противоречащих друг другу секулярных мифах:

- просвещенческом представлении политики как дискурса публичного разума, опора которого на «объективное знание» позволяет элите возглавлять общественное развитие;
- революционаристском, эгалитаристском мифе всеобщего избирательного права, политики больших чисел, в которых представление коллективной воли определяется путем подсчета мнений и фантазий индивидуальных граждан-избирателей. Более того, начиная с уравнительной справедливости (равенства перед законом, равенства возможностей), либерализм в теории справедливости Дж. Ролза пришел к изощренным техникам равенства распределительного.

Важно понять, что никакие культуры никогда ни в какой «диалог» не вступают. Каждая культура самодостаточна и содержит ответы на все вопросы. В диалог вступают только личности. Только у личности могут возникнуть вопросы, ответы на которые требуют выхода за некие привычные рамки стереотипов.

И вот тут, похоже, нащупывается главное.

Человек как существо, наделенное сознанием, не может быть замкнут в имманентности, действительно чреватой «новой животностью». Как существо конечное в пространстве и времени он пытается постичь бесконечное разнообразие мира всегда с какой-то позиции, точки зрения, в каком-то смысле. Животное не просто сканирует реальность, оно само часть этой реальности. **Наделенный сознанием**

человек, являясь носителем трансцендентального субъекта, стремится заглянуть, зайти за экран сущего — подобно главному герою кинофильма «Шоу Трумана» или путнику с известной гравюры, иллюстрирующей Птолемееву модель мироздания.

Действительно, условием осмысления является способность выхода в некий *out*, в «позицию вненаходимости» (М.М. Бахтин), в некий контекст. Так, смысл слова становится ясным из фразы, смысл фразы — из текста, смысл текста — из контекста. Смысл жизни — не в самой жизни. Для его обнаружения надо выйти в некий контекст, придающий жизни смысл, в нечто большее, чем конечное существование. И человек, в отличие от животного, способен к такому переходу, к трансцендированию в иное. В том числе — к рефлексии, дающей ему опыт самопознания, выхода в *out*, открывающий ему самого себя. Этот опыт трансцендирования открывает человеку путь к овладению причинно-следственными связями, к преодолению своей животности, овладению ею.

И тогда становится ясным, что когда речь идет о современности как постсекулярности, то дело не сводится к формам религиозности. Дело в неизбежном запросе на трансцендентное, даже в тоске буржуазного плоского мира по трансцендентному, и в формах реализации ответа на этот запрос. Вопрос о современности — это вопрос о реализации тяги к трансцендированию, **о поисках новой трансцендентности**. Что стоит за этими поисками? Чем они оборачиваются для социальной реальности? Это действие некоего иммунитета, реагирующего на ощущение угрозы «новой животности»? Насколько существенна в этом роль религиозности?

Что касается активизации новой религиозности, то сама по себе фундаменталистская ориентация апеллирует к ритуалу, к материальной форме религиозности, в чем-то схожей с машиноподобной автоматически воспроизводимой репродукцией. Парадоксально, но в этом фундаментализм совпадает с наиболее радикальным результатом секуляризированного Просвещения. Поэтому Б. Гройс во многом прав, утверждая, что фундаментализм есть религиозность постмодерна с его установкой на буквальное повторение.

Запрос на трансцендирование выражается также как в критике, которая предполагает выход в *out* по отношению к окружающей действительности, так и в поиске нового, в открытии и освоении этого нового. В обоих случаях речь идет о неудовлетворенности настоящим, о нежелании ограничиваться комбинациями и модификациями старого.

Почему эти поиски проявляются большей частью в радикализме? С одной стороны, — в правом, фундаменталистском радикализме, апеллирующем к необходимости культивирования религиозных практик, дающих опыт трансцендирования в иное, основывающих отношения

в этом мире на отсылках к религиозной трансценденции. С другой стороны, — в левом революционаристском протесте, свойственном современному искусству, гуманитарно-творческой интеллигенции.

Но насколько левая эта левизна? Насколько она привязана к социалистическим идеям? Не является ли это просто проявлением антибуржуазности, неприятием и отталкиванием имманентного плоского мира?

Характерно главное: оба тренда — «фундаменталистский» и «революционаристский» — по сути дела сходятся. Оба «растворяют» личность в некоей сверхжизненной идее, обладающей колоссальной смысложизненной силой, выводящей существование в новый горизонт. Личность предстает не самоценной сущностью, а средством реализации этой идеи, этой силы, а человеческая жизнь получает мощное обоснование, придающее ей смысл и оправдание. Недаром, как свидетельствуют очевидцы, прошедшие гитлеровские и сталинские лагеря, выживали в них люди находившие (или устанавливавшие для себя) какие-то правила поведения, выходившие за рамки лагерного регламента. В первую очередь это были глубоко религиозные люди и люди, преданные некоей политической идее.

Вопрос о свободе как ответственности в этом контексте трансформируется в ответственность служения идее — религиозной, политической, научной... И эта свобода воли как «воля к неволе» обладает колоссальной притягательностью, поскольку снимает с человека проблему морального выбора в текущей жизни: выбор предопределен полной самоотдачей.

В каком-то смысле **поиск трансцендентного** оборачивается «бегством от свободы», но от свободы институциональной, тогда как сопричастность трансцендентному позволяет утверждать свободу суверенную. А образ жизни массового буржуазного общества, включая правовую культуру, политическую демократию, права человека — есть торжество свободы институциональной, регламентирующей свободу суверенную. Но проектно-сетевой социум не способствует институционализации свободы, доказательной аргументации, реализуя суверенную свободу, способствует предъявлению, демонстрации мнения, убеждений, декларированию соответствующих посланий. Можно сказать, что наше время — эпоха возврата акцента суверенной свободы после столетий модерна с его акцентированием свободы институциональной, апеллирующей к научной рациональности, праву. Но общий тренд очевиден — элиты все более дистанцируются от «массы», одновременно эту массу порождая и формируя. А дистанцирование и выделенность нуждаются в оправдании и легитимности. Религиозная практика решает эту задачу наиболее просто и эффективно.

Важно только понять, что поиск нового трансцендентного неизбытен для человеческого существования. Неспособность

переживать трансцендентное закрывает (как минимум!) перспективы развития знания и опыта. Человеку не дана вся полнота знания. И для расширения осмысления ему необходимо признание существования (онтологическое допущение) чего-то непознанного, трансцендентного, сопричастность которому открывает путь познания и расширения опыта, открытия новой гармонии, новой целостности мира.

Есть сферы деятельности, которые построены только на поиске нового опыта трансцендирования в иное. И эти поиски большей частью конструктивны и даже социально значимы. Это, прежде всего, наука и искусство. Но даже наука в современном обществе сталкивается с ситуацией оправдания не только социальной значимости, но даже и просто допустимости некоторых исследований — ситуация немыслимая в XIX и первой половине XX столетий.

Возможно, перспективы поиска новой трансценденции связаны с все более отчетливым трендом постчеловечности? Укажем только некоторые его характеристики:

нарастающая утрата искусством традиционной предметности и образности;

практики посттелесности, когда достижения биотехнологий, генной инженерии, медицины, трансплантологии достигли уровня, позволяющего менять не только внешний облик, внутренние органы, но и пол, в результате чего тело из «темницы духа» превратилось в костюм, платье, которые можно не только украшать, но и менять;

все более явное смещение с представлений о сущем, со стремления на основе этих представлений к преобразованию сущего, к потенцированию, овозможиванию сущего — не только с помощью построения компьютерной виртуальной реальности, но и таких социальных практик, как страхование и кредит;

следствием этого является новая мораль, впервые в истории утрачивающая симметричность в отношениях между индивидами (как между поколениями, так и внутри одного поколения), что допускает общность зачатия, вынашивания и появления на свет.

Но самое главное — даже не это, а то, что любой протест, любая девиация, любое творчество, любой прорыв за рамки плоского имманентного мира только способствует его расширению. Более того — вокруг этого протеста, прорыва тут же создается новый рыночный сектор, направленный на удовлетворение и этого желания тоже. Так было с движением хиппи, с революционаризмом New Left, духовными поисками New Age...

Каждое из этих движений, протестовавшее против пошлой плоскости буржуазного общества, только расширяло его, этого общества, разнообразие: «а вот это наши хиппи», «а вот тут — леваки», «а это ребята с альтернативными религиями», «вот тут они собираются», «а вот это их фенички, и их можно даже приобрести

как сувениры»... Похоже, этот плоский имманентный мир способен переварить любую попытку выхода за его рамки. И творчество только накапливает различия в сущем, по сути дела — фрактализирует настоящее. Не более. Но и не менее.

Мы имеем дело с имманентным (данным здесь и сейчас) самодостаточным миром и социумом. И эта его имманентность чревата либо тотальным манипулированием, либо скатыванием в фундаментализм и еще большую закрытость, либо революционаризмом левацкого толка.

Но во всех трех случаях речь идет о выходе за границы имманентного. Манипулятор, неотеократ, революционер апеллируют к критике сущего имманентного, к необходимости выхода за его пределы, получая, тем самым, обоснование установления новой власти. Является ли изощренная медийная манипуляция единственной альтернативой леваческому релятивистскому революционаризму и неофундаментализму или возможен конструктивный выход из этой ситуации? Пока ясно одно — проблема постсекулярности современности это отнюдь и не только вопрос новой религиозности. Дело в неизбежности человеческого трансцендирования в иное. Колоссальный взлет цивилизации за последние столетия связан с инновациями, достижениями науки и техники. И это достигнуто не за счет сверхэксплуатации (как полагают марксисты), не за счет накопления капитала (как полагают традиционные экономисты), а именно за счет открытий научной и инженерной мысли. Также и социальные факторы — особенности культуры, институциональной среды — тут играют вспомогательную роль важных, но только условий реализации человеческой способности трансцендирования в иное, необходимой для расширения и развития социума.

Человек не самодостаточен, а возможно и не самоцелен, не самоценен. Он — принципиально открытая система, открытая для осмысления и переосмысления. Возникает запрос на некую новую «позицию внеаходимости», в том числе в контексте постчеловечности. Что нас ждет... Новое расширение имманентности? Расширение круга причинно-следственных связей? Неорационализм? Но это предполагает уяснение и принятие каких-то новых исходных оснований, онтологических допущений сущего... А значит и — одновременное открытие новых горизонтов трансцендентного.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что современность — особенно в ее российских условиях — имеет дело с серьезным цивилизационным вызовом, который в интеллектуальном плане предстает поиском нового типа рациональности, выходящего за рамки ее целевой и ценностной моделей, строящегося на основании меры и гармонии свободы как ответственности. Но это уже отдельная тема трансформации концепта медиации, его радикально иного толкования.

Ergo

Завершая, позволю себе вернуться к России...

Так, может, и перестать кого-то догонять, надрывать пуп, экономику и общество... Пусть летят все буреветники свободы и инновационности в свой мир имманентной медиации. А оставшимся — войти в глобализированный мир со своей уникальностью, сделав из страны этакий «бутик духовности» и «практик инверсивного трансцендирования»...

А если серьезно, то...

Медиация, неполитический либерализм не сводятся к институциональной свободе, правам человека, внешней свободе или свободам. Они предполагают — как свою основу и предпосылку — свободу внутреннюю, суверенную, свободу самоутверждения и самоопределения. И внешняя свобода без внутренней невозможна.

А ее отсутствие — главный диагноз российской культуры — спасибо А.П. Давыдову за ясность. Он закрыл тему поиска перспектив российского общества в его культуре, убедительно показав, что русская литература дала ответ и что пришла пора работы ума и души по выработке ответственного самостояния. Каждого из нас. И эта работа нам предстоит. Возвращаясь к началу сообщения — в России, как известно, надо жить долго. Чего нам всем и желаю.

Материал Круглого стола подготовлен А.П. Давыдовым

Продолжение следует

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Зарубежная философия. Современный взгляд

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ДЕДУКЦИЯ ВРЕМЕНИ В РАБОТАХ М. ХАЙДЕГГЕРА ПЕРИОДА «БЫТИЯ И ВРЕМЕНИ»

Е.В. ФАЛЁВ

В статье, посвященной дедукции пространства¹, мы показали, что ступенями в экзистенциальной дедукции пространства были:

- абстрактное пространство науки;
- объективное пространство «мира заботы»;
- субъективное пространство смысловых соотношений;
- экзистенциальная пространственность, устанавливаемая Заботой.

Таким образом, последним основанием, фундирующим пространственность экзистенции, является у Хайдеггера Забота. Однако в «Пролегоменах» и «Бытии и времени» Забота уже не является для Хайдеггера последним обнаруживаемым в экзистенциальном анализе фундаментом *всех* экзистенциалов Присутствия. В «Пролегоменах» Хайдеггер утверждает, что Забота, «хоть и не раскрывает последнюю взаимосвязь в бытии вот-бытия, однако представляет собой, так сказать, *предпоследний* феномен, который дает возможность приблизиться к собственной бытийной структуре вот-бытия»². Сходным образом в «Бытии и времени» ставится вопрос: «Не есть ли это [структурная членораздельность феномена Заботы] однако феноменальный признак того, что онтологический вопрос должен быть продвинут еще дальше до выявления еще более исходного феномена, онтологически несущего единство и целостность структурной многосложности заботы?»³

В докладе «Понятие времени», как и позже в «Бытии и времени», Хайдеггер подводит анализ к феномену временности через *Vorlaufen*, дословно – «забегание (вперед)», но также «предварение». Что же предваряет Присутствие у Хайдеггера так, что в этом предварении впервые разворачивается для него время? Соответственно что же такое «время»? В докладе «Понятие времени» ответа не было дано, Хайдеггер лишь констатирует, что сам вопрос изменился: из «что есть время?» он превратился в «кто есть время?», а точнее «суть ли *мы* время?», а еще точнее «есмы ли *я* время?»⁴

В «Бытии и времени» (§53 и след.) ответ дается, и этот ответ — смерть. «Но бытие к возможности, как бытие к смерти, явно будет к ней относиться так, что она раскроется в этом бытии и для него как возможность. Это бытие к возможности мы схватываем терминологически как *предварение в открытости* (*Vorlaufen in die Möglichkeit*)»⁵. «Заступание в смерть» в русском языке (как, впрочем, и в немецком) наводит на ложные ассоциации с преждевременным переживанием опыта смерти, приближением ее как неизбежного конца и т.д. Прямой перевод *Entschlossenheit* как «решимость» лишь укрепляет эти ассоциации. Но так же как *Vorlaufen* для Хайдеггера прежде всего предварение, приуготовление бытийной почвы для наиболее собственных возможностей Присутствия, так *Entschlossenheit* понимается не просто как отчаянная решимость противостоять ужасу, но, по созвучию с *Erschlossenheit*, как «открытость», «готовность» принять эти возможности во всей полноте. Тогда «решимость заступания в смерть» можно перевести иначе: «открытая готовность предварения смерти».

Но даже если предварение-заступание не фундирует онтологически, а лишь феноменологически раскрывает исходную временность, все же оно, оставаясь «отличительным модусом» временности, помогает понять ее природу, а на основе этого понимания можно будет впоследствии вновь поставить вопрос о возможном экзистенциальном фундаменте временности.

Итак, рассмотрим, как исходная временность раскрывается из *Vorlaufen*. «Взятая формально экзистенциально... предваряющая открытость есть *бытие к* наиболее собственной отличительной способности быть. Нечто подобное возможно лишь благодаря тому, что Присутствие *вообще* в его наиболее собственной возможности *способно* настать для себя (*auf sich zukommen kann*) и в таком допущении-самому-себе-настать выносит эту возможность как возможность, т.е. экзистенцирует. Выдерживающее эту отличительную возможность допущение себе *настать* для самого себя есть исходный феномен *будущего*»⁶. В немецком языке здесь используется игра слов: *zukommen* — приходить, наступать, и *Zukunft* — будущее, дословно «наступающее» (ср. рус. грядущее). Лишь в XX в. корень *Kunft*, синонимичный *Kommen*, перешел в разряд «устаревших». Вместе с тем глагол *zukommen* имеет ряд употреблений, которые Хайдеггер явно задействует в этом экзистенциальном истолковании будущего. Например, *er läßt die Dinge auf sich zukommen* — «он занимает выжидательную позицию», «позволяет вещам “прийти в себя”». Поэтому *auf sich zukommen kann* означает также «способно прийти в себя», «вернуться к себе». А, например, *zukommen lassen* означает «доставить (преимущественно весть)». Соответственно «допущение себе настать для самого себя» (*sich auf sich Zukommen-lassen*) может означать также «прийти к самому себе (как

весть)». Очевидно, что «прийти к самому себе», «прийти в себя» можно трактовать как условие «собственного» модуса экзистенции.

«Предваряющая открытая готовность», или «заступающая решимость», как указанный Хайдеггером отличительный модус временности, несомненно, передает определенное настроение и соответствует тому предзаданному образцу Присутствия, который, по признанию философа, с самого начала руководит всем истолкованием экзистенции, — ответственного, полностью осознанного отношения и к миру, и к самому себе, и к собственному существованию. Отличительную черту такого отношения Хайдеггер обнаруживает в принятии Присутствием своей конечности, т.е. смертности. Поэтому раскрытие временности осуществляется в «Бытии и времени» не просто на основе Заботы, но на основе готовности к принятию бытия-к-смерти (каковая готовность является особым модусом Заботы). Это настроение, как можно судить, позволяло Хайдеггеру производить дополнительное впечатление на аудиторию слушателей (особенно слушательниц) и читателей. Однако, оценивая логику Хайдеггера со стороны, можно сказать, что для раскрытия времени и временности Присутствия вовсе не было необходимости обращаться ни к смерти, ни к открытости ей навстречу. Уже в самой структуре Наброска заложены основания — именно экзистенциальные — всех трех экстазов временности. В Наброске Присутствие набрасывает свои возможности. «Возможность» может быть названа такой только в том случае, если она реально *может осуществиться*. Но произойти это может только в *будущем*, ведь иначе возможность не будет возможностью. Поэтому в самой структуре Наброска, характеризующей способ экзистенции Присутствия, заложена необходимость *будущности* Присутствия, причем этот экстаз временности может быть произведен не только от возможности Присутствия «прийти к самому себе», как пишет Хайдеггер, но и, наоборот, *уйти* от самого себя. И вполне мыслимо, что именно эта возможность для Присутствия уйти от самого себя и затеряться в сущем, экзистенциально первична по отношению к возможности возвращения к самому себе. Будущее является первым, исходным из трех экстазов временности. «Основывающееся в будущем набрасывание себя на “свое то-ради-чего” (*Umwillen seiner selbst*) есть сущностная черта экзистенциальности. Ее первичный смысл есть *будущее*»⁷.

Как экстаз будущего раскрывается из экзистенциала заступающей решимости, так прошлое выводится из «брошенности». «Однако взять на себя брошенность означает для Присутствия в том, *что оно всякий раз уже было, собственно быть*»⁸. Здесь впервые вводится *прошлое* в экзистенциальной дедукции. Напомним, что «брошенность» (*Geworfenheit*) означает, что Присутствие всегда уже обнаруживает себя частью некоего мира, в который оно изначально встроено и из которого должно себя выделять и «отмысливать». Хайдеггер связывает

Zukommen, «наступление» будущего, с *Zurückkommen*, возвращением к уже-бывшему. Так прошлое оказывается «оборотной стороной» будущего: корабль будущего может причалить только к причалу, построенному прошлым. Но ведь «брошенность» сама производна от Наброска, и уже в самой структуре Наброска прошлое заложено точно так же, как и будущее: возможность для чего-то осуществиться в будущем предполагает с необходимостью возможность для чего-то иного стать бывшим, *перестать* быть. В целом Хайдеггер, как и Гегель до него, трактует прошлое, руководствуясь созвучием в немецком языке *Wesen*, сущность, и *Gewesen*— прошлое. «Сущность есть то, что было» в немецком звучит почти тавтологично.

Настоящее аналогичным образом выводится из экзистенциала «фактичности»: «Решительное бытие при подручном в определенной ситуации, то есть позволение-встретиться в обращении с мироокружным присутствующим (*Anwesenden*), возможно лишь в *актуализации* (*Gegenwärtigen*) этого сущего»⁹. Здесь также явно задействовано созвучное и однокоренное слово, *Vergegenwärtigen* — «ясно представлять себе», актуализировать в сознании, при этом дословно звучит в немецком как «осовременивать». Отсюда Хайдеггер производит свое «современить» — *Gegenwärtigen*, в смысле «бодрствуя, ожидать, хранить» (*warten*) в присутствии чего-то (напротив, *gegen*). Пожалуй, только настоящее не выводится напрямую из Наброска как базовой структуры экзистенции Присутствия, но именно поэтому у Хайдеггера настоящее является последним из трех экстазов временности, производным от первых двух, будущего и прошлого.

В именовании будущего (как и прошлого) естественный немецкий язык «изменяет» Хайдеггеру, поскольку даже в своих корнях несет скорее признаки непонимания экзистенциально исходной временности, называя будущее «приходящим» (рус. «грядущее»), словно оно, уже существуя где-то как наличное, просто перемещается в точку настоящего, как дорога, часть которой лежит впереди, а потом окажется под нашими ногами, чтобы, наконец, пройти и стать «прошедшим» (*Vergangene*). Интересно, что и в русском, и в немецком языках к концу XIX в. этот смысл будущего как «приходящего» отмирает: оказываются устаревшими «грядущее» в русском и *Kunft* как «приход» в немецком. Хайдеггер и здесь, однако, перетолковывает свидетельство самого языка в пользу своей интерпретации времени: «грядет» в грядущем, не заготовленное для нас и ожидающее где-то будущее, «наступает» само Присутствие, «приходя в себя» после оглушенности толками, слухами и вообще «гулом сущего». Приходится слышать такие интерпретации хайдеггеровского понимания времени, что у него якобы суть «чистого» времени, если рассматривать его свободным от событийного содержания, состоит в одном лишь приближении к смерти. Так, Вальтер Бимель сравнивает понимание

времени у Хайдеггера и у М. Пруста, во всех произведениях которого «исходя из конца — предчувствия смерти, — писание приводится в движение и пускается в путь»¹⁰. Это описание какой-то другой, не хайдеггеровской, концепции времени. Во-первых, смерть по Хайдеггеру не является «точкой во времени», в неопределенном будущем, к которой мы неуклонно приближаемся. Смерть всегда уже здесь, ибо человек умирает всякий раз, отказываясь от одних возможностей ради осуществления других. Присутствие «не имеет конца, где оно просто прекращается, но экзистирует конечно»¹¹.

И кроме того, сущность экзистенциальной временности позитивна, ибо *время есть измерение движения Присутствия к самому себе*. В «предваряющей открытости смерти» не наступает преждевременное переживание смерти, но само Присутствие «наступает для себя», приходит к себе, а точнее без конца идет к самому себе. Когда мы начинаем особенно остро переживать время и считать его? Когда мы в разлуке с любимыми, в которых смысл нашей жизни имеет опору. Будучи изначально заброшено в мир, Присутствие всегда уже в разлуке с самим собой, и именно эта разлука впервые разворачивает время как таковое. Если бы Присутствию удалось вполне «сбыться» для самого себя, времени для него больше не было бы.

Именно в этом смысле нужно понимать выражение «*Временность есть исходное “вне-себя” по отношению к себе и для себя самого*»¹². Этот смысл «вне-себя-стояния», составляющий суть временности, Хайдеггер выражает при помощи понятия «экстаз». Будущее, прошлое и настоящее суть «экстазы» временности, или способы «временствования» (*zeitigung*) Присутствия. Присутствие, будучи само временным, или даже самим временем (временствованием), несет в себе единство структуры этих экстазов и посредством этого единство структуры заботы как таковой. Здесь будущее не «наступает» и не становится «настоящим», а затем прошлым, но все эти три экстаза временности есть три *смысловых измерения*, которые несет в себе Присутствие, разлученное с самим собой. Подобно тому, как в пространстве «вперед» и «назад», «вправо» и «влево» имеют значение только в отношении того, кто движется или хотя бы собирается двигаться, так «будущее», «прошлое» и «настоящее» имеют значение лишь для Присутствия, которое экзистирует навстречу своим возможностям и из этого горизонта возможностей «наступает» (сбывается) для самого себя.

Очень интересные параллели возникают при сопоставлении хайдеггеровской «исходной», «экстатичной» временности с мифологическим осмыслением и мистическим переживанием времени в различных традиционных культурах и религиозных течениях. Дзен-буддийское изречение о самосущности прошлого и настоящего может использоваться как иллюстрация к хайдеггеровскому учению о трех «экстазах» временности:

«Прошлое находится в прошлом и не проистекает из настоящего. Настоящее находится в настоящем и не проистекает из прошлого»¹³.

«Жизнь не превращается в смерть, а зима не превращается в весну. Каждый момент времени “содержит сам себя и неподвижен” (Доген)»¹⁴.

Дело в том, что в буддизме, как и в веданте, время рассматривается как часть мира иллюзии, *майи*, в которой слились божественная магическая сила и врожденное человеческое заблуждение. Буддизм йогачары, кроме того, особенно близок к позиции Хайдеггера, поскольку в нем весь мир рассматривается как содержание сознания-сокровищницы (алая-виджняна), иными словами, как совокупность *смыслов*. Поскольку «прошлое», «будущее» и «настоящее» суть лишь смыслы, которыми мы наделяем те или иные содержания нашего сознания, они самодовлеющи и не могут переходить друг в друга. Аналогичное представление можно обнаружить и в «Йога-сутрах» Патанджали: «Поскольку качественные определенности [дхармы] различаются по времени, прошлое и будущее пребывают в своей собственной форме»¹⁵.

С другой стороны, «экзистенциальная временность» Хайдеггера имеет до странного много общего с невротическим переживанием времени и с временем бессознательного: «Фрейд не раз отмечал: бессознательное не знает времени, бессознательные процессы не упорядочены в привычном хронологическом времени, время ничего в них не меняет, в нем ничего нельзя довести до конца, в нем ничего не проходит, ничто не поддается забвению, уничтожению»¹⁶. Это не значит, что временность у Хайдеггера «невротична», однако возможно, что невротики имеют реальный опыт более глубоких уровней временности, просто их сознание не в силах вместить этот опыт и овладеть им, что и становится причиной невроза.

Также интересна параллель с двумя модусами времени в древнем Египте: *нехех* — время процессуальное, текучее, незавершенное; *джет* — время завершенное и совершенное, священное время мифологических событий. Первое довольно близко хайдеггеровскому «онтическому» времени, второе — смысловой, «событийной» временности Присутствия. Как в Египте цель человека заключается в переходе во время джет, так и по Хайдеггеру можно сказать, что *Dasein* может обрести собственный модус существования лишь в экзистенциальной временности. Можно даже найти параллель трем хайдеггеровским экстазам временности в гелиопольском представлении о трех ипостасях Бога Ра — Хепри (восходящее солнце, будущее), Ра (солнце в зените, настоящее), Атум (закатное солнце, прошлое). Это также не просто внешнее совпадение. После Поворота Хайдеггер будет писать, что европейская метафизика привела к «забвению бытия», и будет искать «опыт бытия» в древности, предшествующей возникновению

метафизики. И если такой опыт был у досократиков в Древней Греции, то почему его не могло быть в древней Индии или в Египте?

После того, как исходная временность была феноменологически выявлена и, по выражению Хайдеггера, с ней «освоились», дальнейшая дедукция не представляла для него сложностей и подчинялась той же логике, что и дедукция пространства: как из экзистенциальной пространственности выводилось «мировое пространство» — «пространство мира забот», так из исходной экзистенциальной временности выводился «озаботившее время» — время, которое само становится предметом заботы в мире подручного. Это время характеризуется Хайдеггером как «датируемое», «отрезковое», «значимостное». Порядок дедукции и порядок обнаружения далее совпадают — настолько, что Хайдеггер словно «забывает» об их различии. Это, однако, создает существенные трудности, поскольку отношения экзистенциального фундирования и феноменального раскрытия самим Хайдеггером были *defacto* различены в анализе исходной временности. В анализе же времени заботы и расхожего понятия времени «раскрытие» этих модусов временности «по умолчанию» принимается так же, как их экзистенциальное фундирование.

Как и следовало ожидать, ступени дальнейшей экзистенциальной дедукции времени в целом те же, что и в дедукции пространства:

Ступени экзистенциальной дедукции пространства	Ступени экзистенциальной дедукции времени
<i>Забота</i>	<i>Бытие-к-смерти как предвещающая открытость (заступающая решимость)</i>
<i>Экзистенциальная пространственность: обитание, бытие-при, открытость-освоенность (Erschlossenheit)</i>	<i>А. Экзистенциальная временность: три «экстаза» временствования — будущность, прошедшее, настоящность; всегда-мое, конечное время</i>
<i>Мировое пространство: встречное, значимость, взаимосвязь отсылок</i>	<i>Б. Мировое время: считаемое, датируемое, отрезковое, публичное, значимостное; время как подручное</i>
<i>Расхожие представления о пространстве:</i> а) субъективное пространство; б) объективное пространство повседневного опыта; в) абстрактное научное пространство	<i>В. Расхожее понятие времени: время как наличное; поток времени; последовательность «моментов теперь»; бесконечное всеобщее время</i>

В отличие от дедукции пространства, здесь Хайдеггер сам дает систему трех уровней дедуцированной временности. Например, три

модуса будущего и прошлого описываются в § 81 «Бытия и времени» так: «[А] Экстатично понятое настоящее, [Б] датируемое значимое “потом” и [В] расхожая концепция “будущего” в смысле еще не наступившего и лишь наступающего чистого *теперь* не тождественны. Так же не совпадают [А] экстатичная бывшесть, [Б] датируемое значимое “тогда” и [В] концепция прошлого в смысле прошедшего чистого *теперь*. *Теперь* не ходит беременное своим *еще-не-теперь*, но настоящее происходит из настоящего в исходном экстатичном единстве временения временности»¹⁷.

Переход от исходной временности к «озаботившему времени» совершается очень естественно как к временному аспекту заботы: «Присутствие как сущее, для которого дело идет о его бытии, *применяет себя* первично, будь то выражено или нет, для *себя самого*. Ближайшим образом и большей частью забота есть усматривающее озабочение. Применяя себя ради себя самого, присутствие “растрчивает” себя. Растрчиваясь, присутствие тратит само себя, т.е. свое время. Тратя время, оно считается с ним. Усматривающе-расчетливое озабочение ближайшим образом *открывает время* (курсив мой.— Е. Ф.) и ведет к формированию счета времени»¹⁸. Если исходная временность скрыта от усредненного Присутствия, то время заботы есть первый модус временности, который открывается всякому озаботившемуся Присутствию.

Далее в порядке обнаружения феномена озаботившего времени, в § 69 а, Хайдеггер выявляет тройственную структуру этого феномена, отталкиваясь от «допущения-имения-дела» как экзистенциальной структуры озабочения: «*Ожидание (Gewärtigen)* того, в-чем-дело (*Wobei*), вместе с *удержанием* того, с-чем имеется-дело, делает в своем экстатичном единстве возможной специфически манипулирующую актуализацию (*Gegenwärtigen*) средства»¹⁹. Далее этот тройственный модус временности Хайдеггер именует «ожидающе-удерживающей актуализацией» (*gewärtigend-behaltende Gegenwärtigen*). И хотя единство этих трех сторон времени заботы очевидно соответствует трем экстазам исходной временности и потому именуется Хайдеггером «экстатичным», в «Бытии и времени» мы не находим явной дедукции их из ранее намеченных «экстазов» исходной временности, т.е. выведения «ожидания» из «наступления» (*Zukommen*), «удержания» из «бывшесть» и актуализации в контексте заботы от экзистенциальной актуализации. Возможно, Хайдеггеру казалось, что эта дедукция настолько очевидна, что о ней не стоит даже и говорить отдельно, но мне кажется, что это скорее упущение, связанное с тем, что Хайдеггер не ставил перед собой задачи связного изложения системы отношений экзистенциального фундирования.

Можно, конечно, попытаться реконструировать возможный ход такой дедукции. В исходной временности наступание, бывшесть и

актуализация относится к самому Присутствию: оно само для себя наступает из горизонта возможностей, само «бывшествует» и само «современит». Все это модусы Наброска (*Entwurf*), в котором Присутствие набрасывает горизонт возможностей для себя стать чем-то иным. Но поскольку Присутствие не является «чистым субъектом», для него «стать чем-то иным» значит всякий раз «сделать что-то», «изменить свою ситуацию» и т.д. Поэтому для самого Присутствия «быть бывшим» означает всегда «удерживать некоторую ситуацию». «Наступание» его для самого себя открывает измерение *ожидания* чего-либо, первоначально совершенно нетематического, т.е. безотчетного. И, наконец, *актуализировать* себя, т.е. приводить к полноте Присутствия, означает вместе с тем позволение-присутствовать и тем самым актуализацию мироокружного сущего мира заботы.

В отличие от исходной временности, которая всегда моя и всегда конечна, «озаботившее время» как единство ожидания, удержания и актуализации есть время возможного совместного бытия, а также *потенциально* бесконечно. Ожидание легко разворачивает представление о бесконечности, если ожидаемое экзистенциально значимо, но в мире заботы по той или иной причине недоступно. Тогда мы говорим, что «время тянется бесконечно» и «ожидание нестерпимо». И все же всякое ожидание, как и всякое удержание, актуально конечны, поскольку конечно поддерживающее их Присутствие.

Хайдеггер неожиданно возвращается к отношениям дедукции времени заботы из исходной временности, говоря об основных характеристиках первого, — датируемости, отрезковости, значимости. «Датируемость» означает тот факт, что время заботы само становится предметом озабоченного, ответственно, счета и упорядочивающего размечивания: всякое «тогда» означает «после того, как» или «перед тем» и т.д., всякое «сейчас» — «сейчас, когда...» и т.д. «Датируемость» этих «теперь», «потом» и «тогда» есть *ответ экстатичного* устройства временности и *потому* существенна для самого выговариваемого времени. Структура датируемости «теперь», «потом» и «тогда» свидетельствует, что они идут *из корня временности, сами суть время*²⁰. Но здесь мы видим лишь указание на то, что отношение дедуцируемости существует. Сама дедукция (или ее подобие) содержится в одной следующей фразе: «И поскольку в *экстатичном* единстве временности, понимаемой нетематически и потому непознавательно вместе с датируемостью, присутствие всегда уже разомкнуто себе самому как бытие-в-мире и заодно с ним раскрыто внутримирное сущее, истолкованное время всегда уже тоже получает датировку из сущего, встречающего в разомкнутости вот: теперь, когда — хлопает дверь; теперь, когда — у меня пропала книга, и подобное»²¹. Это довольно близко соответствует той «реконструкции» «недостающего звена» дедукции времени заботы из исходной временности, которую мы

предложили выше, однако речь здесь у Хайдеггера идет о временности в целом, тогда как связь отдельных экстазов временности с модусами ожидания, удержания и актуализации остается непроясненной.

Кроме того, датируемость указывает на событийную основу времени, о которой Хайдеггер будет говорить в следующих параграфах «Бытия и времени». Счетное время заботы размечается впервые событиями: малые отрезки — малыми событиями, большие отрезки — великими, наиболее значимыми. Великий неурожай может быть опорой для датирования нескольких лет, большая война — нескольких десятков лет и т.д.

Другое свойство времени заботы — «отрезковость»²². Присутствие, размечающее время заботы по событиям, тем самым всякий раз устанавливает некоторые *промежутки* (*Spannweite*), отрезки времени. «Ожидание-удерживающая актуализация лишь потому толкуя “рассчитывает” *отрезковое* “в-продолжение-чего”, что она при этом разомкнута себе как экстазная *протяженность* (*Erstrecktheit*) исторической временности, хотя и неузнанная как таковая»²³. Применительно к времени заботы протяженность не нуждается в особых доказательствах, так как для ожидания и удержания время всегда «тянется». Но если «отрезок» времени первичен по отношению к «мгновению», у которого тоже есть «собственный» и «несобственный» модусы, соответственно «мгновение-ока» (*Augenblick*) и «теперь» (*Jetzt*), то эта «отрезковая» природа должна «отсвечивать» в любом фиксируемом моменте времени, и не только в истории, но и в физике. И действительно, уже целый ряд физиков независимо друг от друга приходят к осознанию условности лишнего длительного момента «настоящего». В квантовой механике при некоторых взаимодействиях, если их понимать с точки зрения привычной концепции времени, наблюдается «предвидение» частицей будущих воздействий, временные «флуктуации» с элементами обратного течения времени. По-видимому, принцип неопределенности Гейзенберга нужно будет распространить также и на временное измерение квантового события: мы никогда не можем сказать с абсолютной точностью, произошло ли уже данное событие, происходит сейчас или произойдет в будущем, причем это не недостаток нашего знания, а «объективное» свойство квантовой реальности. Фейнман получил Нобелевскую премию по физике за попытку согласования квантовых парадоксов с классической концепцией времени, но в последние два-три десятилетия все больше ученых понимают, что от этой концепции, даже в ее релятивистском варианте, придется отказаться. Видимо, вновь философия должна прийти на помощь физике. Как релятивизм Эйнштейна стал возможен благодаря «критике опыта» Эрнста Маха, так новая физика будет использовать концепцию «событийного времени» А. Уайтхеда и М. Хайдеггера²⁴. Это полностью

перевернет наши взгляды на физическую реальность, на место и роль сознающего субъекта в ней.

Это же время заботы Хайдеггер определяет как *публичное (öffentliche)*. Если экзистенциальная исходная временность «всегда моя», то экзистирова как брошенное, Присутствие считает время и в этом счете соизмеряется и соотнобразуется и с другими людьми, и с повторяющимися явлениями мира, прежде всего с движением солнца. Солнце светит всем одинаково, и у всех дела днем, а ночью отдых. «*Брошенность Присутствия есть основание того, что публичное время “имеется”*»²⁵. Экзистенциальное основание такого орудия счета, как *часы*, тоже лежит здесь.

И, наконец, время заботы определяется Хайдеггером как *мировое время*, что позволяет сопоставить этот этап дедукции временности с аналогичным этапом «мирового пространства» в дедукции пространства. «Опубликованное время как время-для... имеет по сути характер мира. Потому мы называем публикуемое во временении временности время *мировым временем*. И это не поскольку скажем оно *налично* как *внутримирное* сущее, каким оно никогда не может быть, но поскольку оно принадлежит к *миру* в экзистенциально-онтологически проинтерпретированном смысле»²⁶.

Мировое время заботы — это время сроков. В старославянском «время» означало не текущее или протяженное измерение движения, но именно срок, преимущественно благоприятный: «время сеять», «время пожинать», «время разбрасывать камни», «время собирать камни». Текущее и протяженное время называлось «час». Поэтому, например, «делу время, потехе — час», если эта пословица достаточно стара, означало примерно следующее: «Работу выполняй в должный срок, а в остальное время делай что хочешь» (как в другой пословице: «Сделал дело — гуляй смело»). Так и по Хайдеггеру, время заботы никогда не является безразличным вместилищем «имеющих в нем место» событий, оно всегда «время для чего-то» или «еще не время». Понятно при этом, что и «срок» — не точка во времени, но некое «окно возможностей» для Присутствия.

Обнаруживая себя заброшенными в мир и начиная понимать и толковать себя, исходя из мира, мы сразу же обнаруживаем себя подвластными могучей власти времени, именно в смысле «срока». Хотя это мировое время нельзя назвать, по Хайдеггеру, ни «объективным» в смысле наличного сущего, ни «субъективным» как голой формой восприятия, оно правит нашей «фактической» экзистенцией, несмотря на то, что «исходная» временность экзистенции является первичной по отношению к нему. И если с властью природных циклов смириться легче, поскольку они безличны и равномерны, то сроки человеческой жизни, определяемые как «возраст», многими и часто ощущаются как внешнее суровое ограничение свободы экзистенции. Такое мировое

время воспринимается как чуждое и олицетворяется с древности как «судьба» и безжалостный «рок».

Когда смертельно больной человек, планирующий свои последние дела под дамокловым мечом приговора врачей или судьбы, понимает, что у него «нет времени», в этот момент, несмотря на всю первоисходность экзистенциального времени, которое «всегда мое», я признаю, что мое время является частью более обширного общечеловеческого, планетарного, вселенского времени — является ли оно при этом бесконечным, в данном случае не так важно. Парадокс хайдеггеровской концепции в том, как это всеобщее время, будучи производным от моей экзистенциальной временности, может при том охватывать его и содержать в себе как свою мизерно малую часть. Как происходит роковое отчуждение внутреннего исходного времени во время публичное и мировое и каково экзистенциальное основание этого отчуждения? Хайдеггер этот парадокс признавал: «Но разве время не “идет своим ходом дальше”, невзирая на уже-не-присутствие меня самого? И не безгранично ли много чего еще может лежать “в будущем” и настать из него?» Однако по сути он ушел от ответа на этот вопрос: «Вопрос не в том, что там вообще может произойти “с течением времени” и что “из этого времени” может встретиться допущению-для-себя-настать, а в том, как исходно определено *само* для-себя-наставание *как таковое*»²⁷.

Другая связанная с этим проблема — та же проблема солипсизма и интересубъективности, с которой столкнулся Гуссерль в трансцендентальной феноменологии. Время в физике до сих пор рассматривалось как всеобщее измерение всех физических процессов. Если исходное время «всегда мое», то и исходная физическая реальность «всегда моя», что соответствует позиции строгого солипсизма. В таком случае не только интересубъективное время, но и интересубъективная реальность вообще являлась бы чем-то производным и вторичным по отношению к моей «личной» реальности, но этот вывод Хайдеггеру вряд ли понравился бы.

Хайдеггер делает вид, что отношение индивидуального времени к всеобщему не является релевантной проблемой для феноменологии. Но ведь если всеобщее время включается в феноменологический анализ как производное от экзистенциального, то и отношение между ними должно быть осмыслено феноменологически-экзистенциально. И вполне может быть поставлен вопрос о собственном экзистенциальном фундаменте интересубъективного всеобщего времени, причем этот фундамент должен быть более глубоким по отношению к «всегда-моему» времени. Хайдеггер понимает, что для этого нужно было бы доказать существование *вечного* Присутствия, но такого доказательства, констатирует он, «недостает»: «Что существуют “вечные истины”, будет достаточно доказано, только если удастся показать, что во всю вечность

присутствие было и будет. До тех пор пока этого доказательства недостает, тезис остается фантастическим утверждением»²⁸.

Если же мы не знаем «вечного» Присутствия или хотя бы соразмерного по длительности существованию мира, то и само существование мирового времени оказывается неразрешимой проблемой: «Есть ли у него тогда вообще “бытие”? Если нет, фантом ли оно тогда или более “сущее” чем всякое возможное сущее? Продолженное в направлении таких вопросов разыскание упрется в ту же “границу”, которая уже вставала перед предварительным разбором взаимосвязи истины и бытия»²⁹.

Но если последовательно проводить обоснование временности в Присутствии, получаем еще один платонизирующий и христианизующий Хайдеггера вывод: мировое время должно иметь в качестве источника некое мировое Присутствие. Человек же получает свое время как дар внимающего ему и всему миру Высшего Присутствия, и за счет этого дара и в раскрываемом им пространстве и времени он живет и сам открывает возможность присутствовать присутствующему сущему.

И, наконец, последняя ступень дедукции времени — выведение так называемой «расхожей концепции времени» (*des vulgären Zeitbegriffs*). Эта ступень носит особый характер, ее даже нельзя в полном смысле назвать «дедукцией», поскольку дедукция выявляет экзистенциальный фундамент тех или иных модусов Присутствия, а расхожая концепция времени есть скорее проявление *лишенности* экзистенциальных оснований. Основание все же есть у самой этой лишенности и у бегства Присутствия в нее. «В чем основано это нивелирование мирового времени и сокрытие временности? В бытии самого присутствия, которое мы подготовительно интерпретировали как *заботу*. Брошенно-падающее, присутствие ближайшим образом и большей частью потеряно в озаботившем. В этой потерянности опять же дает о себе знать скрывающее бегство присутствия от его собственной экзистенции, характеризованной как заступающая решимость. В озабочении бегством лежит бегство *от* смерти, т.е. отвод глаз *от* конца бытия-в-мире»³⁰. Страх смерти гонит Присутствие от самого себя и собственной исходной временности к забвению в наличном сущем³¹. Смутно ощущая внутри себя бездну, лишенность оснований (мистический *Ungrund*), Присутствие само создает для себя основания из подручного сущего, фиксируя его как *наличное*, достоверное, всегда доступное для усмотрения. Но «наличное» — не разновидность сущего и не модус его существования, это лишь особый статус зафиксированности, который Присутствие приписывает сущему. Эту операцию «обналичивания» Присутствие выполняет по отношению к подручному сущему, по отношению к пространству и равным образом по отношению к времени. В результате «для расхожего понимания времени время является как чередой постоянно “наличных”, сразу уходящих и приходящих *теперь*. Время понимается как

некое одно-за-другим, как поток *теперь*, как “течение времени”³². В таком времени нивелируется его датируемость и значимость, не в том смысле, что невозможно указать в нем дат, но в том, что скрывается и нивелируется его событийная основа. Мирового времени Заботы нет без значимых событий. Время расхожего представления не лишено «происшествий», но такое время безразлично к происходящим «в нем» событиям, оно теряет смысл «благоприятного срока», становится «безвременным» и «бессрочным». В русском языке «безвременье» — не недостаток времени, но ситуация, когда нет ни одного благоприятного срока ни для какого начинания. И в этом же состоял ужас «бессрочной ссылки» — изгнания в вечное «теперь» надзирательских отчетов, без событий, без ожидания, без будущего.

Такое время гомогенно, т.е. все его моменты равны. «Все *теперь* как бы острижены по этим отношениям [датируемости и значимости] и, так обстриженные, просто нанизываются, чтобы составить свое *друг-за-другом*»³³. Но уже эта его черта не позволяет вывести наиболее фундаментальное свойство любого времени — *необратимость*. Если все моменты времени равны, непонятно, почему невозможно, чтобы «течение» времени повернулось вспять, и «прошедший» момент вновь стал «настоящим». Это, кстати, до сих пор остается актуальной проблемой для физики. Были предложены различные физические гипотезы, объясняющие необратимость времени, от второго закона термодинамики до особых характеристик квантовых процессов, но все эти попытки нужно признать недостаточными, так как сама природа времени в физике не определена. Как можно выводить свойства того, природа чего нам полностью неизвестна? Но если физикам удастся понять само время, это будет означать, что время, как и связанное с ним пространство, утратит статус *исходной* физической категории. По Хайдеггеру, необратимость времени коренится в экзистенциальном основоустройстве исходной временности Присутствия, для которого прошлое и будущее — не пройденная и предстоящая части пути или точки «теперь», а особые смысловые измерения, «экстазы» временствования. Физика уже почти 100 лет топчется на пороге признания роли сознательного внимания субъекта в создании физических феноменов. Надо думать, что рано или поздно этот барьер будет преодолен, и тогда хайдеггеровский анализ исходной временности Присутствия может вновь оказаться востребованным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Фалев Е.В. Экзистенциальная дедукция пространства в «фундаментальной онтологии» Хайдеггера // Философские науки. 2013. № 6.

² Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. — Томск, 1998. С. 310 (Heidegger M. II. Abteilung. Bd. 20. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs. — Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1979).

³ Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997. С. 196 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* – Tübingen, 1979. S. 196).

⁴ *Heidegger M. Gesamtausgabe. III. Abteilung. Bd. 64. Der Begriff der Zeit.* – Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 2004. S. 124 – 125.

⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 262 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 262).

⁶ *Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 325.

⁷ Ibid. S. 327.

⁸ Ibid. S. 325.

⁹ Ibid. S. 326.

¹⁰ Бимель В. Мартин Хайдеггер. – Челябинск, 1998. С. 104.

¹¹ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 329 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 329).

¹² *Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 329.

¹³ Цит. по: *Vomc A.B.* Путь Дзен. – Киев: София, 1993. С. 133.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Классическая йога. – М., 1992. С. 188.

¹⁶ Юран Айтен. Пространство и время в психоанализе. – URL: http://prev.lacan.ru/articles/space_and_time.html

¹⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 427 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 427).

¹⁸ Там же. С. 333 (Ibid. S. 333).

¹⁹ Там же. С. 353 (Ibid. S. 353).

²⁰ Там же. С. 408 (Ibid. S. 408).

²¹ Там же (Ibid.).

²² *Gespanntheit*, дословно «протяжённость», «протянутость», «растянутость»; однако, поскольку Хайдеггер использует это слово в связке с *Spannweite* – «промежуток», «отрезок», а «промежуточность» в русском имеет другое привычное значение, то перевод В.В. Библихина «отрезковость» можно признать удачным.

²³ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 409 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 409).

²⁴ Однако пока что наши физики больше опираются на концепцию времени Уайтхеда, философа и математика, тогда как более глубокая и влекущая более далеко идущие выводы концепция времени Хайдеггера им либо неизвестна, либо непонятна. В обоих случаях историко-философские исследования должны поощрять продуктивному общению философии и физики.

²⁵ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 412 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 412).

²⁶ Там же. С. 414 (Ibid. S. 414).

²⁷ Там же. С. 330 (Ibid. S. 330).

²⁸ Там же. С. 227 (Ibid. S. 227).

²⁹ Там же. С. 418 (Ibid. S. 418).

³⁰ Там же. С. 424 (Ibid. S. 424).

³¹ Правда, Хайдеггер здесь, по-видимому, сам не до конца последовательно различает смерть как онтический факт конца телесного существования когда-то в будущем и экзистенциальную «смерть», которая всегда уже здесь. Потому следовало бы сказать не «отвод глаз от конца бытия-в-мире», а «отвод глаз от конечности экзистенции», которая, напоминаем, состоит в том, что Присутствие не может осуществить все свои возможности, даже если бы оно было физически бессмертным.

³² Хайдеггер М. Бытие и время. С. 422 (*Heidegger M. Sein und Zeit.* S. 422).

³³ Там же (Ibid.).

Аннотация

В статье рассматриваются этапы экзистенциальной дедукции времени в «фундаментальной онтологии» Хайдеггера, соотношение между тремя «экстазами» временности, а также между тремя основными онтологическими уровнями временности – «экзистенциальной временностью», «мировым временем заботы» и «расхожей концепцией времени». Формулируются выводы из экзистенциальной аналитики, которые должны видоизменить общепринятое представление о времени, но вместе с тем выявляются и новые противоречия, возникающие в экзистенциальной концепции времени.

Ключевые слова: Хайдеггер, экзистенциальная дедукция, фундаментальная онтология, Забота, Присутствие, время, будущее, прошлое, настоящее, смерть.

Summary

The article considers main steps of the existential deduction of time in Heidegger's fundamental ontology, correlation between three «ec-stases» of time and also between three major ontological levels of temporality, «existential temporality», «world time of care» and «vulgar conception of time». Conclusions are worded which must transform our conventional conception of time, but also some new contradictions inherent in Heidegger's existential concept of temporality are detected.

Keywords: Heidegger, existential deduction, fundamental ontology, care, presence, time, future, past, present, death.

ИСТОРИЯ В СОБЫТИЯХ. ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

К 20-летию Российского
гуманитарного научного фонда

ВЫХОДЯ НА НОВЫЕ РУБЕЖИ*

М.Т. СТЕПАНЯНЦ

В юбилейный для Российского гуманитарного научного фонда 2014 г. целесообразно осмыслить его деятельность, чтобы не только сохранить достигнутое, но главное — приумножить его, повысить значимость РГНФ. Известно, что Фонд был создан Постановлением Правительства РФ в 1994 г. прежде всего «в целях *поддержки* развития гуманитарных наук». Поддержка — понятие достаточно неопределенное. Она может интерпретироваться как финансовая подпитка статуса кво, как воспроизводство отечественной науки в том виде, в каком она функционирует. Это фактически подход консервативный, не позволяющий выходить на рубежи передовой науки. Справедливости ради необходимо признать, что РГНФ с первых же лет своего существования ориентировался на поддержку *новых* направлений, позволяющих не просто догонять, но и обгонять передовые образцы мировой науки.

Подтверждением сказанному выше может служить отношение РГНФ к философской компаративистике.

Сравнение философских традиций Востока и Запада предпринималось уже в XIX в. Этим были заняты Г.В.Ф. Гегель, Ф. Шлегель, А. Шопенгауэр, Р. Гарбе, Ф. Щербатской. Компаративные исследования в большинстве случаев не представляли основного содержания деятельности названных ученых и уж тем более не носили характера объединенного совместного предприятия.

Организационное, в определенном смысле институциональное, оформление как *направление*, в которое включаются уже не единицы, а сотни исследователей, сравнительная философия начинает обретать со второй половины XX в., что непосредственно связано с историей гавайских Конференций философов Восток — Запад.

По замыслу учредителей Конференции (КФВЗ) проект был нацелен на «субстанциональный синтез» культур Востока и Запада. Однако

* Редакция журнала «Философские науки» и Российский гуманитарный научный фонд продолжают публикацию аналитических обзоров проектов, вышедших при поддержке РГНФ. Начало см.: ФН. 2014. № 1.

сомнения и возражения по этому поводу тотчас же были высказаны Джоном Дьюи, Сарвепалли Радхакришнаном и Джорджем Сантаяной. Все трое отнеслись к проекту отрицательно. Наиболее прямым был Дж. Сантаяна: «Вы говорите о “синтезе” восточной и западной философий. Но этого можно было бы достичь, только опустошив обе системы... С гуманистической точки зрения, как я полагаю, именно различие и несоизмеримость систем, прекрасных каждая по-своему, делают их интересными, а вовсе не компромисс между ними или их слияние»¹.

С. Радхакришнан по поводу проекта «философского синтеза» писал: «Мы не хотим ни конфликта, ни слияния Запада и Востока. Каждый должен сохранить свою целостность, заимствуя у другого все, что для себя ценно. Благодаря такому взаимному оплодотворению мы сможем развить мировую перспективу в философии»².

Что касается Дж. Дьюи, то он считал «основным условием для любого продуктивного развития межкультурных отношений... понимание и уважение различий»³.

Приметой нашего времени стал заметный рост числа исследователей по сравнительной философии в восточных странах, в особенности в Индии, Китае, Японии, Корее, Таиланде. Это означает, что занятие компаративистикой более не является только делом так называемого ориентализма.

С начала нового тысячелетия стали проводиться Московские Международные конференции по сравнительной философии. Москва, в частности Институт философии РАН, фактически превратился в европейский центр конференций философов Востока и Запада. Первая конференция — на тему **«Моральная философия в контексте многообразия культур»** — состоялась в 2002 г.; вторая — **«Знание и вера в диалоге культур»** — в 2006 г.; третья — **«Философия и наука»** — в 2012 г.⁴ Материалы конференций каждый раз перерабатывались в статьи и публиковались в основанной Институтом философии РАН в 2000 г. академической серии «Сравнительная философия» (отв. ред. М.Т. Степанинц).

Проведение Московских международных конференций по сравнительной философии с широким участием зарубежных ученых, а также издание серии «Сравнительная философия» были бы невозможны без постоянной финансовой поддержки РГНФ⁵.

Опубликованный в 2013 г. 4-й выпуск указанной серии достоин особого внимания в силу, по крайней мере, двух причин. Во-первых, впервые в мировой академической литературе проблема отношения между философией и наукой рассматривается в контексте культур Запада и Востока; во-вторых, впервые в отечественной литературе фиксируется появление новейшего феномена — межкультурной философии.

Хотя философия и наука изначально были связаны друг с другом, отношения между ними временами отличались напряженностью, соперничеством, взаимным непониманием и критикой. Конфликт между философией и наукой возникал в переломные периоды истории, связанные с радикальными социальными переменами, сменой научных и мировоззренческих парадигм. Нет сомнений, что переживаемое нами время является поворотным, а потому требующим всестороннего и глубокого осмысления в глобальном контексте, т.е. с учетом существующего многообразия культур.

Необходим ли союз науки и философии?

На этот вопрос нередко можно услышать отрицательный ответ не только из уст обывателей, но даже со стороны видных представителей науки.

Несмотря на приверженность к различным культурно-цивилизационным традициям, все авторы настоящего издания единодушны в своем положительном ответе на поставленный выше вопрос. Аргументация при этом дается в рамках трех временных пластов: прошлого, настоящего и будущего. В первом случае необходимость и плодотворность союза философии и науки демонстрируется историческими прецедентами, многочисленными, как на Западе, так и на Востоке.

Потребность науки в философском осмыслении современных естественно-научных открытий убедительно доказывается *Мишелем Юленом* (Университет Сорбонны; «Концепция сознания: диапазон и границы»); *Армином Грунвальдом* (Университет Карлсруэ; «Оценка техники и ее отношение к философии»). Что касается будущего, то о нем говорится с учетом краткосрочной и долгосрочной стратегии развития мирового сообщества.

Сегодня развитые страны вступают в «общество знания» (академик РАН В.А. Лекторский «Философия, наука и современные технологии»). Естественно, что наука в таком обществе играет исключительную роль. Вместе с тем наука меняется — во все большей степени срастается со своими техническими приложениями. Возникает особый феномен «технонауки». Новейшие информационные, а затем так называемые конвергирующие технологии NBIC (нано-, био-, информационные и когнитивные) создают новую жизненную среду человека и ставят под вопрос многие привычные способы ориентации в мире.

Жизненный мир человека — это постоянно меняющееся историческое и культурное понятие. При всех изменениях всегда сохранялись определенные инварианты. Ныне же под влиянием науки и техники происходит «взламывание» этих инвариантов. Примером тому являются планы конструирования человеческой телесности — движения

«трансгуманизма» и «иммортиализма», согласно которым, воздействуя на генную и нервную системы человека, заменяя ряд органов тела на искусственные с помощью генной инженерии, нано-технологий, компьютерных и информационных технологий, можно сначала удлинить жизнь человека, а затем сделать его бессмертным. В этом случае проблема смерти, столь важная для всей исторически существовавшей культуры, потеряет смысл.

Трагическим свидетельством реальности выхода современной технoнауки из под контроля человека являются события в Фукусиме. *Эгуги Мицуру* (Институт философии, Япония; «Научный прогресс и поиск направлений развития японского общества после стихийного бедствия 2011 г. в Восточной Японии») знакомит с реакцией своих соотечественников на аварию АЭС Фукусима-1. Колоссальный ущерб, который нанесла японцам передовая технология, заставил их задуматься над вопросами: «Почему это произошло с нами?», «Правильно ли мы вообще живем?» и прийти к заключению о необходимости глобального пересмотра отношения к научно-технологическим достижениям. Японский философ С. Цуруми призвал соотечественников начать новую жизнь, став «беженцами цивилизации». Д. Икеда предложил выход в обращении к буддийской концепции «взаимозависимого возникновения». Поскольку все существа и явления находятся в неразрывной взаимозависимости, человеку самому по себе невозможно достичь счастья и благополучия в отрыве от мира и людей, окружающих его.

Как предвидеть возможные негативные последствия новых открытий технoнауки и быть готовым к ее вызовам? Об этом ведет речь *Армин Грунвальд* («Оценка техники и ее отношение к философии»), имея в виду главным образом нанотехнологии. Он отмечает, что нанонаука интегрирует классические дисциплины типа физики, химии, биологии и инженерных наук в новый тип науки. Нанотехнологии порождают социальные проблемы, которые побуждают к размышлениям о глубоких изменениях в западной цивилизации, в частности, в отношении человека к природе и технике. Одни полагают, что возможно появление нового эконокианства в связи с тем, что нанотехнологии — как «формирование мира атом за атомом» — могут расцениваться в качестве нового проявления оптимизма, когда все кажется технически осуществимым. Другие считают, что нанотехнологии приведут к возникновению трудно вообразимой неопределенности: все могло бы быть возможным, но, похоже, ничего невозможно контролировать. Наконец, существует мнение, что нанотехнологии — «шифр будущего», который станет катализатором социальных, философских и научных дискуссий по проблемам отношений между людьми и технологиями в будущем.

Все перечисленные варианты возможны. Размышлять о них представляется целесообразным. Это важно для понимания того, что поставлено на карту и представляет собой вклад в «герменевтику» возможного изменения элементов человеческого существования. Таким образом, философия может подготовить почву для прикладной этики и оценки технологий к тому моменту, когда они станут более определенными.

Взаимоотношения между философией и наукой в контексте *долгосрочной* стратегии развития человечества обсуждаются академиком РАН **В.С. Степиным** («Научное познание в социокультурном измерении»). Его прогноз строится с учетом особенностей философии и науки как познавательных форм.

Философия имеет дело с вечными вопросами, относящимися к предельным основаниям жизни и деятельности, к универсальным способам включенности человека в окружающий мир. Она формирует некоторого рода рамки, которые наполняются конкретным содержанием в определенных культурных и исторических ситуациях.

Самостоятельные мировоззренческие функции и право на автономное развитие наука обрела с возникновением особого типа цивилизации. Ее часто называют западной, по региону ее возникновения, или техногенной, учитывая, что определяющим фактором ее исторического развития является научно-технологический прогресс.

В техногенной цивилизации инновации становятся особой ценностью. В ней приоритет отдается не адаптивной, а креативной деятельности. Система базовых ценностей техногенного типа развития формировалась на протяжении трех великих эпох европейской культуры — Ренессанса, Реформации и Просвещения. На современной стадии этого процесса наука претендует на право создания своей *автономной* картины мира, которая изменяется и развивается под влиянием все новых фундаментальных научных открытий.

В системе техногенной культуры сложилось устойчивое взаимодействие научно-технологического прогресса и экономики, которое обеспечило рост общественного богатства и повышение уровня потребления. Доминирующие в техногенной культуре этические и социально-политические идеи ориентированы на обоснование этих ценностей как приоритетов человеческой жизнедеятельности.

В качестве основных ценностей глоболизирующегося мира предлагаются ценности потребительского общества и модели его образа жизни. Однако всеобщая реализация стандартов потребления развитых стран Запада грозит экологической катастрофой вселенского масштаба. Поскольку простое продолжение уже принятых стратегий развития будет приводить к обострению глобальных кризисов, необходим пересмотр прежнего отношения к природе, предполагающего силовое преобразование природного и социального мира, требуется

выработка новых идеалов человеческой деятельности, нового понимания перспектив человека. Словом, необходим переход к новому типу цивилизационного развития.

Такой переход невозможен без формирования нового типа научной рациональности. Он связан с интенсивным научным и технологическим освоением принципиально новых типов объектов, представляющих собой сложные саморазвивающиеся системы.

Новый тип рациональности, который в настоящее время утверждается в науке и технологической деятельности и который имманентно включает рефлексию над ценностями, резонирует с представлениями о связи истинности и нравственности, свойственной традиционным восточным культурам. Наука становится одним из важных факторов диалога культур. А этот диалог выступает одним из условий формирования новых ценностных ориентиров и новых стратегий цивилизационного развития.

Использование диалога для понимания иной культуры и заимствования из нее во благо собственной вполне допустимо. Об этом убедительно свидетельствует опыт Японии. Как справедливо отмечает *Л.Б. Карелова* (ИФ РАН; «Некоторые особенности развития науки и техники в Японии XVII – XIX вв. в контексте национальной духовной традиции»), гений японцев заключается не в изобретении, а в адаптации новых элементов культуры сначала Китая и Кореи, а затем Европы и США. В результате заимствованные элементы начинают жить самостоятельной жизнью, часто меняясь до неузнаваемости. В появлении формул, вроде той, которую выдвинул Сугаваре Митидзанэ (845 – 903): *вакон-кансай* (японский дух – китайские умения) или Сёсан Сакума (1811 – 1864): *тоё дотоку – сэйё гэйдзюцу* (восточная мораль – западные умения), определивших формирование адаптирующего механизма японской культуры, немалую роль сыграла буддийская концепция «двух истин» – условной, конвенциональной и безусловной, постигаемой лишь в опыте просветления. Допущение возможности множества условных, конвенциональных истин, имеющих инструментальный характер, открывало путь для принятия разного рода новых знаний и учений. Для японцев «истина не монолитна, а множественна, не целостна, а фрагментарна. Истина меняется в зависимости от контекста. Без контекста не может быть истины»⁶. Япония сконцентрировала свой научно-технический потенциал на совершенствовании зарубежных технологий и приспособлении своего производственного аппарата к их массовой реализации. В этом, видимо, и состоит формула японского научно-технического креатива.

Но возможен ли диалог, если участники его не понимают друг друга? Более того, некоторые даже считают, что взаимопонимание невозможно. Ответ на этот вопрос в наиболее развернутой форме

дается *Голамрезой А'авани* (Иранский институт философии; «Каков может быть вклад исламской философии в философскую компаративистику»).

Некоторые философы, признает Г. А'авани, утверждают, что различные философские школы так же автономны, как «и независимые круги или параллельные линии, которые не имеют общих элементов, и даже если может показаться, что аналогичные вопросы обсуждаются в разных школах, на самом деле каждая из них должна быть понята и интерпретирована в рамках собственного своеобразного контекста и только в связи с ее основополагающими принципами. Другими словами, сравнительное изучение философских вопросов означает их изъятие из собственного контекста, что, в конечном счете, вступит в противоречие с их прямой целью... Но подобные рассуждения говорят, что и философия, и философские вопросы настолько двусмысленны, что общее понимание в среде философов почти невозможно. Можно даже сказать, что философия, которая по своей природе требует более глубокого проникновения в действительность, утрачивает основание своего бытия. Кроме того, эта точка зрения ведет в конечном итоге к релятивизму и делает поиск истины, который традиционно рассматривается как единственная цель философской деятельности, избыточным и бесполезным»⁷.

Модератором культурного (в частности, философского) диалога может и должна стать сравнительная философия, для занятий которой, в свою очередь, необходимы определенные условия. Во-первых, надо иметь глубокие знания двух философских традиций или, по крайней мере, двух философских школ, знаний, сфокусированных на специальной философской проблеме. Поверхностным обсуждением этого вопроса ограничиться, разумеется, не удастся. Также необходимо знание исторической эволюции рассматриваемой проблемы, что поможет увидеть, какие изменения претерпели в ходе истории та или иная идея или философский термин; это также поможет предотвратить ущербные и маргинальные сравнения, подсказываемые буквальными или внешними формами рассматриваемых философских вопросов, что может скорее препятствовать, чем помогать их сравнительному анализу. Проявление чрезмерного внимания к букве убивает дух философии. Часто бывает, что существуют значительные расхождения между философскими проблемами в двух разных школах или радикальное различие между двумя философскими терминами, которые при более пристальном рассмотрении просто испаряются. Убедительные свидетельства тому приводятся *Викторией Лысенко* (ИФ РАН; «Буддийский атомизм в свете современных понятий “эмерджентные свойства” и “квалия”», по «Абхидхармакоша-бхашье» Васубандху) и *Андреем Терентьевым* (гл. редактор журнала «Буддизм в России»; «Расширенная концепция Эверетта» М.Б. Менского).

В чем особенности восточных научно-философских традиций?

Современному диалогу культур явно не достает знаний относительно культур, отличных от западной. Большинство авторов представленных читателю текстов стремятся именно к тому, чтобы высветить, сделать более очевидной специфику научных и философских традиций на Востоке.

Одним из наиболее ярких примеров тому статья *Артема Кобзева* (Институт востоковедения РАН; «Китайская культура и атомизм»), который убежден, что фундаментальное различие между китайской и западной научно-философскими традициями демонстрирует атомистическая теория. Китайская физика, оставаясь верной философскому прототипу волновой теории, отвергала атомистику. Китайские мыслители самостоятельно не создали никакого варианта атомистической теории. Все субстратные состояния как материальных, так и духовных явлений обычно мыслились непрерывно-однородными («пневма» — *ци*, «семя-дух» — *цзин*), так как господствовали континуально-волновые представления о веществе.

А.И. Кобзевым разработана теория двух противоположно-альтернативных типов философствования: западного (средиземноморского и индийского) — дискретно-субстантивирующего в онтологии, идеализирующего и логизирующего в методологии, основанного на флективных языках и алфавитно-фонетическом письме, и восточного (китайского) — континуально-процессуализирующего в онтологии, натурализирующего и нумерологизирующего в методологии, основанного на изолирующих языках и иероглифике. Развивая ее и опираясь на концепцию М. Мак-Люэна, согласно которой «китайцы, пользующиеся нефонетическим письмом, сохраняют восприятие опыта целостное и глубокое», а также исследование Вяч.Вс. Ивановым асимметрии мозга и знаковых систем в книге «Чет и нечет», он формулирует следующие тезисы: «В противоположность иероглифам буквы как фонетические абстракции уже на самом элементарном уровне письма атомизируют фиксируемый в нем опыт. Сам факт расчленения слов на буквы рождает мысль об аналогичном членении бытия и выявлении в нем доопытных или сверхопытных подоснов. Именно по такому пути и пошла древнегреческая философия. Десемантизированность лингвистического первоэлемента — буквы оборачивалась отсутствием «вторичных», чувственных качеств у онтологического первоэлемента — атома или идеи. В традиционной китайской культуре, не пользовавшейся десемантизированными лингвистическими единицами, не были выработаны ни концепция атомов, ни концепция идей. Соответственно отсутствовало различение «первичных» и «вторичных» качеств, т.е. в лингвистической проекции — качеств букв и качеств слов. Поскольку понятие письменности онтологизировалось (иероглиф *вэнь* мог означать и космологическую структуру, и знаки

птичьих следов на земле), мир по аналогии с набором иероглифов мыслился как конечная совокупность чувственно воспринимаемых вещей (*вань у, вань ю*)»⁸.

Фундаментальная философская позиция, отличающая Европу и Индию от Китая, по мнению А. Кобзева, — онтологический идеализм. В Китае господствовала натуралистическая и холистическая мировоззренческая традиция, не позволившая самостоятельно сформироваться ни полноценному идеализму, ни атомизму, коррелирует с всемогущей иероглификой, ставшей символом всей культуры.

В своих рассуждениях о специфике индийской научной и философской мысли **Наталья Канаева** (ИФ РАН; «Отношения науки (*śāstra*, *vidyā*) и философии (*darśana*) в традиционной индийской культуре») обращает внимание на то, что в традиционных восточных культурах отношения между наукой и философией не носили столь драматичного характера, какой они приобрели на Западе. И если на Западе зерна конфликта были заложены в самих основаниях теоретического мышления в виде идеала и цели познания, на Востоке, например в Индии, отношения частнонаучного и мировоззренческого знания были бесконфликтными. Во-первых, в индийской культуре вообще не вставал вопрос, необходима или нет философия. Во-вторых, эти отношения не могли приобрести конфликтного характера, поскольку цели и ценности в индийских *шастрах* (или *видьях*) и *даршанах* изначально были заряжены иным потенциалом: идеал рациональной истины не был там целью познания и критерии рациональности не были критериями абсолютной истины.

Критерии рациональности и истинности в индийской культуре имеют целый ряд отличий от западных критериев классической рациональности. Термину «истина» в санскрите соответствует термин *satya* — истина, правда и реальность, имеющий три измерения: логико-эпистемологическое, этическое и онтологическое. Этим объясняется наличие в Индии нескольких разновидностей учений об истине, каждое из которых раскрывает одну из сторон *самы* и структурирует эти измерения истины. Самой главной из них является онтологическая концепция двух истин или двух уровней реальности: высшей — парамартха (*paramārtha*) и низшей — вьявахара (*vyavahāra*). Высшая реальность трансцендентна, непознаваема обычными человеческими способностями (чувствами и мышлением) и невыразима, низшая — познаваема и выражима. Но трансцендентная реальность достижима посредством духовных практик (*sādhana*), которые являются неотъемлемой частью учения всех даршан. Поскольку истина как результат познания принадлежит низшему уровню реальности, логико-эпистемологические истины приобретают более низкий статус, чем истины, позволяющие достичь высшего уровня реальности. Высший уровень именовался Абсолютом (*Ātman*, *Brahman*),

а достижение этого уровня именовалось «освобождением» (*mokṣa, mukti, nirvāṇa*). Процесс освобождения — не теоретический, а практический. Он следует за овладением теоретическим знанием, и в этом смысле он послетеоретический и сверхтеоретический. Ориентация на достижение высшего уровня реальности стала в Индии, таким образом, ориентацией на выход за пределы рационального и теоретического. Она не могла быть стимулом теоретического познания материального мира с целью овладения сущностью вещей, и поэтому в традиционной индийской культуре наука, обслуживающая потребности технологии не достигла высокого уровня развития. В западной культуре, благодаря Аристотелю, прочно утвердился идеал теоретического знания как высшего вида истины, и это знание понималось как овладение сущностью вещей. Индийская традиция ориентировала на сверхразумное знание как овладение собственным бытием. Оно должно было восстанавливать естественную духовную гармонию жизни, возвращать земную жизнь к ее трансцендентным истокам. Это знание не покидало круга человеческого бытия, не могло стать его «забвением».

Никакой «объективной» и «абсолютной» теоретической истины индийские мудрецы не признавали, что логически следовало из общепринятого в Индии представления о множестве обликов дхармы и их зависимости от субъекта познания. Логико-эпистемологическая истина — низшая, она «работает» на уровне феноменального мира. В критериях индийской традиционной рациональности нет и намек на возможный конфликт науки и философии, потому что «высшие» метафизические истины выводятся на сверхтеоретический уровень.

Возможно ли расширение горизонтов философии?

Одним из ощутимых и высоко значимых результатов активно ведущегося в наше время диалога культур можно считать неуклонно возрастающее понимание необходимости расширения горизонтов философии и науки.

Великие умы и ранее предостерегали нас от неоправданного высокомерия по отношению к незападным культурам. «Было бы чересчур опрометчиво и самонадеянно со стороны нашего брата... едва-едва еще вышедшего из состояния варварства, — отмечал Г.В. Лейбниц в переписке с Н. Ремонем, касающейся китайской философии, — позволить себе осуждать, столь древнее учение, поскольку оно, на наш взгляд, не соответствует сразу же нашим привычным схоластическим понятиям»⁹. «Обнаруживая следы истины у древних можно извлечь золото из осадка, алмаз из его породы, свет из темноты; это и будет в действительности некая вечная философия (*perennis quaedam Philosophia*)»¹⁰.

Пора, наконец, сделать нормативным признание того, что философия появилась на свете не один, а множество раз, и в разных концах света. Однако для этого требуется пересмотреть многое и прежде всего привычное для нас понимание того, что есть сама философия.

Известно, что на протяжении всей истории западной мысли понятие «философия» никогда не было однозначным. В него вкладывались всевозможные смыслы в зависимости от характера эпохи, специфики тех областей знания, которые были наиболее существенны для того или иного мыслителя, наконец, субъективных особенностей личностей. И, тем не менее, принято полагать оправданным обобщенное определение философии как рациональной, методичной и систематичной рефлексии относительно тех проблем, которые представляются людям наиболее важными.

При такой дефиниции понятия «философия» кажутся допустимыми оценки, отлучающие культуры Востока от философии, и утверждающие, что философия ведет свое начало от греков, да и вообще, найти ее на всем Востоке невозможно.

Следует, однако, иметь в виду, что и на самом Западе нет консенсуса относительно определения того, чем является философия. Хотя греческое «философия» обычно переводится как «любовь к мудрости», возможны и другие версии: «стремление к мудрости»¹¹, «уподобление Богу»¹². В этой системе постижение или вернее приближение к мудрости достигается не только благодаря одному разуму. В отличие от Запада на Востоке имеет место приверженность к расширенному, более близкому в этимологическом смысле понятию «философия», предполагающему наряду с рациональностью, существование, а зачастую и большую авторитетность, иных источников познания.

Именно об этом вновь (прямо или косвенно) напоминают многие участники конференции, материалы которой представлены читателю. Особенно весомой представляется аргументация *Голамрезы А'авани* («Каков может быть вклад исламской философии в философскую компаративистику») и *Ариндама Чакрабартти* (Гавайский университет; «Возможна ли наука о медитации?»)

Иранский философ считает необходимым проводить различие между использованием понятия «философия» в конкретном и в более широком, общем смысле. «Когда мы обращаемся к определенному философскому вопросу у Авиценны, — пишет он, — мы, несомненно, говорим о собственно философии и о конкретном смысле, но если мы сравниваем, например, Ибн Араби с Шанкарой, Мейстером Экхартом или Лао-цзы, мы воспринимаем философию в широком и более общем смысле». Исламская интеллектуальная история «пронизана многими темами спекулятивного суфизма, рационального и догматического богословия, с которыми современный философ не склонен мириться»¹³. Однако по мнению А'авани, наши усилия будут более

плодотворными и успешными, если мы не будем ограничиваться вопросами, которые входят в сферу узкого понимания философии. Есть немало вопросов философской значимости, находящихся за пределами узко понимаемой философской сферы, которые, будучи проигнорированы, обеднят нас.

Ариндам Чакрабартти доказывает необоснованность исключения из лона философии таких направлений индийской мысли, как санкхья и йога. «Существует широко распространенное заблуждение, — утверждает индийский философ, — о том, что практика йоги заключается в культивировании иррационального, поскольку медитирующий никоим образом не должен оперировать идеями, не говоря уже о логическом мышлении. Однако ничто не может отстоять дальше от истинного значения соответствующих текстов и практик»¹⁴. А. Чакрабартти настаивает на том, что нам следует помнить: практика йоги непосредственно основывается на теории познания санкхьи. Теория же познания санкхьи носит научный характер в современном смысле слова.

Санкхья признает три источника знания: восприятие, авторитет священных писаний и умозаключение. Тем не менее она со всей определенностью отвергает возможность того, что первое или второе, чувственное восприятие или словесное свидетельство, укажут нам путь полного избавления от страданий. Что же тогда остается? Вопреки распространенным ожиданиям, санкхья вовсе не апеллирует к экстрасенсорному восприятию. Нет такого опыта, что дал бы нам освободительное знание. Какого рода познание различий между проявленным многообразием следствий и их непроявленных причин, с одной стороны, и чистым сознанием, с другой стороны, может дать нам бесконечную и абсолютную свободу от страдания? Это должно быть познание через рассуждение, или логическое умозаключение. Таков официальный ответ санкхьи. Он близок йоге по духу, поскольку *самадхи*, или состояния сосредоточения на начальных этапах, описаны как отмеченные «логическим различием» и «внутренней аргументацией», и лишь после них наступает черед непонятных высших состояний.

О центральном положении логических рассуждений в практике йоги четко заявлено еще до Патанджали в древнем тексте *Майтратани-упанишада*. Там сказано о шести ступенях [лепестках] йоги. Они таковы: дыхательные упражнения (*пранаяма*); сворачивание чувств (*пратьяхара*); медитация (*дхьяна*); удерживание в памяти (*дхарана*); рефлексия (*тарка*); унификация и концентрация сознания (*самадхи*). В этой упанишаде действительно говорится, что основное познание Брахмана достигается только через размышление: «Остановив направленный вовне поток речи, сознания и жизненных сил, можно постичь Брахмана через размышление (*brahma tarkena paśyati*)!»

Ариндам Чакрабарти ратует одновременно за расширение горизонтов понятий «философия» и «наука». Он дает глубоко аргументированный положительный ответ на вопрос: «Возможна ли наука о медитации (наука медитации)?» и напоминает о том, что «наука» в ее основном предназначении, вне увязки с «употреблением» в военных и коммерческих целях, сопряжена с мудростью и изучением живого человеческого опыта. Западная наука, долгое время состоявшая в неблагоприятном союзе с войной, эксплуатацией природных ресурсов и колониализмом, «обязана приступить к объективному изучению методов развития характера человека, снижения уровня стресса, самопознания, побуждения к бескорыстному состраданию, предложенных древней буддистской, индуистской, христианской, иудейской или греко-римской традицией медитативных практик»¹⁵. Новая концепция науки может возникнуть непосредственно из рассмотрения той работы, которая уже была проделана в медитативном познании древними традициями и которую необходимо проделать в современном понимании биологических, эмпирико-психологических и феноменологических наук. Индийский философ полагает, что наука о медитации не только возможна, но философия типа неосанкхьи в союзе с учеными когнитивистами может подарить нам науку о медитации.

Хотя диапазон восточных традиций в области познания весьма обширен, он, тем не менее, в силу, главным образом, устойчивых предубеждений западного человека, остается невостребованным при решении современных научных проблем. Назрела необходимость более внимательно относиться к возможности использования, например, наработок астрологии в области астрономии.

Аудриус Бейнориус (Вильнюсский университет; «Эпистемологические и космологические основания индийской астрологии и астрономии») обращает внимание на то, что в Индии астрономия и астрология с самого их возникновения существовали параллельно и в дополнение друг к другу, обогащая грамматикой и синтаксисом общий смысловой универсум. Формальная космологическая структура сопряжена с богатой мифологической традицией, дабы поддержать живой, наполненный смыслами космос.

Однако, европейские ученые (в особенности старшее поколение) с рационалистской предубежденностью судили об астрологии как об устаревшей и ошибочной эпистемологии. На самом деле, индийская астрологическая система обладает собственными эпистемологическими принципами, которые следует понимать в расширенном контексте индийской культуры. Эпистемологические «крепления» индийской астрологии возникают из диалектических операций аналогического воображения, которое наполняет смыслом всю систему символов астрологии, из операций, которые

«гарантируют конвертируемость идей между различными уровнями социальной реальности» (Леви-Строс). В результате складывается преисполненная жизни, многосложная культурная система, основанная на мифах, представлениях и требованиях повседневности, которая ориентирует человека в насыщенном смыслами многомерном порядке бытия.

Литовский индолог убежден, что в противовес распространенному представлению о том, что астрология есть лишь выражение архаичных и изживших себя суеверий, индийская система предсказания будущего как культурная система основывается на особом космическом видении и придает человеческому существованию ценность и смысл. Специфика астрологии заключается в особенности ее космологической перспективы. Вся человеческая жизнь проходит в символическом выражении и в соответствии с разнообразными учениями, мифологиями и мировоззрениями. Символическое изложение чьей-либо жизни, которое содержит как внешние, так и внутренние структуры, свидетельствующие о преемственности по отношению к другим сферам символической жизни, таким как религия, медицина и человеческие взаимоотношения, представляется заслуживающим доверия и достойным занятием.

Поставленные и обсуждаемые в данном труде общетеоретические проблемы относятся к разряду тех, которые не подлежат краткосрочному решению. Они останутся на повестке дня и в будущем. Компаративный дискурс не только сохранится, но выйдет на новый рубеж, утверждая новое направление — межкультурную философию.

Межкультурная философия — понятие до сих пор практически отсутствующее в российском научном обороте¹⁶, что отчасти объяснимо концептуальным его оформлением лишь в 80-е гг. прошлого столетия преимущественно в немецко-говорящих академических кругах Европы¹⁷.

Межкультурная философия — чрезвычайно богатая смыслами и целями рефлексия, не ограниченная рамками национальных или цивилизационных границ (это прямой вызов, прежде всего, европоцентризму). Она нацелена на постижение и решение, помимо сугубо академических, важнейших глобальных проблем посредством диалога как средства снятия напряженности, достижения взаимопонимания и взаимоуважения, нахождения новых способов совместного решения общезначимых проблем.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Philosophy East and West. Vol. I. № 1. — Honolulu: University Hawaii Press, 1951. P. 5.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid.

⁴ Обзорная статья о Третьей международной конференции по сравнительной философии была опубликована под названием «Расширяя границы философии и науки» (Вопросы философии. 2013. № 2. С. 75 – 88).

⁵ См.: Моральная философия в контексте многообразия культур. Серия «Сравнительная философия». Вып. 2. – М.: Восточная литература, 2004; Comparative Ethics in a Global Age / ed. by M. Stepanyants. – Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2007; Знание и вера в контексте диалога культур. Серия «Сравнительная философия». Вып. 3. – М.: Восточная литература, 2008; Knowledge and Belief in the Dialogue of Cultures / ed. by M. Stepanyants. – Washington: The Council for Research in Values and Philosophy, 2011; Философия и наука в культурах Востока и Запада. Серия «Сравнительная философия». Вып. 4. – М.: Наука; Восточная литература, 2013.

⁶ Kasulis Th.P. Sushi, Science and Spirituality: Modern Japanese Philosophy and Its View of Western Sciences // Philosophy East And West. 1995. Vol. 42. № 2. P. 234.

⁷ А'авани Г. Каков может быть вклад исламской философии в философскую компаративистику // Философия и наука в культурах Востока и Запада. С. 264 – 265.

⁸ Кобзев А.И. Каноны как учебники и учебники как каноны в традиционной китайской культуре // Проблемы школьного учебника. Вып. 19. – М., 1990. С. 34.

⁹ Лейбниц, Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления / пер. В.М. Яковлева. – М.: ИФ РАН, 2005. С. 274.

¹⁰ Там же. С. 49.

¹¹ Солопова М.А. Античная философия. Введение // Античная философия. Энциклопедический словарь. – М., 2008. С. 36.

¹² Платон. Тезтет // Платон. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 232 – 233.

¹³ А'авани Г. Каков может быть вклад исламской философии в философскую компаративистику. С. 266 – 267.

¹⁴ Ариндам Чакрабартти. Возможна ли наука медитации? // Философия и наука в культурах Востока и Запада. С. 124.

¹⁵ Там же. С. 130

¹⁶ На феномен межкультурной философии было обращено внимание в интервью, данном мною ответственному редактору «НГ-сценариев» Юрию Соломонову и опубликованном в разделе «Кредо» в «Независимой газете» (23.04.2013) под названием «Культура как фактор безопасности страны», а также в Интервью программе «Устная история» (URL: <http://oralhistory.ru/projects/science/philosophy/stepanyanz> ; www.rideo.tv/stepanyants/).

¹⁷ Наиболее яркими представителями указанного направления являются: Рауль Форне-Бетанкур (Raúl Fornet-Betancourt), Аахенский университет в Германии; Хайнц Киммерль (Heinz Kimmerle), университет Эразмуса в Роттердаме; Рам Адхар Малл (Ram Adhar Mall), Мюнхенский университет; Франц Мартин Виммер (Franz Martin Wimmer), Венский университет; Элмар Холенштайн (Elmar Holenstein), Швейцария; Грегор Пауль (Gregor Paul), университет Карлсруе.

Аннотация

На протяжении 20 лет существования РГНФ поддерживает направления, позволяющие выходить на новые рубежи. Свидетельство тому – появление академической серии «Сравнительная философия», учрежденной ИФ РАН. Опубликовано

ванный в 2013 г. 4 выпуск Серии достоин особого внимания. Впервые отношения между философией и наукой рассматриваются в контексте культур Запада и Востока. Впервые в отечественной литературе фиксируется появление новейшего феномена – межкультурной философии как не ограниченной рамками национальных или цивилизационных границ рефлексии, нацеленной на постижение и решение, помимо академических, важнейших глобальных проблем.

Ключевые слова: философия, наука, компаративистика, диалог культур, глобальные проблемы, межкультурная философия.

Summary

Since its establishment the Russian State Foundation for Humanities has supported trends leading to the new frontiers. Evidence to this is the academic Series *Comparative philosophy*, established by the Institute of Philosophy. The 4th volume of the Series published in 2013 is worthy of special attention. Never before philosophy and science relations have been viewed in the context of Western and Eastern cultures. It is the first emerge in the Russian academic literature of the latest phenomenon named intercultural philosophy, which is the reflection beyond the cultural boundaries aimed at the comprehension and solution both of academic and vital global problems.

Keywords: philosophy, science, comparative studies, dialogue of cultures, global problems, intercultural philosophy.

**ИДЕОЛОГИЯ И ПРОЦЕССЫ
СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ. –
М.: Академия, 2013 / под ред. Т.Б. Любимовой***

Н.И. КИЯЩЕНКО

Книга представляет собой исследование различных аспектов идеологического измерения социальной модернизации. В ней исследуются как общетеоретические вопросы, так и специфика различных аспектов идеологии. Особый интерес представляет исследование, посвященное современным проблемам институционального реформирования и его идеологического обеспечения. Рассматриваются и более конкретные категории культуры: образование, здоровье, исторический процесс, утопическое сознание, информационные войны, история русского либерализма.

Идеология, будучи крайне сложным явлением, включает в себя не только бытующие в обществе идеи относительно тех или иных политических событий, устройства государства и социальных институтов. Она пронизывает всю культуру. Авторы книги считают идеологию своего рода посредником между властью, культурой и социумом. Поэтому в книгу включены статьи, рассматривающие как все общественное сознание в целом, так и различные идеологические процессы, происходящие в конкретных областях культуры (политике, философии, науке, религии, образе жизни). Особое внимание уделяется изучению трансформации идеологических форм в модернизирующемся обществе (особое внимание уделяется России), развенчанию иллюзии деидеологизации, роли массовых коммуникаций в идеологических процессах. В книгу вошли работы классиков философской мысли, недостаточно известных нашим читателям. Это несколько статей Б.Н. Чичерина, замечательного русского философа XIX в., развивавшего идеи либерализма, а также перевод большой главы из фундаментального труда Ж.-П. Сартра «Критика диалектического разума».

Миф о деидеологизации, возникший в конце прошлого века, как показано в статье А.В. Рубцова, был вскоре развенчан, наша страна оказалась неподготовленной к этой ситуации. Поэтому проект модернизации столкнулся не только с организационными системными трудностями, но и с субъективными и идеологическими проблемами. Автор демонстрирует как неточности в понимании масштаба и состава проекта, ошибки, ложные установки, так и сопротивление преобразованиям, чреватое опасностью поворота к реализации инерционного сценария.

Модернизация в России в начале XXI в., т.е. переход от сырьевой к инновационной модели развития, должна, по идее автора, рассматри-

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Идеология и процессы социальной модернизации», грант № 09-03-00299а.

ваться как соразмерная масштабу «смене формации». При этом сопротивление преобразованиям в институциональной среде выступает как *борьба за государство*. Автор ставит вопрос, каким образом может быть проведена модернизация в условиях, когда вся конъюнктура располагает к реализации инерционного сценария? И утверждает, что асинхронность социальных процессов способна как порождать конфликты в политике, так и приводить к фундаментальным изменениям в обществе (см. статьи А.В. Рубцова «*Иллюзия деидеологизации*» и «*Модернизация в России и проблема переоценки ценностей*»).

Авторы считают идеологию вездесущей, как уже отмечалось, они рассматривают ее как посредника между властью, обществом и культурой. Одной из ее функций является то, что она служит информационным инструментом власти наряду с другими инструментами, такими как, например, право, силовые структуры и т.п. Как таковая, она неустраима. Она присутствует во всех институтах культуры. В идеологии идеи представлены для широкой публики, следовательно, максимально упрощены; в ней и, как правило, представлены доктрины, оправдывающие притязания на власть, которая внедряет свои критерии оценки происходящего, прошлого, настоящего, проектирует не только будущее, но, в определенном смысле, и прошлое, утверждает Т.Б. Любимова. История (знание о прошлом) не может быть нейтральной в идеологическом плане. Если рассматривать социокультурную среду в терминах «многомерного социального пространства» (П. Бурдьё), то она выполняет важную роль ориентации в этом многомерном пространстве. Это пространство может быть описано как «ландшафт доминирования». По отношению к русской истории важным идеологическим моментом является оценка роли христианства, момента его принятия, а также временных масштабов, в которых рассматривается. Утверждается, что русская история не должна ограничиваться только христианским периодом, поскольку подобное рассмотрение закрыло бы для России перспективы развития. Другие социокультурные институты также не должны быть безразличны в идеологическом плане.

Для исследования необходимых условий модернизации, в частности, сфер образования и здоровья, привлекается социологическая теория структурного функционализма. Фундаментальными функциями для любого социума являются интеграция, поддержание образов, адаптация и достижение цели. Западная культура и ее представители шли по пути модернизации, развивая не только производство, но и образование, создавая университеты, широкую сеть школ, новую систему здравоохранения. Параллельно в России, к сожалению, этот процесс не был пройден в достаточной мере. Поэтому задача доступного для всех образования и медицины требует неотложного решения, без чего модернизация невозможна (см. статьи Т.Б. Любимовой «*Идеология как инструмент власти*», «*История как идеология*», «*Необходимые условия модернизации: образование и здоровье*»).

Современная глобализация, если ее рассматривать в контексте истории существования мировых проектов, порождавших как утопии, так и антиутопии, то противоречивый характер современной глобализацион-

ной модели становится очевидным, считает В.И. Самохвалова, исследуя значение идеологической составляющей в подобного рода проектах. Глобализация открывает новые возможности для развития, связанные с распространением информации и новых технологий. Но обнажая и обостря существующие в мире противоречия, она, в свою очередь, порождает неизбежность использования специального информационного воздействия, которое становится средством манипулирования сознанием и приобретает все более изощренный характер (см. статьи В.И. Самохваловой «Глобальные проекты: утопии, антиутопии, альтернативы», «Специфика современной информационной войны»).

Однако не только глобальный масштаб интересует авторов книги. Например, А.А. Сыродеева исследует проблемы повседневности, образа жизни. По ее мнению, неутрачивающее противостояние сторонников релятивизма и универсализма во многом обусловлено органичностью каждого из направлений соответствующей сфере человеческой деятельности. За присущей релятивизму манерой вслушиваться, всматриваться в мелочи, раздумывать над их неоднозначностью, откликаться на отдельные случаи скрывается кропотливый повседневный труд, который возвышает не меньше, чем работа с абсолютами. Нынешнее превращение принципа относительности в одну из заметных идеологий определяется также значительной плюралистичностью современного мира (см. статью Сыродеевой А.А. «Релятивизм как идеология повседневности»).

В книге также значительное внимание уделяется вопросам истории, связанным с идеологическими процессами.

Характерной особенностью политического развития России исторически была пропасть между идеологией и реальной политикой. Начиная с Петра I, Россия развивалась в русле европейской цивилизации, используя матрицы идеологии и философии Просвещения. Но деформация в восприятии основных положений Просвещения была так велика, что не было никаких реальных достижений в этом направлении, особенно в социально-правовой сфере. Сословное мышление просвещенного класса не позволяло воспринимать адекватно идеологию Просвещения вообще, и, в частности, идею естественного равенства. Одна из причин этого заключалась в неосознанных установках, причем равно характерных как и для представителей власти, так и оппозиции. Так, и те и другие рассматривали крестьянство как бессознательную темную массу, неспособную выражать свои интересы. Рабство так долго являлось нормой в культурном и просвещенном обществе, что деформировало его сознание (см. статью И.Ф. Щербатовой «Вне личной ответственности»).

Не обошли своим вниманием авторы и более близкий к нам исторический период. В частности, И.И. Стрекаловская утверждает, что русское масонство начала XX столетия все больше и больше политизировалось. Характерной его чертой стала связь с французской масонской ложей «Великий Восток Франции», и по аналогии с ней, из 20 первых масонских лож начала XX в. постепенно образовалась мощная ложа вольных каменщиков «Великий Восток народов России», стоявшая над партиями и даже над обществом.

Другой феномен нашей истории, а именно русская эмиграция после революционной катастрофы 1917 г., также еще не достаточно оценен в идеологическом плане. В отечественной литературе практически утвердился смысловой ряд: эмиграция первой волны, эмиграция второй волны, эмиграция третьей волны. Различие же этих волн состоит не во временной последовательности, а в их культурно-историческом смысле. Покинувшие Россию в результате революции и Гражданской войны составили за границей уникальное сообщество. Исключительность его состояла в той сверхзадаче, которую поставила история перед беженцами из России: это сохранение и развитие русской культуры в традициях Серебряного века. Этот слой эмиграции по своей структуре был почти точной копией дореволюционной России. Здесь были представлены все социальные слои общества и они уходили в Европу чаще всего без денег, без будущего, с унижением и ожесточением в сердце, но Россия была для них не просто отдаленная в прошлом родина предков, но и предмет постоянного живого внимания, духовной связи, сочувствия и заботы (см. статьи И.И. Стрекаловской «*Специфика современной информационной войны*», «*Русское масонство*» и «*Февральская революция*»).

Особо следует отметить интересные публикации известного русского философа Б.Н. Чичерина (публикация подготовлена С.Л. Чижевским). Праволиберальная идея, сформулированная в работах Чичерина начала 60-х годов XIX в., вращается вокруг нескольких ключевых понятий — это свобода, порядок, власть и закон. Приоритет, безусловно, у свободы, да и порядок Чичерин понимал, в первую очередь как правопорядок, как порядок, основанный на законе. Первая и главная особенность русского либерализма состоит в том, что не экономическая или политическая теория, а философия права стала его теоретической основой. Именно в области философии права русский либерализм оставил самый заметный след.

У Чичерина мы видим не столько поддержку власти как таковой, как это было, например, в консерватизме Карамзина, сколько поддержку власти, проводящей реформы, содействующей формированию в обществе законосообразной свободы, и в этом главное отличие консерватизма и консервативного (охранительного) либерализма в России. Чичерин пытается примирить начало власти и закона с началом свободы, но все же на базе либеральной задачи ценностей. Выдвигая лозунг «либеральные меры и сильная власть», он именно в либеральных мерах видит главное содержание деятельности власти (см. статьи С.Л. Чижевского и его публикации текстов Б.Н. Чичерина «*Борис Николаевич Чичерин и идеология русского либерализма*», «*Судьба идей “охранительного либерализма” Бориса Чичерина*»).

Несомненно, интересной является также публикация перевода (перевод с фр. Т.Б. Любимовой) главы из книги Ж.-П. Сартра «Критика диалектического разума». Эта глава посвящена «праксису», одному из центральных понятий философии Сартра. Сама книга не была завершена, но в ней получили развитие важные идеи и понятия, сформулированные философом.

Подводя итог, можно сказать, что книга «Идеология и процессы социальной модернизации» представляет значительный вклад в разработку указанной темы и она, несомненно, привлечет внимание специалистов и широкого круга читателей, интересующихся этой проблематикой.

ФИЛОСОФЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Юбилейные штудии

К юбилею Пиамы Павловны ГАЙДЕНКО

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОЛЬ П.П. ГАЙДЕНКО

И.А. МИХАЙЛОВ

В этом году мы празднуем юбилей Пиамы Павловны Гайдено — человека, которому удалось оказать серьезное влияние на развитие философии в нашей стране¹. Каждый изданный ею труд становится источником такого влияния и продолжает свою невидимую работу над умами и спустя много лет после того, как был опубликован.

В начале 60-х гг., благодаря работам П.П. Гайдено, в отечественной мысли получил «постоянную прописку» целый пласт проблем, связанных с проблемами свободы и этической ответственности ученого: немецко-французская традиция экзистенциализма стала важнейшим дополнением к начавшейся в СССР «оттепели». Для многих в то время ее работы приобретали совершенно особый смысл: они становились знаменем, вдохновлявшим на борьбу с идеологией. Какой оказалась бы та эпоха без подобного дополнения и сопровождения? История показывает довольно отчетливо: без интеллектуально-духовного сопровождения революции «слепы». Работы Пиамы Павловны об экзистенциализме и С. Кьеркегоре стали первым ее значительным вкладом в отечественную философию². Основой для обращения к проблемам экзистенциализма послужила диссертация П.П. Гайдено о М. Хайдеггере (1962), первая в нашей стране. С этих пор немецкий философ станет одним из ее главных оппонентов в споре о природе философии. Сделав акцент на экзистенциальной философии К. Ясперса и также идеях российских мыслителей рубежа XIX — XX вв., Гайдено существенно расширила горизонт нашего понимания экзистенциализма³.

В 60-х гг. начинается и необычайно важная просветительская деятельность П.П. Гайдено как автора и редактора «Философской энциклопедии»⁴. Ее публикации в этом издании были энциклопедическими работами в изначальном смысле этого слова. В том, в котором французские просветители XVIII в. предлагали не упрощенно-популярное знание, но определенное *видение* и систематизацию проблем. Таковы, к примеру, статья о смерти или концептуально-важные статьи о нигилизме, о проблеме существования, Ортеге-и-Гассете, Достоевском и Хайдеггере, — во всех случаях речь шла о ключевых фило-

софских проблемах. Сейчас трудно оценить, в каком случае философ в те годы вносил больший вклад в наше философское самообразование: тогда ли, когда предлагал научную концепцию или когда обращался к более широким читательским кругам. В любом случае, вклад Пиамы Павловны был достаточно весомым. В 60-е гг. она стала одной из тех, чьими усилиями российская философия сумела найти новый язык для обсуждения философских проблем.

Вторым важнейшим событием в отечественной философии, за которое мы должны благодарить Пиаму Павловну, стал фундаментальный двухтомный труд «Эволюция понятия науки» (1980, 1987)⁵. Свидетели и непосредственные участники философских дискуссий 60 – 70-х гг. знают, что в те два десятилетия российские философы предложили сразу несколько плодотворных направлений исследований науки – от логики науки до комплексных теорий развития научного знания⁶. Открытое Пиамой Павловной направление от этих линий существенно отличалось. Его иногда называют историко-философским. Пожалуй, это не вполне верно. С самого начала П.П. Гайденко ставит задачи более глубокие: «Раскрыть содержание понятия науки... невозможно, не обращаясь к более широкой системе связей между наукой и обществом, наукой и культурой: наука живет и развивается в тесном контакте с культурно-историческим целым»⁷. Науку предлагается рассматривать именно в системе культуры, П.П. Гайденко говорит даже об «обмене веществ» между наукой и обществом. На мой взгляд, это отчасти разъясняет специфику ее подхода. «Волна “методологизма” вполне может лишить философию всякого предметного содержания», — замечает она в связи с обозначившимися еще к началу XX в. опасностями⁸. Наука и научная культура выступают в качестве одного из лейтмотивов западной цивилизации.

Все это показывает также, в каком смысле между работами П.П. Гайденко об экзистенциализме и ее работами по эволюции научного знания нет непроходимой пропасти. Конечно, в западноевропейской культуре – в первую очередь под влиянием естествознания – сформировалась определенная система критериев и идеалов научной объективности, согласно которой ценностная нейтральность считалась одним из основных условий поиска истины. Но с каждой следующей книгой Гайденко становилось все более ясно: обращаясь к этим, казалось бы, достаточно далеким друг от друга темам, она решает некую более масштабную задачу в философии. Дело ведь заключалось не в том, чтобы в работах о человеке и его экзистенции высветить «субъективное», позднее дополнив эту линию исследований анализом «объективного», «научного». Гайденко неизменно ищет смысловые «коды», инварианты культуры. В одном случае они могут быть сфокусированы на бытии человека, а в другом – на таком концентрированном выражении культуры как наука, научное знание. Два тома труда «Эволюция понятия науки» словно рассказывают о нашей общей истории, истории европейской культуры, через одну объединяющую идею – идею науки, тем самым находя общий язык, своего рода «эсперанто» для различных областей нашей культуры.

Деятельность философа далеко не часто завершается текстами, которые могут с одинаковым интересом быть восприняты специалистами разных дисциплин⁹. Однако двухтомная «Эволюция понятия науки» — текст как раз такого рода. Пиама Павловна нашла язык и степень детализации проблем, которые сделали эту книгу одинаково интересной как для философов, так и для представителей других наук. Уверен, за десятилетия, последовавшие за выходом этого труда, математики и физики могли обнаружить в обоих томах немало того, что существенно обогащает представление об основах их собственных дисциплин. Решающую роль в этом сыграла ясность и отчетливость языка — качество, о важности которого не раз говорила и сама Пиама Павловна. Однако ясность формулировок во многом связана с личным талантом автора. Между тем, в этом стиле есть еще кое-что, указывающее на понимание П.П. Гайденко своих задач в философии. Стиль изложения ее работ почти исключительно проблемно-логический: автор оперирует достаточно большими взаимосвязанными блоками проблем, каждый из которых, разумеется, имеет свои ответвления. Выделяя главное, Гайденко умеет не вдаваться в излишние частности: речь ведь идет о становлении *научных программ*¹⁰. Вероятно, с этим связано необычайно экономное использование биографического в ее работах по истории науки и культуры. Талант такого письма — не редкость среди хороших философов. Но в сочетании с обширными пластами подключаемого материала (вспомним об *обмене веществ* между наукой и обществом!) он встречается, все же, не так часто. Наиболее близкий аналог к «Эволюции понятия науки» — четырехтомный труд Э. Кассирера «Проблема познания в философии и науке Нового времени». Можно гадать, насколько этот стиль связан с личностью вполне конкретного ученого. Однако работы *именно такого* жанра наиболее успешно преодолевали разорванные предыдущими десятилетиями связи между российской и европейской культурами¹¹.

Целый ряд факторов: глубокое знание материала, выбранный ракурс и стиль изложения, — все вместе приводит к необычному эффекту: тексты П.П. Гайденко превращаются в «классические» для специалистов, одновременно становясь основным, опорным учебным изданием для студентов и аспирантов, хотя писались с исследовательскими, а не с учебными целями¹².

Для российского философа 60 — 80-х гг. открыть новую область исследований зачастую означало не только предложить собственную ее интерпретацию, но и сделать доступными те основополагающие тексты, благодаря которым эта проблематика вообще может стать вполне понятной. Первый перевод Пиамы Павловны стал ее дипломной работой: важнейший документ эпохи немецкого идеализма, «Иенская реальная философия» Гегеля, вошел впоследствии в корпус главных изданий немецкого мыслителя¹³. Еще до появления «Эволюции понятия науки» П.П. Гайденко фактически осуществила «философскую реабилитацию» И.Г. Фихте¹⁴, этого столь неудобного для советской идеологии немецкого классика; издание работ мыслителя вышло несколько позднее.

В начале 90-х гг. творческий союз П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдова предложил необычайно важное расширение поля философской рефлексии в направлении *социологии*. Оно было ориентировано на творчество Макса Вебера, но сохраняло преемственность вопросов, поставленных философами (И.Г. Фихте и К. Ясперс)¹⁵. Если в западном мире связь специализированной философской и социологической мысли имеет давние и устойчивые традиции, то для русскоязычной философии этот тематический пласт все еще считается чуждым, не вполне относящимся к «собственно философскому». Здесь нам еще предстоит продолжить исследования в предложенном П.П. Гайденко направлении.

Проблемы рациональности и времени — еще две важные вехи деятельности Пиамы Павловны. В книге «Время. Длительность. Вечность» (2006) лейтмотивом обращения П.П. Гайденко к западноевропейской традиции становится проблема времени. Прочерчивая основные линии разработки этой проблемы от Античности и Средних веков к Новому времени и немецкой классике, автор задает вопрос о специфике современного типа философствования. «В постметафизической философии проблема времени — как чистой формы текучести, изменчивости, становления — оказывается ключевой философской проблемой»; «“Философия процесса” — вот, пожалуй, наиболее точное имя для философии XX в.»¹⁶. Полемический смысл этой идеи — а вместе с тем и внутренняя логика многолетних исследований автора станут более понятными, если мы обратим внимание на то, что в таких темах как наука, природа, время, рациональность, наука и общество П.П. Гайденко выходит на вопросы, ключевые для понимания философии. Она настойчиво ищет научно-культурные универсалии, которые позволили бы философии сохранить себя в современном мире.

К какой бы проблеме ни обращалась Пиамы Павловна, этот замечательный ученый, ей всегда удается сохранить свой стиль и ракурс исследования, свой хорошо распознаваемый «почерк». Сегодня, спустя несколько десятилетий после выхода первых работ Пиамы Павловны, значимость написанного ею вполне сохраняется. Как с экзистенциализмом, так и с идеей науки, рациональности или времени: влияние каждой из этих тем не прекращалось, всякий раз по-новому откликаясь в работах современников. Но если интерес к проблеме человека и его ответственности более-менее постоянен, то с идеей науки все обстоит иначе. В последние годы мы очень хорошо узнали, что значит утрата идеи фундаментальной науки, ради которой П.П. Гайденко провела несколько серий исследований.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать: благодаря работам Пиамы Павловны был сделан важный шаг в эволюции российской философской культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробнее о жизни и интеллектуальном пути П.П. Гайденко см.: *Андреева И.С.* Русская Диотима. Пиамы Павловна Гайденко. Философы России второй половины XX века. Портреты. — М.: ИНИОН, 2009. С. 206 — 244.

² Гайденко П.П. Экзистенциализм и проблема культуры. – М.: Высшая школа, 1963; Гайденко П.П. Трагедия эстетизма. Опыт характеристики миросозерцания С. Киркегора. – М.: Искусство, 1970.

³ К вопросу национальных различий в интерпретации философских идей ср. также трактовку «кризиса» в работах П. Гайденко и Ж. Деррида: Эпистемологический стиль в русской интеллектуальной культуре XIX – XX вв. От личности к традиции / отв. ред. Б.И. Пружинин, Т.Г. Щедрина. – М.: РОССПЭН, 2013. С. 329 и след.

⁴ Знаковым событием стало то, что во втором томе этого издания (1962) Пиама Павловна была впервые названа (наряду с Э.В. Ильенковым, Ю.Н. Давыдовым и В.Б. Бирюковым) «внештатным научным редактором».

⁵ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. – М.: Наука, 1980; Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). – М.: Наука, 1987.

⁶ Воспоминания о тех временах см., в частности, в: Философия не кончается. Из истории отечественной философии. XX век. 1960 – 1980-е годы. – М.: РОССПЭН, 1998.

⁷ Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. С. 5 и след.

⁸ См.: Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. С. 350.

⁹ Связывая свое рассмотрение Античности и Средневековья, П.П. Гайденко подчеркивает, что речь идет «не о двух разных науках, а о двух этапах единого процесса развития научного знания» (Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). С. 8).

¹⁰ См.: Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII – XVIII). С. 7.

¹¹ Сомневаюсь, чтобы в 60-е гг. в СССР могло быть воспринято «типично немецкое», узкоспециализированное фундаментальное исследование,

¹² В связи с этим можно упомянуть, к примеру, интерпретацию диалога «Парменид»: Гайденко П.П. Обоснование научного знания в философии Платона // Платон и его эпоха. – М.: Наука, 1979 (См. также: Гайденко П.П. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. С. 141 – 163).

¹³ См.: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. – М., 1970. С. 285 – 385.

¹⁴ См.: Философия Фихте и современность. – М.: Мысль, 1979; Парадоксы свободы в учении Фихте. – М.: Наука, 1990.

¹⁵ Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991 (2-е издание: М.: УРСС, 2006).

¹⁶ Гайденко П.П. Время. Длительность. Вечность... С. 296.

*Давиду Израилевичу ДУБРОВСКОМУ – 85!***ФИЛОСОФИЯ И КАРАТЭ-ДО. ПУТЬ К СЕБЕ**

Беседу вела СОФЬЯ ПИРОЖКОВА

– Дорогой Давид Израилевич, начать нашу беседу хотелось бы с вопроса о вашей семье и вашем детстве. Ну и, конечно, о том, как вам в 14 лет удалось попасть в действующую армию.

– Об этом – долго рассказывать. К тому же все это есть в моих «Воспоминаниях», они опубликованы на моем сайте www.dubrovsky.dialog21.ru

– Ну, хотя бы кратко, пожалуйста.

– Родился и жил первые три года в городе Орехове Запорожской области. Отец был парикмахером, все родственники – мастеровыми. Потом переехали в г. Мелитополь. Там я окончил 5 классов. Кроме меня в семье были еще брат и сестра. Когда началась война, мне было 12 лет, брату – 8. А сестра родилась 11 августа 1941 г. Отец уже был мобилизован в армию. Как только мать вышла из роддома, мы отправились в эвакуацию. Ее организовал брат отца – дядя Гриша, которого тоже уже мобилизовали. Но он успел достать подводу с двумя лошадьми, и по его настоянию три семьи братьев Дубровских срочно погрузили свои пожитки на эту подводу и покинули Мелитополь. Нас было 13 человек. Понятно, что из вещей взяли лишь самое-самое необходимое и все, кто мог, шли пешком. На подводе ехали две бабушки, мать с моей новорожденной сестрой, малые дети. Управляла лошадьми и командовала всем «парадом» тетя Слава – жена старшего брата отца дяди Иосифа, пожилого и больного человека, глухого из-за контузии, полученной во время Первой мировой войны. Мы ехали в сторону Таганрога и Ростова. Километров 400. В памяти – огромные толпы людей под палящим солнцем, в пыли тащатся по дороге. Однажды мы попали под бомбежку. Жуткая картина: паника, грохот разрывов, изувеченные тела, погибшие дети. Тете Славе, умевшей хорошо править лошадьми, женщине смелой и решительной, удалось быстро вывести подводу в сторону от дороги, и никто из наших не пострадал. В Ростове мы сдали лошадей и по Дону добрались на барже до Калача. От него поездом до Сталинграда и оттуда, получив направление, пароходом по Волге до бывшей Республики немцев Поволжья. Их всех выселили в Сибирь и Казахстан. Привезли нас в большое село Штефан (потом его немецкое название заменили на Водно-Буерачное). Пустые дома, высокая деревянная кирха, черное воронье, ни живой души. Нас встретил человек из райцентра. Сразу состоялось собрание об организации колхоза. Нам было сказано выбирать любой дом, расселяться и назавтра с утра выходить на работу. Я работал вначале на конюшне, потом на тракторе прицепщиком. Потом стал возить на паре волов бензин и керосин за тридцать километров из райцентра Нижняя Добринка. Мать тоже с раннего утра до позднего вечера на разных работах, только прибегала покормить

своего грудного ребенка. Нянчил сестричку мой восьмилетний брат Рома, который хозяйничал по дому, топил печь и т.п.

В сентябре 1942 г., когда немцы окружили Сталинград, нас вторично эвакуировали: километров за 250 от нашего села, в город Маркс, который тоже находился в бывшей Республике немцев Поволжья. Там был военный завод, объединявший эвакуированные заводы из Мелитополя и Харькова. Один цех выпускал снаряды, второй минометы. Я сразу пошел работать на завод. Мне было тогда 13 лет. В огромном цеху работало примерно 400 человек. Кадровых рабочих было процентов пять, не больше, остальные — женщины и ребята от 12-ти до 16-ти лет (в 17 уже брали в армию). Мы делали минометы. Через три дня, после того как я пришел в цех, меня поставили самостоятельно за станок. Я стал делать «стаканы» — детали для механизма наводки миномета. У меня вначале быстро тупились и даже ломались резцы и сверла. А наш мастер, который один был на 20 человек, понял, что это из-за того, что мне не хватало роста для нормального контроля за своими действиями, когда подводишь резец к быстро вращающейся стальной болванке, и при других операциях. Он сделал мне подставку сантиметров на десять, и дело пошло. Через 3 — 4 дня я уже наловчился делать эти «стаканы», и норму выполнял, а потом и перевыполнял. Среди молодежи был высокий патриотизм. Мы создали комсомольскую бригаду — норму перевыполняли всегда. Работали 12 часов в сутки, без выходных. Получали 800 граммов хлеба и обед, чаще всего на первое был рассольник из соленых огурцов и кусочков картофеля, а на второе — несколько ложек какой-то каши. Я обычно почти половину хлеба приносил домой, там меня ждали голодные братишка и маленькая сестренка.

У входа в цех висел на красном полотнище большой лозунг «Все для фронта! Все для Победы!» И это были не пустые слова. Хочу привести один факт, который для тех, кто понимает что-то в заводском производстве, выглядит фантастикой. В начале 43-го года вышел приказ Наркома танковой промышленности В.А. Малышева: перевести завод на выпуск танковых моторов. Но минометы и танковые моторы — это день и ночь, там совсем другие точности обработки деталей, совсем другие методы работы. И срок — месяц! Сегодня почти любой скажет: это невозможно! И вот, больше двух недель мы все не выходили из цеха. Мы там ночевали. Спали по три часа. Вся система менялась: срывали станки, их перемещали, ставили и испытывали новые, другие технологические линии, другая точность работы, все другое. Через 28 дней на испытательном стенде стоял первый танковый мотор. Можете поверить в такое?

— **А были специалисты, способные организовать перепрофилирование завода?**

— Ну, конечно, они руководили этой перестройкой: работники техотдела, инженеры, не говоря уже о мастерах участков. Они, как и мы, не выходили из цеха сутками, помогали осваивать новые технологические процессы, работу на новых станках, да и на старых тоже. Точность обработки деталей — микроны, это не минометы. Миномет — довольно простое устройство: ствол, плита, на которую он опирается, и механизм наводки. А танковый мотор — это крайне сложная вещь. Из всего перио-

да войны, для меня, пожалуй, остается самым впечатляющим фактом именно то, о чем я рассказал. Подобных фактов на других заводах было множество, и это служило залогом Победы.

— **А как вы попали на фронт?**

— Долгая история. И, наверное, самая интересная в моей биографии. Она подробно изложена в «Воспоминаниях». Если коротко, был у меня приятель по заводу Шурка Земченков, с которым мы решили удрать на фронт. Октябрь 1943 года. Война скоро закончится. Надо спешить. А как попасть на фронт? Очень просто: надо добраться до передовой. Обратиться к командиру: так, мол, и так, мы комсомольцы, хотим защищать Родину. И нас, конечно, обязательно возьмут. Ну, может быть, вначале немного подучат стрелять. Вот такая была у нас степень наивности и простодушия. До фронта больше тысячи километров. Как проехать по военной России без документов, с одним комсомольским билетом? Но с нашей верой нам было море по колено. По карте мы определили примерный маршрут в сторону Белоруссии и — вперед. Это был самый тяжелый период в моей жизни. Нас ловила милиция и сажала за решетку, мы не раз были на грани гибели от голода и холода, попали однажды даже в бандитскую шайку, но через день убежали. И — это похоже на чудо — через месяц с небольшим мы добрались все-таки до цели. Не дошли километра до передовой. Там нас арестовала военная контрразведка (СМЕРШ). После отсидки и допросов, вместе с дезертирами, нас, как гражданских лиц, отправили под конвоем двух автоматчиков за 40 километров в город Кричев и сдали в местное КГБ (тогда оно называлось МГБ). Меня и Шурку посадили раздельно в КПЗ (камера предварительного заключения). Это одиночка с каменными нарами и парашей, в самом верху узкое продолговатое окно с железной решеткой, без стекол, через него прямо на нары наметает снег. Каждую ночь на допрос: «Зачем хотел перейти линию фронта?», «Кто послал?». Хотели приговорить к пяти годам тюрьмы за незаконный въезд в зону прифронтовой полосы. Но на последнем этапе дело закрыли. Спасла моя национальность (зачем же Давиду Израилевичу идти к немцам в гости?) Нас выпустили и направили на работу в депо станции Кричев. Там были одни развалины. Шурка уехал домой. А я остался.

О дальнейших моих приключениях постараюсь говорить кратко. Мне невероятно повезло. В конце 1943 г. попасть в армию четырнадцатилетнему замухрышке было практически невозможно. Но мне это удалось, благодаря удивительному стечению обстоятельств. В этот раз, как и потом во многих подобных случаях, мне встречались замечательные, отзывчивые, добрые люди, которые бескорыстно помогали, выручали из беды, спасали от гибели.

Я попал на санлетучку. Можно сказать, это спасло мне жизнь: я был до крайности истощен, измучен, оборван и завшивлен, а, главное, потерял — особенно после общения со СМЕРШем и КГБ — былую веру в то, что нужен Родине. Меня остригли, отмыли и переодели в военную форму, сытно накормили. Я быстро ожил. Санлетучка ночью подходила близко к линии фронта, мы принимали раненых и везли их в Рославль, где их распределяли по госпиталям. Примерно через три недели меня

перевели уже с военными документами (в них вместо 1929-го стоял 1927-й год рождения) в Банно-прачечный отряд, подчинявшийся той же армейской структуре, что и санлетучка. Там меня определили в сапожную мастерскую, и я стал осваивать новую специальность. Из госпиталей в больших мешках привозили поношенную обувь, которую мы чинили. Жизнь в Банно-прачечном отряде текла размеренно: построение, работа, стояние с винтовкой на посту, чаще всего по ночам (2 – 4 часа); если не привозили обувь – другая какая-нибудь работа. До переднего края далековато, только однажды попали под бомбежку и один раз – под артиллерийский обстрел, обошлось без особых последствий – несколько легко раненых. В общем, тыловая часть. А мне надо было на фронт. И это удалось, но лишь в июне 1944 г., как раз в самом начале исторической операции «Багратион», когда наши войска прорвали фронт в Белоруссии и дошли до границ Германии. Я был в пехоте, потом после госпиталя (сравнительно легкое ранение в ногу) был всего 11 дней в противотанковой батарее, участвовал только в одном бою, был довольно тяжело контужен, получил множество ссадин, порезов, глубоких царапин, так что вся разорванная в клочья одежда пропиталась кровью, но ни одного серьезного ранения. После госпиталя – снова вернулся в пехоту. Главное, остался жив, как и мой отец, прошедший войну от начала до конца, в отличие от многих моих родственников, сложивших свои головы в разные годы войны. Особенно я любил своего двоюродного брата Изю Брустина, сына родной сестры моей матери – тети Клары. Они жили в Запорожье. Он работал на военном заводе токарем и имел бронь от армии, но в первые же дни войны ушел добровольно на фронт, стал танкистом. В 1942 г. Изя через Центральный эвакуопункт нашел нас и стал присылать письма. Он дважды к тому времени был ранен и был уже командиром танка, награжден орденами Красного знамени и Красной звезды (тогда ордена давали редко!) Он погиб в августе 1942 г. под Сталинградом. Ему едва исполнилось 20 лет. К нам пришла «похоронка». Его же родители не смогли эвакуироваться из Запорожья и были расстреляны как евреи.

– **А как сложилась ваша жизнь сразу после войны? Вам нужно было окончить школу, выбрать профессию... Как это происходило?**

– В конце августа 45-го я был уже в Мелитополе. Сразу же по направлению горкома комсомола стал работать на АТРЗ (Автотрактор-ремонтный завод) токарем и был секретарем комитета комсомола. Одновременно учился в седьмом классе вечерней школы рабочей молодежи. В мае 1947 г. я сдал экзамены экстерном на аттестат зрелости и поступил на философский факультет Киевского университета (так я почти наверстал потерянные годы). В 1952 г. я окончил университет. Тема дипломной работы для тех лет была у меня странная: «О практических истоках формирования категорий пространства и времени (на материалах древнеегипетской иероглифики)». Я с ней изрядно намаялся. Мало того, что пришлось очень много работать, изучая эту иероглифику, тему не хотели утверждать, упрекали в аполитичности и т.п. Тогда был список рекомендованных тем, и все они звучали так: «Учение тов. Сталина о...», «Гениальный анализ тов. Сталиным...», «Ленинская теория...»,

«Ленин о...». Обстановка на факультете была соответствующая. В итоге я с трудом защитил диплом, еле получил четверку. Меня направили на работу в среднюю школу г. Донецка (тогда он еще назывался г. Сталино). Два года я преподавал логику и психологию, а после того, как эти предметы отменили, — труд (слесарное дело). В школе была очень хорошая мастерская, мы делали с ребятами разные полезные вещи.

— **А как же с философией?**

— Наряду со слесарным делом я все время занимался философией, читал лекции по линии Общества «Знание» и даже опубликовал брошюру «О научном предвидении». В 1957 г. в высших учебных заведениях ввели преподавание философии. В Донецке из всех направленных туда выпускников философского факультета остался я один, и меня с большой натугой, но все-таки взяли преподавателем философии в Медицинский институт. В том же 1957 г. произошло важное для меня событие — опубликовали мою первую статью в журнале «Вопросы философии». Он выходил тогда 6 раз в год. Статья называлась «К вопросу об определении категории случайности», мне за нее не стыдно и сейчас (см.: Вопросы философии. 1957. № 3). Работая в мединституте, я в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию «Об аналитико-синтетическом характере отражательной деятельности мозга». В ней ставилась задача проанализировать соотношение категорий анализа и синтеза в логике, психологии и физиологии высшей нервной деятельности (в которой эти категории играли важную теоретическую роль). В результате работы над диссертацией у меня сложились тесные научные контакты со многими видными нейрофизиологами, что служило большим стимулом для дальнейшей работы.

В 1968 г. я защищал в Ростовском университете докторскую диссертацию «Философский анализ психофизиологической проблемы». Защита проходила в острой полемике, но завершилась успешно. Как было принято — банкет на 30 персон в шикарном ресторане, поздравления. Но на следующий день, уже утром в Обком партии поступило письмо, в котором сообщалось, что в урну для голосования был вброшен лишний бюллетень, а счетная комиссия скрыла это. Нарушение инструкции ВАК! Поднялся большой шум. Срочно снова собрали Совет. На нем, однако, отсутствовали два члена Совета, которые были вчера на защите, но зато привезли двух других, которых там не было. Переголосовали и провалили меня одним голосом. Но это было тоже грубым нарушением инструкции ВАК. В результате через три недели собрали еще одно заседание Совета и оба голосования отменили. Защита диссертации была признана несостоявшейся. Мне предложили забрать диссертацию и защищаться в Москве. Я решительно отказался. Через два месяца в том же Совете я защищал ту же диссертацию в третий раз. Это была очень «веселая» защита, длившаяся более 6 часов. На этот раз мои сторонники бдительно следили за соблюдением правил, зная изобретательность своих коллег, и я, как и в первый раз, прошел с двумя решающими голосами «за». Опять, конечно, банкет, поздравления. Но этим дело не кончилось. Мои недоброжелатели «достали» меня и в ВАКе. Там диссертация была послана на отзыв моему злейшему противнику,

который уже присылал резко отрицательный отзыв на автореферат. Он, конечно, снова дал крайне отрицательный отзыв, диссертацию послали еще одному специалисту, он дал положительный отзыв. В итоге меня вызвали защищать диссертацию на экспертную комиссию ВАК. Здесь все, наконец, кончилось благополучно.

Все эти перипетии с защитой были вызваны тем, что в это время как раз проходила моя дискуссия с Э.В. Ильенковым. В Ростове же была довольно влиятельная группа его сторонников, которая посчитала своим долгом во что бы то ни стало меня провалить. Но в Ростове была и значительная группа моих активных сторонников. К тому же на диссертацию прислали положительные отзывы академики Б.М. Кедров, П.К. Анохин, В.В. Парин, а одним из официальных оппонентов был Александр Борисович Коган — крупнейший авторитет в области нейрофизиологии, один из пионеров нейрокибернетики (его именем назван Институт нейрокибернетики в Ростове-на-Дону). Все это и сыграло решающую роль. В 1971 г. по линии Научного совета по кибернетике при Президиуме РАН и при поддержке его председателя академика Акселя Ивановича Берга вышла моя книга «Психические явления и мозг. Философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики» (М.: Наука, 1971. 25 а.л.). В ней развивался предложенный мной информационный подход к теоретическому решению проблемы «Сознание и мозг». Эта книга представляла собой почти целиком текст моей докторской диссертации.

— **Расскажите, пожалуйста, о дискуссии с Э.В. Ильенковым.**

— Как раз накануне первой защиты в «Вопросах философии» (1968. № 8) вышла моя статья «Мозг и психика», в которой я критиковал Э.В. Ильенкова и Ф.Т. Михайлова по двум пунктам: во-первых, за категорическое отрицание ими философского содержания проблемы «сознание и мозг», во-вторых, за отрицание ими роли генетических факторов в формировании личности. Тогда эти вопросы стояли остро, особенно второй. Сторонники Э.В. Ильенкова обвиняли меня в биологизме, позитивизме и прочих отступлениях от марксизма. Все это громко звучало на защитах моей диссертации. Думаю, что сам Э.В. Ильенков не был причастен к перипетиям защиты, о которых говорилось выше. Но его титулованные сторонники (не буду называть их имен) придавали критике в мой адрес идеологическую окраску. На первый план сразу выступила проблема идеального, вокруг которой в дальнейшем и шла дискуссия. Она, безусловно, сыграла положительную роль, так как стимулировала разработку проблемы сознания.

Но здесь нужно обратить внимание на возникший вскоре новый поворот в обсуждении роли биологического и социального в формировании личности. Речь идет о широко известной истории о четырех слепоглухих, закончивших психологический факультет МГУ. Это провозглашалось как выдающееся достижение советской науки и марксистской теории личности. Главным теоретиком и во многом инициатором этого выдающегося достижения выступал Э.В. Ильенков. Дело изображалось так, что все четверо были слепоглухими от рождения, не имевшими человеческой психики, и лишь на основе марксистски

обоснованных методов формирования психики они обрели сознание и смогли развить его. Это однозначно утверждалось Э.В. Ильенковым в его статье, опубликованной журналом «Коммунист» (см.: *Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977, особенно с. 68 – 69*), и во многих других его работах. Отсюда главный тезис о том, что психика на 100% социальна, является продуктом трудовой деятельности и воспитания.

Эту позицию поддерживали ведущие психологи того времени (А.Н. Леонтьев, В.В. Давыдов) и многие философы. Она освещалась партийной прессой. «Выдающееся достижение» стало темой множества публикаций в газетах и журналах, более того, темой десятка философских диссертаций, и этому нельзя было не верить. Но благодаря случайной встрече с одним специалистом-дефектологом я узнал, что никто из знаменитой четверки не являлся слепым и глухим от рождения. Они утратили зрение и слух после болезни в довольно позднем возрасте, когда у них уже сформировалась система предметных образов и развитая речь; причем двое из них сохранили остатки слуха, а двое остатки зрения. Я изучил их истории болезней, прочел книгу «Обретешь друзей» (Алма-Ата, 1978), в которой ее авторы С. Сироткин и А. Суворов сами свидетельствуют об этом, изучил другую литературу по данной проблеме. Все это резко меняло суть дела. Я тогда читал лекции на философском факультете МГУ, а также в Институте повышения квалификации преподавателей философии при МГУ. Проблема слепоглухих была, что называется, притчей во языцех, на эту тему, как уже отмечалось, защищались философские диссертации, на лекциях обязательно задавали вопросы. И я прямо говорил о реальных фактах и их фальсификации. Но в силу причин идеологического порядка критика «выдающегося достижения советской науки» была под запретом. Не прошло и месяца, как меня вызвали в партком МГУ. Туда из журнала «Коммунист» была переслана анонимка с осуждением «проф. Дубровского и его сторонников, которые обливают грязью выдающееся достижение советской науки» и т.п. К ней на бланке журнала «Коммунист» прилагалось письмо за подписью зав. отделом науки и культуры журнала Г. Волкова, в котором предлагалось рассмотреть мою позицию, ибо она «дает повод для серьезных критических раздумий и выводов». Я отказался отвечать на анонимку, но написал, что считаю своим долгом отстаивать научную позицию, разоблачать фальсификации и буду это делать везде при первой же возможности. После этого орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» опубликовал статью, в которой мои концептуальные позиции уничтожались на корню, причем в центре внимания была моя книга «Психические явления и мозг». Приведу только несколько цитат: «Так фраза за фразой автор в своих софистических рассуждениях, отталкиваясь от биологизации социального, соскальзывает в плоскость проблем, имеющих уже отнюдь не естественно-научный, но общественно-политический аспект...» (Коммунист. 1980. № 11. С. 72); «тут претензия на рекомендации с совершенно чуждых нам идеологических позиций» (там же. С. 73); «тут налицо открытая ревизия марксистско-ленинского понимания природы сознания» (там же). Вот

так! После таких оценок в органе ЦК КПСС меня, конечно, должны были изгнать из МГУ и из журнала «Философские науки». Спас меня от расправы главный редактор «Философских наук» Владимир Спиридонович Готт, пользовавшийся тогда большим авторитетом и влиянием в партийных органах. Этому замечательному человеку, под руководством которого мне посчастливилось работать, я очень многим обязан.

Во времена перестройки, когда были сняты идеологические табу, секция Философского общества СССР «Философские проблемы психорегуляции и самосовершенствования», которой я руководил, провела обстоятельное комплексное обсуждение проблемы. С основным докладом выступили один из слепоглыхих С. Сироткин, работавший к тому времени заведующим сектором социальной реабилитации слепоглыхих ВОС, и кандидат философских наук Э.К. Шаменова. Наряду с обоснованием теоретических вопросов они подвергли резкой критике концепцию и методы не только Э.В. Ильенкова, но также А.Н. Леонтьева и ряда их сторонников. В обсуждении принимали участие не только философы (Г.С. Батищев, И.С. Нарский, И.З. Налетов, С.Н. Мареев) и психологи (М.Г. Ярошевский, главный редактор «Психологического журнала» А.В. Брушлинский, директор Института психологии АПН СССР А.М. Матюшкин и другие), но, главное, специалисты-дефектологи (директор Института дефектологии АПН СССР В.И. Лубовский и сотрудники этого института: зав. сектором изучения и воспитания слепоглыхих детей В.Н. Чулков, старший научный сотрудник Г.П. Бертинь и другие). Материалы этого обсуждения опубликованы в виде книги (см.: Слепоглухонмота: исторические и методологические аспекты. Мифы и реальность. — М.: Философское общество СССР, 1989. 120 с.).

Я рассказал об этом столь подробно, поскольку мифологема «выдающегося достижения», «знаменитого Загорского эксперимента» слишком живуча и до сих пор часто всплывает в философских работах. К тому же совсем недавно в «Вопросах философии» были опубликованы две большие статьи, посвященные рассмотрению проблематики слепоглыхих и попытке оценки результатов ее разработки, особенно роли в этом Э.В. Ильенкова (см.: Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Статья 1 // Вопросы философии. 2013. № 3; Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? Статья 2 // Вопросы философии. 2013. № 10).

— **Давайте вернемся к дискуссии по проблеме идеального, о которой говорят и сегодня, хотя прошло много лет. Как она проходила?**

— Еще в 1962 г. в «Философской энциклопедии» (Т. 2) была опубликована статья Э.В. Ильенкова «Идеальное», которая на меня произвела большое впечатление и стала стимулом моих размышлений на эту тему. Отдавая должное значению этой статьи, я, тем не менее, считал, что определение идеального и его трактовка Э.В. Ильенковым недостаточно обоснованы, в частности, не охватывают всего круга явлений сознания, которые принято относить к категории идеальных, т.е. нематериальных явлений. Он исходил из той классической трактовки идеального, которая была свойственна Платону и Гегелю (см.: Ильен-

ков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 6. С. 130. Здесь и далее указывается посмертная публикация автора, в которой наиболее полно и последовательно изложена его концепция). У него понятие идеального ограничивалось, главным образом, лишь опредмеченными результатами деятельности, кругом тех идей, которые обладали достоинством всеобщности и необходимости, выступали в качестве «норм и форм культуры», социальной деятельности (с. 139 – 140). По его мнению, определение категории идеального несовместимо с чувственно-конкретным, единичным и случайным, в силу чего «бессмысленно применять это определение к сугубо индивидуальным состояниям психики отдельного лица в данный момент» (с. 130). Но тогда, если мои «мимолетные» восприятия и переживания не являются идеальными, то они должны быть названы материальными. Кроме того, ведь «мимолетное» может быть гениальным поэтическим или теоретическим озарением и обрести «вечность». История знает множество таких «звездных мгновений человечества», о которых так ярко писал Стефан Цвейг (см.: *Zweig S. Sternstunden der Menschheit. Zwölf historische Miniaturen.* – Frankfurt am M.; Hamburg, 1964). Возникает проблема различения и особенно связи идеального и материального. Каким образом можно добиться концептуально последовательного описания и объяснения того, что именуется идеальным? С моей точки зрения для этого идеальное должно определяться как **субъективная реальность** (в отличие от материального как объективной реальности). Субъективная реальность (с материалистических позиций) есть исходная и общая форма всякой сознательной деятельности. Исходная в том смысле, что без нее нет сознания, нет живого человеческого духа, не возникает никаких мыслей и идей; общая – в том смысле, что она охватывает все множество и разнообразие сознательных состояний: от ощущений, эмоций и «мимолетных» переживаний до интерсубъективных по своему статусу мыслей, идей, в том числе тех, которые, по Э.В. Ильенкову, выражают «нормы и формы культуры», которые уже опредмечены, объективированы различными способами, прежде всего в языке и продуктах производства, но, чтобы служить «формами социальной деятельности», они необходимо должны распредмечиваться, обретать качество субъективной реальности в сознании отдельных индивидов. Таким образом, мы получаем возможность концептуально последовательного (и научно подтверждаемого) объяснения способа существования явлений сознания, их социальной активности, объяснения взаимосвязи индивидуального и общественного сознания. Это относится и к объяснению связи явлений сознания с телесными и мозговыми процессами. Можно добавить, что явления субъективной реальности всегда исходно объективированы в определенных мозговых процессах, но они обладают той качественной особенностью, что 1) их содержание дано нам в «чистом» виде (так как мы не знаем, не чувствуем того, что при этом происходит в нашем мозгу) и 2) нам дана способность произвольно оперировать этим содержанием в довольно широком диапазоне. Именно в таком смысле и выступает само качество субъективной реальности. Оно свойственно и животным, возникло в биологической эволюции как способ

эффективного управления целостным поведением сложной самоорганизующейся системы (т.е. состоящей из простых самоорганизующихся систем — отдельных клеток со своими специфическими программами), а затем получило развитие в процессе антропогенеза, формирования языка и культуры. В этом кратко состоит моя концепция идеального как субъективной реальности.

В ходе дискуссии она подвергалась Э.В. Ильенковым и его многочисленными сторонниками резкой критике. Но у меня тоже было немало сторонников, которые поддерживали мою концепцию в целом или высказывали критические замечания по отдельным вопросам. В 1983 г. вышла моя книга «Проблема идеального» (М.: Мысль, 230 с.), посвященная проблеме идеального, в которой я попытался ответить моим критикам. Это была первая монография в советской философской литературе, специально посвященная проблеме идеального. Она охватывала все ее основные аспекты — гносеологические, онтологические, аксиологические и праксеологические (т.е. вопросы интенциональности, целеполагания и целеустремленности, воли, творческой активности), социальные, естественнонаучные и общенаучные планы исследования. Значительное внимание в ней уделялось анализу динамической структуры и самоорганизации субъективной реальности, соотношению индивидуального и общественного сознания. При этом подчеркивалась роль индивидуального сознания как источника новообразований в общественном сознании и первостепенная роль последнего в формировании индивидуального сознания, его ценностно-смысловой структуры. Выяснялось соотношение понятий идеального, идеи, идеализации, идеала, а также понятий идеального, логического и психического. В ней я касался экзистенциальной проблематики, обсуждал связь идеального с речью и языком, анализировал под углом проблемы идеального вопросы деятельности и общения, опредмечивания и распредмечивания, которые были особенно значимы для концепции Э.В. Ильенкова.

Главная цель книги состояла в реабилитации проблемы индивидуального сознания как философской проблемы, поскольку сторонники Э.В. Ильенкова считали ее сугубо психологической. К сожалению, никто из них не дал себе труда внимательно и систематично подвергнуть книгу критическому анализу. Критика оставляла в стороне ее концептуальную систему и сводилась, как правило, к выхватыванию отдельных положений, отдельных цитат, часто с неточным их толкованием, но почти всегда с сильными интонациями высокомерия. Такая критика вряд ли могла помочь мне в разработке проблемы сознания. Почти 20 лет спустя вышло второе издание книги с немного уточненным названием и дополненное несколькими новыми статьями. Первичный текст книги я намеренно сохранил прежним (см.: *Дубровский Д.И.* Проблема идеального. Субъективная реальность. 2-е изд., доп. — М.: Канон+, 2002. — 368 с.).

— **Безусловно, расстояние и проживание в разных городах не препятствуют научному общению, но могут его осложнить. Особенно, если Вы — еще молодой ученый. Думаю, для Вас переезд из Донецка в Москву был важен в профессиональном плане, но, насколько мне известно, проходил он нелегко. Расскажите об этом.**

— Как только я защитил диссертацию и стал первым доктором философских наук в Донецке, над моей головой начали сгущаться тучи. Начались всякие придирки и унижительные проработки со стороны заведующего кафедрой, ректора института и обкома партии. Я всегда читал в Институте только курс диалектического материализма, а теперь меня обязали читать лекции по историческому материализму, от чего я категорически отказался. Дело пахло выговором по партийной линии. Наш заведующий кафедрой, бывший крупный партийный работник и «яловый доцент» (т.е. ставший доцентом, не имея степени кандидата наук), очень опасался за свое место, хотя оно мне было ни к чему. Я строил другие планы. В Москве создавался Институт психологии РАН, одним из организаторов которого являлся Александр Георгиевич Спиркин — мой оппонент по докторской диссертации, с которым мы подружились. Его прочили на место директора, и он обещал сразу взять меня старшим научным сотрудником. Я пошел в обком партии и сказал, что собираюсь переходить на научную работу и подал заявление об увольнении из института по этой причине. Вначале партийное начальство возмутилось, обрушилось на меня с угрозами вынести строгий выговор и т.п. Но заведующему кафедрой только и нужно было, чтобы я убрался из Донецка. Он пользовался в обкоме большим влиянием. В итоге через две недели ректор подписал мое заявление, я стал свободен и через несколько дней был уже в Москве.

В Москве ситуация складывалась не в пользу Спиркина, его быстро оттерли от обещанной должности директора. Им стал планировавшийся еще недавно в заместители Б.Ф. Ломов, заведующий отделом Министерства просвещения СССР, у которого была поддержка в ЦК КПСС. Пути в Институт психологии оказались наглухо закрыты. Я стал искать работу в вузах. В нескольких местах обещали вот-вот взять профессором на кафедру (я соглашался даже быть доцентом), но дело тянулось, и всюду в результате я получал отказ. Так в поисках работы прошло три месяца. Единственное, что удалось сделать — поменять квартиру в Донецке на комнату в Москве, благодаря письму в Моссовет академика А.И. Берга. Но средства мои, занятые у друзей, иссякли. Положение складывалось катастрофическое. Я уже готов был пойти на завод, на любую работу. Но тут мне опять сильно повезло. Друзья вывели меня на Владимира Спиридоновича Готта — главного редактора журнала «Философские науки» (он заведовал и кафедрой философии в Московском педагогическом институте, занимал другие посты в общественных организациях). Владимир Спиридонович, знавший меня по статьям в «Вопросах философии», сразу, без долгих разговоров согласился взять на работу. Он сказал, что примерно через месяц в журнале освободится место заведующего отделом диалектического материализма, логики и философских вопросов естествознания; это — ставка профессора философского факультета МГУ. А пока можно поработать просто обычным редактором журнала и по совместительству в пединституте на его кафедре. На следующий день я приступил к работе (кстати, я читал несколько месяцев лекции по философии именно на факультете дефектологии). В общем, не без трудностей, но Владимиру Спиридоновичу

все же удалось выполнить свое обещание. Надо ли говорить о том, как он меня выручил и скольким я ему обязан.

Коллектив редакции «Философских наук» был слаженным и дружным. Вскоре ответственным секретарем стала Аврора Пружинина, которая была не только неутомимым тружеником, организатором всей многообразной деятельности редакции, но и замечательным человеком, веселым, с чувством юмора, но вместе с тем принципиальным, обязательным, четким в деловых вопросах. Мы дружно работали с заместителями главного редактора Владимиром Шевченко и Анатолием Коршуновым, заведующим отделом истории философии Алексеем Павловым, членами редколлегии. Мне хотелось бы многое сказать о деятельности журнала, в котором я работал на протяжении 16 лет. Но здесь для этого нет времени (многое об этом рассказано в моих «Воспоминаниях», на которые я уже не раз ссылался).

— **Давид Израилевич, не могу не спросить о Вашем основном на сегодня месте работы — об Институте философии. Когда Вы пришли в Институт?**

— Моя давняя мечта исполнилась в 1988 г. Я, наконец, получил возможность основное рабочее время уделять научным вопросам. В Институте я по-прежнему занимался проблемой «сознание и мозг» и методологией научного познания. Вместе с В.А. Лекторским и А.Ю. Алексеевым мы создали Научный совет РАН по методологии искусственного интеллекта, который вот уже 9 лет ведет многоплановую работу. В него входят представители 12 академических институтов. Мы все эти годы почти ежемесячно проводим теоретические семинары, на которых помимо философов выступали ведущие российские специалисты в области нейронауки, информатики, робототехники, психологии, лингвистики, компьютерных наук и других дисциплин. Совет создал 14 региональных отделений в крупнейших научных центрах страны, активную молодежную секцию. Мы провели 7 Всероссийских конференций студентов, аспирантов и молодых ученых под общим названием «Искусственный интеллект: философия, методология, инновации», в которых принимали участие представители 30 — 40 и более регионов России, издали 14 томов материалов этих конференций, ряд книг и статей по проблематике искусственного интеллекта. Работа Совета — заметный вклад философов в разработку стратегически важных междисциплинарных проблем российской науки. Мы благодарны директору Института философии академику А.А. Гусейнову, многолетнему члену нашего Совета, который создал хорошие условия для его работы.

— **Хотелось все-таки, чтобы Вы более подробно рассказали, какими философскими вопросами занимались за время работы в институте.**

— В первые годы работы в институте я подготовил и издал два сборника, посвященных проблеме «Сознание и мозг», которые выражали результаты моего сотрудничества с ведущими российскими представителями нейронауки. Первый так и назывался «Сознание и мозг» (М.: ИФ РАН, 1990). В нем наряду с философами А.Г. Спиркиным, Н.И. Губановым приняли участие такие ведущие ученые, как

А.М. Иваницкий, Э.А. Костандов, Д.П. Матюшкин, Т.А. Доброхотова и Н.Н. Брагина, директор Института мозга О.С. Адрианов и другие. Во второй сборник «Мозг и разум» (М.: Наука, 1994) специально прислал статью выдающийся нейрофизиолог, лауреат Нобелевской премии Р.У. Сперри. В нем также были опубликованы статьи академиков Н.П. Бехтеревой, П.В. Симонова, ведущего российского реаниматолога А.М. Гурвича, таких крупных ученых как А.И. Белкин, В.С. Ротенберг, А.М. Иваницкий и др.

Помимо проблемы «Сознание и мозг» я занимался, как и раньше, вопросами теории познания и методологии науки, анализом различных аспектов структуры сознания и бессознательного, феномена веры, проблематикой искусственного интеллекта. Не перечисляя публикаций, отмечу некоторые мои работы. Это формулировка и разработка четырех основных гносеологических ситуаций, в которых всегда находится познающий субъект. Среди них, помимо проблемной ситуации (знания о незнании), наиболее интересной является ситуация незнания о знании (рассмотренная мной вслед за концепцией М. Поляни о «молчаливом знании») и особенно ситуация незнания о незнании (допроблемная ситуация, как я ее называю), анализ которой очень важен для понимания и оценки развития научного знания. В этой связи мной выделена и описана так называемая предпроблемная ситуация, когда появляются «странные» феномены, возмущающие принятые принципы научного объяснения, и в результате их исследования возникает либо новая реальная проблема, либо оказывается, что мы имеем дело с псевдопроблемой. Могу сказать и о том, что с самого начала 1980-х (соответствующая статья была опубликована в «Вопросах философии» в 1983 г.) я разрабатывал вопрос о взаиморефлексии четырех основных планов (и проблем!) философских исследований: гносеологического, онтологического, аксиологического и праксеологического. Это означает, что основательное исследование, например, онтологической проблемы предполагает гносеологическую рефлексию, т.е. осмысление (и часто разработку) познавательных средств, с помощью которых описывается и объясняется то, что полагается существующим (или не существующим). Более того, нередко это настоятельно требует аксиологической и праксеологической рефлексии. Наоборот, разработка гносеологической проблематики требует онтологической рефлексии (выяснения ее онтологических предпосылок, часто неявных), не говоря уже об аксиологической и праксеологической рефлексии. То же относится и к разработке вопросов, относящихся к двум последним категориальным планам. Для классической философии была характерна определенная обособленность в разработке указанных проблем. Их взаиморефлексия, понимание ее необходимости является характерной чертой постнеклассических подходов в философских исследованиях.

Значительное внимание я уделял проблеме сознания, особенно ее экзистенциальным аспектам, теме «Другого сознания», анализу ценностно-смысловой структуры сознания, в том числе с использованием данных психиатрии. Многие годы я тесно сотрудничал с психиатрами, особенно с выдающимся ученым и клиницистом Г.М. На-

злояном, создавшим свой «портретный метод» лечения тяжелейших психических болезней и добившегося выдающихся результатов (см.: *Назлован Г.М.* Зеркальный двойник: утрата и обретение. Портретный метод психотерапии. — М.: Друза, 1994. В этой книге опубликована в виде послесловия статья М.Г. Ярошевского «Исцеление души», раскрывающая новаторскую суть метода Г.М. Назлована). Я старался действовать в меру своих сил разработке теоретических и философских проблем психиатрии. Мне стоило, например, немалых трудов издание книги Л.М. Литвака — известного психиатра и невролога, пережившего клиническую смерть. Используя личный опыт, он не только основательно описал феномен «предсмертных переживаний» (в зарубежной литературе обозначается NDE — Near Death Experience), но и предложил его научное объяснение (см.: *Литвак Л.М.* Жизнь после смерти. Предсмертные переживания и природа психоза. Опыт самонаблюдения и психоневрологического исследования / под ред. и вступ. статья Д.И. Дубровского. — М.: Канон+, 2007. — 672 с.). Всем, кто серьезно занимается проблемой сознания, я настоятельно советую прочесть эту книгу. Она способна существенно расширить интеллектуальный горизонт исследователя сознания, что я испытал на себе.

В плане разработки проблемы сознания меня давно интересовали феномены обмана и самообмана. В годы перестройки я опубликовал в журнале «Философские науки» несколько статей на эту тему, а потом издал книгу (см.: *Дубровский Д.И.* Обман: философско-психологический анализ. — М.: РЭИ, 1994. — 120 с.). Это была первая книга в нашей философской литературе по данной теме, что обусловило ее некоторую фрагментарность. Второе дополненное издание вышло спустя 16 лет (М.: Канон+, 2010. — 336 с.). Проблема сознания под углом вопросов информатики и искусственного интеллекта разрабатывалась мной в книге «Информация, мозг, искусственный интеллект» (М.: Стратегия-Центр, 2007. — 272 с.) В ней, кстати, опубликованы статьи, специально посвященные критическому анализу концепций таких ведущих представителей аналитической философии как Дж. Сёрл, Д. Деннет, Т. Нагель и Д. Чалмерс. Надо сказать еще об одной книге, изданной под моей редакцией, в которой приняли участие помимо философов также и ряд крупных ученых (А.А. Иваницкий, Т.В. Черниговская, В.Я. Сергин, В.Г. Редько, психолог В.М. Алахвердов). В ней предпринималась попытка рассмотрения проблемы сознания во всем ее диапазоне, как в философии, так и в науке, в единстве гносеологических и онтологических подходов к ее исследованию, с учетом результатов, полученных в когнитивной науке. Мною в этой книге был предложен один из возможных способов обзора и систематизации основных вопросов и аспектов многомерной проблемы сознания (см.: *Проблема сознания в философии и науке / под ред. Д.И. Дубровского.* — М.: Канон+, 2009. — 472 с.)

— У меня к Вам последний вопрос. Я понимаю, что он для Вас, да и, наверное, для каждого, может оказаться очень трудным и показаться не вполне корректным. И все-таки было бы очень интересно и важно для молодого поколения философов, если бы вы смогли на него ответить. Вы

закончили философский факультет в 1952 г. И, значит, занимаетесь философией более шестидесяти лет. Что из сделанного за это время Вы сами считаете главными, основными результатами своей деятельности?

— Действительно, вопрос очень трудный. Но я попытаюсь ответить. Самой главной проблемой всей моей научной и философской жизни была проблема «Сознание и мозг». Ею я занимаюсь более пятидесяти лет. Интересно, что примерно столько же ею занимаются и в аналитической философии, где она заняла центральное место. По этой проблеме возникла поистине необъятная англоязычная литература (более тысячи книг и несколько десятков тысяч статей). Бросается в глаза несоразмерность гигантского объема усилий представителей аналитической философии и скромности их концептуальных результатов. Итогом первого этапа моей работы над этой проблемой была докторская диссертация и изданная на ее основе книга «Психические явления и мозг» (1971), о которой речь шла выше. В ней была изложена моя концепция теоретической разработки этой проблемы с позиций информационного подхода и расшифровки мозговых кодов явлений субъективной реальности. В середине 1970-х я изучил работы по этой теме представителей аналитической философии (Г. Фейгла, Дж. Смарта, У. Плэйса, Д. Армстронга, Р. Рорти, П. Фейерабенда и многих других) и опубликовал две большие критические статьи в журнале «Философские науки». Потом у меня вышла книга «Информация, сознание, мозг» (М.: Высшая школа, 1980. — 286 с.), первая часть которой была посвящена подробному критическому рассмотрению «научного материализма» — так называлось направление в аналитической философии, представлявшее начальную фазу систематической разработки проблемы «Сознание и мозг» (Mind-Brain Problem). Во второй части развивалась моя концепция, прежде всего в плане анализа кодовой зависимости, методологии расшифровки мозговых кодов психических явлений, объяснения специфики психического управления, произвольного действия и свободы воли. Проблема «Сознание и мозг» продолжала разрабатываться мной в тех или иных аспектах с учетом новейших данных науки во всех последующих сборниках и книгах, которые указывались выше, и во многих журнальных статьях. Результатом всех этих многолетних размышлений и исследований является то, что можно назвать теорией, объясняющей связь явлений субъективной реальности с мозговыми процессами — главный пункт преткновения для философов и естествоиспытателей материалистической ориентации. Эту ключевую теоретическую трудность в аналитической философии называют «разрывом» или «провалом в объяснении», поскольку явлениям субъективной реальности нельзя приписывать физические, пространственные свойства, а мозговым процессам они необходимо присущи. Теоретически корректный ответ на этот главный вопрос позволяет ответить и на другие основные вопросы проблемы «сознание и мозг», а именно: объяснить каузальную функцию явлений сознания, специфику психического управления, феномен свободы воли и то, что представляет собой наше Я (в нейронауке оно именуется «Самостью» или «Эгосистемой головного мозга»); это самоорганизующаяся

подсистема головного мозга, включающая генетический и биографический уровни, которая ответственна за личностные свойства индивида). Думаю, что мою концепцию можно назвать теорией, поскольку она удовлетворяет требованиям построения теоретического знания в неформализованных научных дисциплинах. Она четко формулирует основные вопросы проблемы и затем выдвигает три исходные посылки (две из них являются общепринятыми научными принципами, а третья — интуитивно приемлемым положением). Они предлагаются для критики. Если они принимаются, то из них логически выводятся все искомые объяснительные следствия. Поэтому моя теория удобна для критики, и в этом ее преимущество. Кратко она изложена в статье: *Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг: опыт теоретического решения проблемы* // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83. № 1. С. 45 — 57. Более подробно, с приложениями она представлена в недавно вышедшей книге: *Дубровский Д.И. Субъективная реальность и мозг. Опыт теоретического решения проблемы*. Palmarium Academic Publishing, Saarbrücken, 2013. — 284 с. Что касается результативности, то это не моя компетенция. Я хорошо понимаю, что моя теория носит пробный характер, что она должна пройти самые тщательные критические испытания. Это — дело моих оппонентов, в которых я нуждаюсь.

В заключение хотел бы сказать еще об одном деле моей жизни. Более 40 лет я занимаюсь каратэ-до. И это, скорее всего, и определяло мою «живучесть» и работоспособность. Еще в 1986 г. я получил черный пояс, и с тех пор периодически вел группы учеников. Вот уже 7 лет еженедельно я провожу занятия по каратэ в Институте философии. Один из моих учеников, известный философ А.М. Руткевич, недавно получил коричневый пояс. Это в нашем стиле учить-рю очень высокое достижение. У нескольких моих учеников — синие и зеленые пояса. Это тоже свидетельствует об их квалификации. Возраст создает многие дополнительные трудности жизни. Кому как не философу следует отдавать себе ясный отчет в том, что такое жизнь и что такое неизбежная смерть. Но пока мы живем, несмотря ни на что, мы должны сохранять человеческое достоинство, бодрость духа и, главное, трудиться, поменьше прислушиваясь к обмену веществ в своем организме. Как я часто повторяю себе и другим: матч должен состояться при любой погоде!

Валентину Ивановичу ТОЛСТЫХ – 85!

**ЧЕРЕЗ ДИАЛОГ – К ПОСТИЖЕНИЮ ЭПОХИ:
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПОДВИЖНИЧЕСТВО
ВАЛЕНТИНА ТОЛСТЫХ**

В.Н. ШЕВЧЕНКО

За свою долгую и удивительно богатую творческую жизнь Валентин Иванович написал много хороших, душевно теплых и светлых работ – книг, научных статей, газетных заметок, публицистических очерков. Бессчетное количество раз выступал он перед самыми разными аудиториями. Природа наградила его редким даром удивительного владения словом, и он довел его до совершенства, хотя какую-то роль здесь сыграло, наверное, и филологическое образование. Чтение его работ, встречи и общение с ним всегда приносили и приносят сегодня огромное удовольствие и радость. Валентин Иванович – человек кристальной честности и, несмотря на кажущуюся мягкость характера, твердых, принципиальных взглядов. Во все времена и эпохи он оставался и остается верен своим убеждениям, но догматиком его никак не назовешь. Говорить о нем в день юбилея и приятно, и очень сложно.

Нет философов, похожих один на другого, и чем значительнее теоретический вклад каждого из них, тем сильнее проявляет себя их личностное своеобразие. Дело здесь не в индивидуальной позиции, а в том, как философ откликается на волнующие общество вопросы, как он вписывает себя в эпоху и интеллектуально, и своей активной деятельностью, и гражданской позицией. В жизни Валентина Ивановича Толстых все это сочетается органично и естественно.

Валентин Иванович говорит: «Мой бог – диалог». Почему диалог? Что он значил и значит в жизни В.И. Толстых? К главе книги «Диалог цивилизаций», посвященной юбилею академика В.С. Стёпина, он выбрал эпиграфом слова М. Бахтина: «Где начинается сознание, там начинается и диалог».

Диалог фиксирует и воплощает в себе мыслительную и психологическую многозначность человеческого отношения к миру и самому себе. Человек любит задаваться вопросами и искать на них ответы, спорить, возражать, в чем-то сомневаться. Монолог *моноцентричен*, он выражает, как правило, какую-то одну точку зрения, а диалог *дуалистичен*, двойствен по своей природе и гарантирует равноправное участие в дискурсе еще одного или многих других участников – собеседников.

Вот почему индивидуальная творческая жизнь Валентина Ивановича, как ни у кого другого, неразрывно связана с теми коллективными работами, которые он задумывал. Он собирал большие творческие коллективы, привлекал лучшие головы страны, издавал невероятно интересные сборники, которые имели большие тиражи, огромный спрос и массу откликов. И так продолжается на протяжении десятилетий. Он как никто чувствует время, чувствует то, что больше всего волнует

общество. Весь он — его ум, интеллект, эмоции, воля — постоянно настроены на самые волнующие людей проблемы, на то, как выявить их суть через диалог, полифонию голосов. И вместе с тем В.И. Толстых сам находится в постоянных творческих исканиях, он растет с каждой новой книгой, он полон неукротимого стремления найти собственные ответы. Более чем полувековая эпоха его творческой биографии легко угадывается в том огромном количестве работ, как индивидуальных, так и коллективных, созданных при его самом активном участии. Его кумирами в молодости были А.И. Герцен и В.В. Маяковский. Университетами жизни, образцами интеллектуального и нравственного опыта впоследствии стали для него философы — Михаил Лифшиц, Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев. Разные, не похожие друг на друга почти во всем, именно они многие годы властвовали в его духовном мире, мысленно помогали советами в поисках собственных решений. А еще был Максим Горький. В.И. Толстых любит перечитывать его пьесы и часто цитирует наизусть.

Валентин Толстых приезжает в Москву в 1960 г. в возрасте 30 лет. У него за плечами Одесский университет, аспирантура, опыт преподавания философии и даже опыт руководителя сценарного отдела Одесской киностудии. Москва захлестнула южного человека масштабами своих расстояний, темпом и ритмом жизни, своими «московскими» проблемами, каких «провинциальная» Одесса и не знала, и не ощущала.

Что это была за эпоха? В.И. Толстых много и охотно пишет о ней. 60-е годы XX в. в нашей стране были насыщены спорами и дискуссиями, казалось бы, по самым простым и в то же время самым важным для советских людей вопросам. Появляется огромный интерес к проблеме человека, к «сфере прекрасного», возникает интереснейший спор *физиков и лириков*, обсуждавших совсем не простую проблему — отношение научного знания и *многообразия человеческого сознания*, которую полезно было бы продолжить и сегодня, полвека спустя. Правда, сейчас спор стал бы бессмысленным, ибо с отказом от идеи формирования *богатого и всестороннего, глубокого во всех его чувствах и восприятиях человека* (К. Маркс) потеряла смысл и сама проблема связи разума и чувств, знания и сознания, столь живо и остро воспринимавшаяся мыслителями разных эпох. Она немыслима в мире чистогана, «купли-продажи» и эгоистического своеволия.

В 60-е — начале 70-х гг. при энергичном участии В.И. Толстых создается несколько коллективных работ, посвященных актуальным проблемам эстетики, сознания, нравственной культуры. Он выступает одновременно составителем, редактором и соавтором таких трудов, как «Эстетика поведения» (1963), «Культура чувств» (1968), «Искусство нравственное и безнравственное» (1969), «Наука и нравственность» (1971), «Мода: за и против» (1973) и др. В написании этих работ приняли участие известные ученые, философы, писатели, деятели искусства, педагоги, хорошо известные в обществе, показавшие свой высокий профессионализм и полемический дар, в том числе: Игорь Моисеев, Сергей Коненков, Николай Акимов, Виктор Розов, Василий Шукшин, Эвальд

Ильенков, Лев Аннинский, Карл Кантор, Ия Савина, Петр Палиевский, Эрих Соловьев, Ирина Матковская, Валерий Глазычев.

В 2010 г. В.И. Толстых издал сборник «Сейчас так не пишут», в который вошли многие статьи из коллективных работ того времени. Статьи воспроизведены без купюр и исправлений, так, чтобы, замечает В.И. Толстых, «современный читатель, особенно молодой, знающий даже недавнее прошлое понаслышке, хотя бы прикоснулся к настоящему прошлому». Авторская идея сопоставить прошлое с настоящим — по остроте и глубине постановки вопросов и анализа двух «современностей» — дает ему много оснований сделать вывод: выигрывает полувековое прошлое.

В 1970 г. В.И. Толстых приходит в Институт философии, и здесь же в 1972 г. защищает докторскую диссертацию по философии. Согласно его точке зрения, в самом общем эстетическом плане своеобразие искусства состоит и выражается в том, что оно объединяет в себе все виды познавательной деятельности, в которых человек выражает свое отношение к действительности и к самому себе. В этом смысле оно не похоже ни на один другой вид человеческой жизнедеятельности. И потому лишена всякого иного смысла претензия искусства на какую-либо иную исключительность, кроме той, что диктует его видовая природа и сущность. Пустым и бессмысленным тогда оказывается лозунг «искусство для искусства». Ибо искусство как бы включает в снятом виде все формы человеческого отношения к действительности, в том числе и сферу нравственности. Таким образом, тема искусства и морали в литературе перестает быть «частным» и «узким» вопросом эстетической теории. Говоря о функции искусства, В.И. Толстых подчеркивал его особую роль в выработке и контроле «человеческой меры» общественного прогресса. Можно сказать, что сегодня сложилась гораздо более драматическая и в чем-то даже трагическая ситуация по сравнению с ситуацией полувековой давности, когда обсуждались последствия ранней фазы научно-технического прогресса.

После защиты Валентином Ивановичем докторской диссертации ее материалы были опубликованы в двух больших работах. Это — «Искусство и мораль. О социальной сущности и функции искусства» (М., 1973. Тир. 70 тыс.), и «Образ жизни. Понятие. Реальность. Проблемы» (М., 1976. Тир. 60 тыс.). Они получили положительные отклики в печати. Завершился большой период в творческой биографии В.И. Толстых, названный юбиларом впоследствии «эстетическим». Впрочем, следует отметить, что эстетическую проблематику он не оставлял и позже. Так, учебное пособие по дисциплине «Эстетическое воспитание», включенной как отдельный предмет в систему профессионально-технического образования в 80-е гг., было удостоено в 1986 г. Государственной премии СССР.

Особую роль в переориентации профессиональной деятельности В.И. Толстых — от эстетики и искусства к исследованию социально-философских проблем — сыграла коллективная работа «Мода: за и

против», вышедшая в издательстве «Искусство» в 1973 г. В предисловии к ней В.И. Толстых пишет, что мода обычно представляется в нашей литературе как понятие и явление сугубо эстетическое, но сегодня этот подход выглядит односторонним. Смысл издания сборника состоял во введении в социально-философскую литературу новой темы и новой обширной проблематики. Мода выступает в настоящее время в качестве одного из важнейших регуляторов массового поведения людей. Поэтому правильное восприятие моды, пишет В.И. Толстых, предполагает определенный уровень «личностного» развития человека.

Уже в работе «Искусство и мораль» В.И. Толстых уделяет большое внимание анализу искусства как вида духовного производства. С этого времени начинается систематическая разработка им этой проблемы. В 70-е — середине 80-х гг. вновь по инициативе В.И. Толстых выходит ряд коллективных трудов, которые становятся новым словом в развитии социальной философии (исторического материализма). Это книги «Социалистическое общество» (М., 1975), «Духовное производство» (М., 1981), «Производство как общественный процесс» (М., 1986), «Общественное сознание и его формы» (М., 1986). В.И. Толстых вновь привлекает большое число ученых для раскрытия ставшей тогда одной из самых актуальных проблем — проблемы места и роли духовного производства в системе общественного производства и воспроизводства общества как сложной и целостной системы. Духовное производство рассматривается как производство общественной формы сознания. В.И. Толстых настоятельно подчеркивал гуманистический пафос названных работ применительно ко всему проделанному их авторами труду. Говоря о всеобщем духовном производстве как о философском горизонте рассмотрения темы, В.И. Толстых отмечал, что «важнейшим условием превращения человеческой деятельности в сферу свободного самоосуществления творческих сил и способностей индивида является обретение трудом подлинно общественного характера, когда производство становится целенаправленным, сознательным производством человека как действительно общественного существа». Страна в последние десятилетия свернула с этого пути, но будем надеяться, что теоретические наработки тех теперь уже далеких времен не пропадут и окажутся востребованными в будущем.

В 80-е гг. наиболее значимой для В.И. Толстых становится проблема интеллигенции. Ситуация в стране заметно изменилась. После динамичных 60-х гг. в 70-е гг. наступает спад социальной активности, приобретает все более острые формы болезнь мещанства, которое теперь называется потребительством, культом потребления, множится и распространяется бездуховность. Это были годы «застоя» и осознания обществом неизбежности перемен. По вопросу о роли и назначении отечественной интеллигенции тогда кипели и открыто, и подспудно нешуточные страсти. Статья В.И. Толстых «Об интеллигенции и интеллигентности», опубликованная в «Вопросах философии» в 1982 г. в № 10 была принята тогда неоднозначно как «наверху», так и самой интеллигенцией.

Для В.И. Толстых интеллигентный человек — это беспокойная совесть, ум, полное отсутствие голоса, когда требуется — для созвучия — «подпеть» могучему басу сильного мира сего, горький разлад с самим собой из-за проклятого вопроса: «Что есть правда?», гордость. И — сострадание судьбе народа. Неизбежное, мучительное. Если все это сосредоточено в одном человеке, — он интеллигент. Но и это не все. Интеллигент знает, что интеллигентность — не самоцель. Если этой мерой мерить интеллигентность человека, то становится понятным, насколько трудно ей соответствовать, и как мало тех, кто этому званию отвечает по существу. Многое было тогда сказано на эту тему Валентином Ивановичем в одной из самых оригинальных его работ «Сократ и мы» (М., 1981).

Тема интеллигенции оказалась сквозной для творчества В.И. Толстых. И сегодня всем памятна коллективная работа перестроечных лет «Освобождение духа», созданная при участии Валентина Ивановича. В последующем он неоднократно обращался к ней. В опубликованной в «Политическом журнале» 2004 г. статье «Кто был никем, тот стал ничем» он в полемически жесткой форме поставил старый веховский вопрос. Почему нынешние интеллигенты и интеллектуалы теперь, когда исчез «реальный социализм» и воцарился столь желанный капитализм, почему они будто *сговорились* (не сговариваясь!) — стали обходить стороной все самые острые и наболевшие вопросы современного российского бытия. Причем самые очевидные и волнующие: какой капитализм мы строим (или уже построили?) на месте «треклятого» социализма; какую рыночную экономику и форму демократии насадили, и какая мораль — общественная и личная — питает и вдохновляет нашу социальную практику, они просто не замечают. К теме интеллигенции он обращается и в ходе работы клуба «Свободное слово». Постоянно в поле его зрения находится и веховская тематика. В 2009 г. на протяжении целого года публиковались материалы по этой тематике на страницах «Литературной газеты». А начало дискуссии положила статья В.И. Толстых, и он же подвел ее итоги в конце года.

С конца 80-х гг. на протяжении 20 лет В.И. Толстых — бессменный президент созданного им клуба «Свободное слово». Клуб родился, возник без громогласных заявлений и модных презентаций. 31 октября 1988 г. в «Киноцентре» на Красной Пресне (впоследствии клуб располагался на протяжении 10 лет в Доме кино на Васильевской) собралась небольшая группа интеллектуалов, деятелей науки и искусства. На первом заседании состоялась дискуссия на тему *массовое сознание и кинематограф*. Ее участники спорили о массовом сознании и массовой культуре, а в конце заседания перешли к вопросу, что происходит в стране и со страной в переломное время. Значительная доля всех клубных заседаний была посвящена в дальнейшем теме перестройки и проблемам, напрямую связанным с ней. В.И. Толстых занял четкую гражданскую и научную позицию, которой последовательно придерживался все последующие годы. Он оставался безусловным сторонником самой идеи перестройки как необходимости,

как практического устремления, но с самого ее начала занял позицию аналитика и критика процесса ее реального осуществления.

На заседаниях клуба участники дискуссий не боялись обсуждать самые острые и неудобные вопросы, те, которые было не принято затрагивать, а тем более обнажать их суть, публично и открыто. В частности, среди тем были такие: «Нужна ли Россия русским?», «Существует ли в России “еврейский вопрос”?», «Новые русские — что в них нового и что русского?», «О чем и почему безмолвствует “молчаливое большинство”?», «Реформы в России и Китае — кто оказался мудрее?» и т.д. В.И. Толстых умел подбирать на каждое заседание докладчиков самых разных симпатий, позиций и мировоззрений. Но главным предметом всегда оставался вопрос о том, что происходит со страной. Каждая тема, поставленная В.И. Толстых на обсуждение, собирала помимо постоянных членов Клуба большую массовую аудиторию. Клуб был открыт для всех. Искусство умелого ведения полемики позволяло председателю клуба делать каждое заседание ярким, запоминающимся, не похожим на другие.

За 20 лет своего существования клуб провел 164 заседания, каждое из них с заранее объявленной темой и вопросами, на которые предстояло найти ответ его участникам. В 11 книгах-альманахах «Свободного слова» тексты встреч-диспутов являют собой не просто *интеллектуальную хронику событий*, а настоящую летопись перемен в России, произошедших на переломе XX и XXI столетий. Эти перемены представлены и осмыслены с разных позиций и точек зрения, зафиксировавших развитие и состояние общественного сознания в его индивидуальном, персонализированном выражении. Все эти 11 книг-альманахов приняты в российский государственный архив социально-политической истории как исторический документ, как достоверное свидетельство отношения думающей части российского общества к радикальным переменам в стране, составившим целую историческую эпоху.

Круг проблем, связанных с судьбой России, лично для В.И. Толстых стал особенно важным в (начавшемся) XXI в. Разумеется, не обошлось здесь и без нового коллективного труда «О стратегии российского пути развития» (М., 2003). Валентин Иванович затратил огромные усилия для выхода его в свет. По масштабу охвата современных проблем, их проработке нелегко было найти в то время аналогичный труд. Примерно одну треть объема книги занимает аналитический доклад, написанный большой группой ученых левого направления. Помимо доклада в книгу включены материалы трех круглых столов, которые хорошо показывают, как складывалась шаг за шагом авторская позиция коллектива, ее базовые мировоззренческие ориентиры и какую роль в выработке согласованной программы сыграл В.И. Толстых. Особенно следует подчеркнуть позитивный настрой авторского коллектива книги — дать изложение стратегических целей и задач по коренному изменению ситуации, сложившейся в стране.

Книга В.И. Толстых «Настоящее будущее: без утопии и возврата в прошлое» (М., 2009) была удостоена премии на международном кон-

курсе работ по теме «Человечество на распутье. Образы будущего», проведенного Институтом философии РАН в 2008 г. — за ярко отстаиваемые идеалы гуманизма XX в. После небольшой книги «Российский выбор: В контексте реальной истории» (М., 2009) В.И. Толстых издал капитальный труд объемом в 23 п. л., в котором подвел итоги своих размышлений о судьбе России: «Россия эпохи перемен» (М., 2012).

В этой книге советское прошлое представлено таким, каким оно было в действительности, без приукрашивания, но и без утайки известных фактов, официальных данных и свидетельств. 20 лет назад Россия поменяла реальный социализм на реальный капитализм. К чему же в итоге пришла страна сегодня, насколько мы стали богаче, сильнее и талантливее в своей деятельности и ее результатах? Ответ неутешителен. В.И. Толстых пишет «Я был и остаюсь советским человеком и по убеждениям, и по воспитанию». Именно об этом он пишет в своей книге воспоминаний «Мы были. Советский человек как он есть» (М.: Культурная революция, 2008). Идея и дело социализма вовсе не сгнули, они живы и имеют вполне реальную перспективу в России. Социализм остается светлой мечтой человечества, осуществить которую можно лишь в условиях свободного выбора и волеизъявления самого человека, к каковому оно еще не готово.

Эта устремленность в будущее, постоянное внимание к судьбе человечества и к России, к судьбе отдельного человека, его вера в идеалы социализма и гуманизма неизменно привлекали и привлекают внимание читателей к каждой новой работе В.И. Толстых. Мы знаем, что он готовит новую книгу воспоминаний под названием «Хочу — Могу — Должен. Опыт общественной автобиографии личности». Будем ждать с нетерпением ее выхода. Как быть оптимистом, несмотря ни на что и вопреки всему показывает огромный и невероятно интересный творческий и жизненный путь В.И. Толстых.

*С юбилеем, Валентин Иванович,
новых замыслов, новых книг, доброго здоровья и хорошего настроения!*

ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ АВТОБИОГРАФИИ ЛИЧНОСТИ (Из новой книги воспоминаний)

В.И. ТОЛСТЫХ

Давно хотел это сказать и оспорить: неправда, что незаменимых людей нет, и что все мы якобы вполне заменимы, и если для кого-то ты оказываешься незаменимым, то лишь для этого конкретного человека, и только на какое-то время. Зато в масштабе реального взаимодействия людей, с учетом непредсказуемости событий, участниками и свидетелями которых мы становимся, каждый из нас незаменим и неповторим. В романтическом духе эту мысль когда-то прекрасно выразил Генрих Гейне: «Каждый человек есть Вселенная, которая с ним рождается и с ним умирает. Под каждым надгробным камнем лежит целая всемирная История». Такой вселенной духа стал для меня Ильенков, и, знаю точно, для многих других тоже, кто однажды соприкоснулся с мыслями и чувствами автора удивительного творения – книгой «Об идолах и идеалах», потом и статьей «Идеальное».

Эвальд Ильенков

Ильенков мне нравился таким, каким он был, с его «слабостями», скажем, безразличием к бытовым удобствам, тем более, «излишествами». Нравилась мне и его непоказная скромность в дружеском общении, и в то же время четкая, по-мужски жесткая, позиция в определении своих философских и гражданских позиций. Он никогда не льстил друзьям, тем более – власти, зная и сознавая ее противоречивую, во многом «показную», сущность. Во всех своих сочинениях придерживался принципов взыскательного диалога, обращаясь к сознанию и совести участников диалога, имея в виду так называемых «простых сограждан». Очень спокойно относился к славе, хотя, думаю, вполне сознавал, что философы, достойные таковыми считаться, работают в основном на будущее, и, значит, должны сознавать свою ответственность за идеи и мысли, которые они сегодня исповедуют и проповедуют. Что касается бессмертности их умственных усилий, то их при желании можно и заметить и определить.

Сам Ильенков не нуждался в славословии. Ведь драма действительно мыслящего человека заключается не в том, что его мало замечают и почитают, а в том, что рожденная и выношенная им мысль или идея никого не трогает, не увлекла и пропадает втуне. Именно на эту сторону взаимоотношений «здорового тела» и «здорового духа» обратит внимание Михаил Лифшиц, заметив и отметив, что «в болезненном теле Ильенкова жил дух всеобщий, объединяющий, способный привлекать людей, связывать поколения». Вот что побудило его однажды сочинить – написать сагу об Идеальном, избрав мерилom прогресса замену не плохого хорошим, а хорошего лучшим (по знаменитой формуле Коллингвуда).

Именно Эвальд Васильевич нащупал и обнажил главную причину несостоятельности современной цивилизации. Человек стал жертвой

созданного им самим же «наизнанку вывернутого мира, где ему приходится быть смиренным рабом своих собственных созданий – тенью своей собственной тени». Между тем, по Ильенкову, нет в универсуме более интересного и ценного существа и предмета общественного внимания, чем человек со всеми его «несовершенствами». Появилось, скопилось немало любителей жертвовать им ради всякого рода завиральных идей, вроде того же «прогресса», а на самом деле, если человеку и стоит жертвовать собой, то разве что ради другого человека. Как и Лившиц, он исповедовал главную марксистскую идею – свободное развитие каждого как условие свободного развития всех. С удовольствием процитирую любимое мною высказывание Эвальда Васильевича из его статьи «Почему мне это не нравится»:

«Если человек — и именно в образе живого реального человека — со всеми его нынешними “несовершенствами” — не стоит на первом месте в шкале нравственных ценностей, и если на это, только ему принадлежащее, место стараются водрузить что-нибудь другое, абсолютно безразлично что — безличную абстракцию под тем или другим красивым названием, — то ни о какой культуре чувств лучше вообще не начинать разговора. Нет никакой культуры чувств без этого условия. Все остальное тогда не имеет ровно никакого значения. Ни хорошие манеры, ни тонкое понимание музыки, ни изысканность тех или иных эмоций. Все разговоры о них будут в таком случае пустым говорением».

Этой идее и принципу взаимоотношений с реальной действительностью Ильенков остался верным до конца своей жизни.

Александр Зиновьев

Александра Зиновьева я знал и дружил с ним свыше сорока лет, и потому был вправе сказать о нем в некрологе в связи с кончиной निжеледующее.

Ушел последний из могикан общественной и философской мысли старой «Большой России», объяввший и постигший ее как никто другой. Ушел мудрый и сверхталантливый человек, каких Россия при жизни, увы, не чувствует, не слышит и по достоинству не ценит. Ушел настоящий русский человек в высоком пушкинском измерении индивидуальных и гражданских доблестей. Он был действительно уникален во всем, за что брался и к чему прикасался, — в логике, социологии, искусстве, общении. Лично я не встретил в жизни другого такого настоящего свободного человека. Не считая себя жертвой режима, он всерьез полагал, что режиму от него досталось больше. Когда почти все были марксистами, он прямо заявлял, что он не марксист. Он — автор самой точной формулы случившегося со страной в последние 20 лет: *целили в коммунизм, попали в Россию*. Раньше и прозорливее других понял, что на смену критикуемому им «реальному коммунизму» пришло нечто такое, что во многом и намного хуже. Он не устраивал власть — и прежнюю, советскую, и нынешнюю, не понятно какую. Потому что не обладал гибким позвоночником, так и не научившись пошлейшему искусству приспособленчества. Всерьез, а не ради красного словца он

утверждал, что всю жизнь занимал положение, которое не променял бы на пост премьер-министра и даже президента, — был старшим научным сотрудником...

Я назвал некролог *«Он был верен себе»*. Чем, кстати, к себе одних притягивал, а других — отталкивал. По моим многолетним наблюдениям, не врать самому себе — качество редкое, посильное далеко не каждому. Саша не врал, сказав в последнем перед смертью интервью, что, пожив за рубежом, он «стал лучше понимать советское общество». Четко, без оговорок, заявлял, что он — русский коммунист и русский человек. Критиковал советский режим и был антисталинистом, но никогда не был антисоветчиком, определив крах коммунизма в России *равносильным исторической гибели русского народа*. Гордился тем, что создал так называемую «зиновьюгу», своеобразный кодекс чести, сознательно отказался делать карьеру, не идеализировал любую власть, никогда не вступая с нею в сговор, и прожил жизнь «ни на кого не держа зла». Согласитесь, кодекс завидный, и верность ему, судьба его — тоже завидные?!

Помню, как мы с Даниилом Граниным, посетив Зиновьевых в их загородном доме, возвращаясь в Мюнхен, восхищались трезвостью Сашиных суждений о западной жизни и советской реальности времен перестройки, убеждая его самого вернуться на родину, где он востребован и крайне был нужен (в чем он, кстати, сомневался, хотя признавался, что жить вне и без России ему нелегко). Человек он был гордый, наверное, потому и называл себя от рождения отщепенцем, объявив с гордостью на весь мир — «Я сам себе государство!»

«Вы что, боитесь Зиновьева?» — Помню, как возникло у меня желание написать эту статью. Приближалось 70-летие философа, он оставался за границей и оставался глухим к моим настойчивым призывам вернуться на родину. Хотел этого, но себя сдерживал, как выяснится скоро, по вполне здравым причинам. Уже издали «Зияющие высоты», что стали причиной, или поводом, его изгнания, затем ряд других сочинений («Гомо советикус», «Иди на Голгофу», «Живи», «Катастрожка»), состоялись интервью в газетах, телепередача. Но он так и оставался (после 15-летнего отсутствия в стране!) малоизвестным автором, по сравнению с миром, где его непрерывно переводили и издавали, награждая престижными премиями. И это несмотря на весьма критичное отношение его к западной реальности и ценностям. Мою статью с явно вызывающим заголовком опубликовала «Независимая газета» 29 октября 1992 года, в день рождения философа.

Статью с вопросом «Вы что, боитесь Зиновьева?» я написал вовремя, и это вскоре подтвердит, например, Салам Гусейнов, настаивая на том, что своей «социомеханикой» Зиновьев лишил русского человека последних объективных оснований для самомнения и гордости. Отсюда соответствующее отношение к нему. Сторонников Коперника сжигали. Учение Дарвина запрещали. С Зиновьевым поступают намного хуже — его просто замалчивают. Но время покажет, кто окажется прав — Зиновьев или нынешние молчуны, которым в ответ социологу просто нечего сказать.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, семинары, круглые столы

«СМЫСЛ ЖИЗНИ КНЯЗЯ ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВИЧА ТРУБЕЦКОГО» Международная научная конференция (К 150-летию со дня рождения князя Е.Н. Трубецкого) Москва, 3 октября 2013 г.

А.А. ФЕДУЛАЕВ

К 150-летию со дня рождения князя Е.Н. Трубецкого — выдающегося философа и правоведа, религиозного и общественного деятеля, профессора Киевского и Московского университетов, преподавателя и члена Попечительного совета Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского — была проведена международная научная конференция. Конференция была организована Российским государственным гуманитарным университетом, Обществом историков русской философии им. В.В. Зеньковского и Образовательным фондом имени братьев Сергея и Евгения Трубецких.

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863 — 1920) оставил значительный след в культурной жизни России. Он выступил одним из организаторов Московского религиозно-философского общества памяти В.С. Соловьева, открывшегося в 1906 г., входил в состав его Совета. Позже внутри Общества сформировалась группа религиозных мыслителей, объединившихся вокруг издательства «Путь», созданного в 1910 г. Одним из наиболее активных авторов этого издательства стал Е.Н. Трубецкой. Вместе с тем он являлся видным деятелем кадетской «Партии Народной Свободы», одним из основателей «Союза мирного обновления» и главным редактором его печатного органа — «Московского еженедельника». В 1917 — 1918 гг. был участником Поместного Собора в качестве товарища (заместителя) председателя. Из-за угрозы ареста выехал из Москвы, присоединившись к Добровольческой армии. Попав вместе с отступавшей армией в Новороссийск, Е.Н. Трубецкой заболел здесь сыпным тифом и умер.

Основополагающая тема философии Е.Н. Трубецкого — смысл жизни, нахождение его человеком. «Смысл жизни» — название ключевого итогового труда мыслителя, в предисловии к которому он напишет: «...этот труд — выражение всего мирозерцания автора». Этой же фундаментальной теме была посвящена работа конференции.

Торжественная часть конференции началась с открытия мемориальной доски Е.Н. Трубецкому в холле возле главной аудитории (№ 227). Вступительное слово по случаю открытия заседания произнес д.филос.н.,

проф., зав. кафедрой истории отечественной философии РГГУ В.В. Сербиненко. С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратились директор Итальянского института культуры в Москве проф. Адриано Дель'Аста и директор Фонда им. Александра фон Гумбольдта доктор Штеффен Мелих.

В работе конференции приняли участие российские и зарубежные исследователи жизни и теоретического наследия Е.Н. Трубецкого, прежде всего, его философских и философско-политических взглядов. Все доклады, прозвучавшие на конференции, можно условно разделить на пять групп. Определяющим ядром конференции стала гносеологическая тема, раскрытая в докладе д.филос.н., проф. кафедры истории зарубежной философии филос. фак-та РГГУ **А.Н. Круглова** «Попытка преодоления Канта Евгением Трубецким» и в докладе д.филос.н., проф. кафедры философии естественных факультетов филос. фак-та МГУ **Ю.Б. Мелих** «История одного предубеждения: о всеединстве Вл. Соловьева».

А.Н. Круглов в своем выступлении подчеркнул, что, рассматривая попытку преодоления Канта Е.Н. Трубецким, необходимо учитывать два важных момента. Во-первых, сильное влияние неокантианства на тот период времени, которое при всем пробудившемся интересе к Канту существенно деформировало образ философии последнего. Казалось бы, неокантианство — то, с чем Е.Н. Трубецкой в первую очередь борется, но парадоксальным образом представление о кантовской философии сформировалось у него именно под влиянием неокантианской философии. А во-вторых, по мнению автора доклада, на тот момент прошло слишком мало времени для понимания того, какую гигантскую роль для понимания Канта играет философия Х. Вольфа и всего окружения предшественников Канта. К сожалению, Е.Н. Трубецкой это рассматривал скорее как некие иллюзии или гипноз философии Лейбница — Вольфа, что сразу поставило для него существенный барьер для того, чтобы лучше проникнуть в то, что называют *историческим Кантом*, и все чаще оставляло его наедине с *неокантианским Кантом*.

Как отметила в своем докладе Ю.Б. Мелих, Е.Н. Трубецкой показал, что Вл. Соловьев совершает подстановку терминов библейских на место терминов логических, заменяя слова *«Божественных Лиц»* понятием *субъекта*, что снимает грань между логическим мышлением и Откровением. Тем самым выявляется основной недостаток системы Соловьева, на который указывает Трубецкой: «Пытаясь преодолеть логическое мышление, он все же остается в его рамках, в рамках рациональности». Однако Е.Н. Трубецкой, по мнению автора доклада, не объективен; ведь критикуя В.С. Соловьева за чрезмерный рационализм, он не учитывает те направления философской мысли, которые возникли только в конце XIX — начале XX в. А это и феноменология, и экзистенциальная философия, и трансцендентальная философия неокантианства. Более того, преодоление В.С. Соловьева самим Е.Н. Трубецким, считает докладчик, проходит полностью в русле неокантианства. Пытаясь преодолеть рационализм, Е.Н. Трубецкой вводит понятия «опыта» и «самопознающего индивидуального существа». Он начинает с рационалистической установки «индивидуального моего сознания», а не с категории бытия. В отличие от

В.С. Соловьева, для которого принцип всеединого сущего был основным, Е.Н. Трубецкой утверждает: истина есть *всеединое сознание*, а не *всеединое сущее*. Возникает вопрос: как индивидуальное сознание может обладать истиной? Это искание истины у Е.Н. Трубецкого есть попытка найти «безусловное сознание в моем сознании». Таким образом, заключает Ю.Б. Мелих, преодоление Е.Н. Трубецким В.С. Соловьева проходит, во-первых, в рационалистической плоскости, а во-вторых, критику им В.С. Соловьева за подмену понятия *лицо* на *субъект* можно обратить и на самого Е.Н. Трубецкого, ведь он по существу подменяет понятие «я субъект» неокантианским понятием «мое сознание».

Следующую группу составляют доклад к.ф.н., доц. кафедры истории русской философии филос. фак-та МГУ им. М. В. Ломоносова **А.П. Козырева** «Е.Н. Трубецкой и книгоиздательство “Путь”», доклад к.ф.н., доц. кафедры истории отечественной философии РГГУ **С.М. Половинкина** «Антиномизм о. П. Флоренского и логизм Е. Трубецкого», доклад д.филос.н., проф. кафедры истории отечественной философии РГГУ **О.В. Марченко** «Е.Н. Трубецкой и В.Ф. Эрн» и доклад д.филос.н., проф. кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН **С.А. Нижникова** «Е. Трубецкой и спор о пантеизме в русской философии». Эти четыре доклада обнажают острую внутреннюю борьбу в стане русской философии конца XIX — первой четверти XX в.

Доклад А.П. Козырева был посвящен одному творческому замыслу Е.Н. Трубецкого — теме «солнечной мистики». Автор заметил, что в переписке Е.Н. Трубецкого с М.К. Морозовой «Солнце» выступает не только как одно из романтических наименований возлюбленной, но и как творческий источник духовной энергии. Солнечному восхищению В.Ф. Эрн и мраку пещерных посвящений свящ. Павла Флоренского, по мнению докладчика, князь Евгений противопоставляет третий путь — путь солнечного луча, «кинжал вагнеровского Зигфрида», вонзающегося во мрак становящегося бытия и преображающего его. Противоположный Богу мир есть Его *другое*. Мир есть среда, сопротивляющаяся свету. Полная победа заключается отнюдь не в уничтожении сопротивляющейся среды, а в том, что сопротивление преодолевается изнутри, когда сопротивляющееся существо само наполняется светом. Теодицея, по Трубецкому, заключается в проникновении мира солнечным лучом. Луч в буквальном смысле пронзает мир как нож. Преломляясь в атмосфере, солнечный луч дает радуугу, которая становится у Е.Н. Трубецкого символом софийного космоса. Радуга — проникновение света в *другое*, сочетание воедино двух различных элементов бытия. Картина мира Е.Н. Трубецкого, заключает докладчик, вступает в полемический резонанс с панентеистической софийной системой Булгакова — Флоренского. Она более дуалистична, но дуализм этот относительный — не абсолютный, христианский и не античный.

С.М. Половинкин в своем выступлении сопоставил антиномизм свящ. Павла Флоренского и логизм Е.Н. Трубецкого. Он показал, что истина у свящ. Павла Флоренского есть суждение противоречивое. Истина антиномична, а антиномия есть такое суждение, которое, будучи истинным, содержит в себе совместно и тезис и антитезис, так что недоступна никакому возражению. С этой точки зрения догмат как объект веры предстает у

свещ. Павла Флоренского как антиномия, он непременно включает в себя рассудочную антиномию. Ереси же логически безупречны. Антиномизму свещ. Павла Флоренского Е.Н. Трубецкой, по мысли докладчика, противопоставил логику, логический монизм. «В единстве истины, — цитирует автор Е.Н. Трубецкого, — человеческий ум должен найти свое единство». Ведь освободившись от логической нормы всеединства, мысль неизбежно попадает в плен, в рабскую зависимость от алогических аффектов. И если для свещ. Павла Флоренского догматы антиномичны, а ереси логичны, то для Е.Н. Трубецкого догматы есть образцы логического единства. И хотя сам докладчик не беспристрастен и проявляет симпатию к антиномизму свещ. Павла Флоренского, он резюмировал, что вместо двух идейных крайностей все-таки уместен поиск среднего пути.

О.В. Марченко в докладе о Е.Н. Трубецком и В.Ф. Эрне привел несколько замечаний, позволяющих прояснить некоторые любопытные моменты в очень насыщенном философском контексте начала XX в. в России. По мысли докладчика, сложность личных и творческих взаимоотношений В. Ф. Эрн и Е. Н. Трубецкого определялась целым рядом специфических обстоятельств. Нужно помнить не только о том, что В.Ф. Эрн (1882 — 1917) и Е.Н. Трубецкой — люди разного возраста, разных поколений. Важно, что Эрн — студент кн. С.Н. Трубецкого (старшего брата Евгения Николаевича), студент заинтересованный, внимательный и благодарный. На предыдущей конференции, посвященной С.Н. Трубецкому (МГУ, октябрь 2012 г.), докладчик попытался показать, что именно в наследии С.Н. Трубецкого было востребовано Эрном и получило специфическое продолжение и реализацию в его собственной концепции «логизма» (связанное с протестантизмом акцентирование *субъекта* и исторически прослеживаемая идея Логоса). Вместе с тем В.Ф. Эрн был, похоже, достаточно равнодушен к философским идеям Е.Н. Трубецкого, т.е. история взаимоотношений, особенно со стороны Е.Н. Трубецкого, это, скорее, история ряда конфронтаций: несогласие Е.Н. Трубецкого с первоначальным вариантом коллективного программного заявления группы «Путь», полемика с Эрном, касающаяся источников мировоззрения Г.С. Сковороды; спор о теории познания В.С. Соловьева; разногласие по поводу метода историко-философского исследования. Более подробно в своем докладе автор остановился на полемике об источниках философских взглядов Г.С. Сковороды (понятие «микрокосм», влияние немецкой мистики, отражение этой темы в позднейших работах Д.И. Чижевского и т.д.). Тем не менее, можно заметить, что первоначальный критический настрой Е.Н. Трубецкого по отношению к Эрну постепенно сменился более благожелательным режимом взаимоотношений и взаимодействий (в период работы над коллективным «путевским» сборником о религии Л.Н. Толстого и началом занятий Эрн и итальянской философией), которые, впрочем, вновь осложнились с началом Первой мировой войны в период напряженных дискуссий о ее смысле.

С.А. Нижников в своем выступлении относительно спора о пантеизме в русской философии сформулировал три этапа в развитии отечественной мысли. Первым этапом является философия Вл. Соловьева, который и задал данную полемику. Второй период автор соотносит с творчеством Е.Н. Трубецкого, который, с одной стороны, заимствует у Вл. Соловьева от-

дельные идеи, а с другой стороны — пытается их как-то интерпретировать и развить. И третий этап связан с творчеством А.Ф. Лосева, который объединяет в своем новом синтезе разнообразные течения и как бы завершает в определенном смысле логику развития данной проблемы.

Третья группа докладов была посвящена общественно-политическим взглядам Е.Н. Трубецкого. В нее вошли доклад к.ф.н., проф. Московской духовной академии **Н.К. Гаврюшина** и доклад к.ф.н., доц. кафедры истории философии НИУ — ВШЭ **А.В. Михайловского**.

Н.К. Гаврюшин подчеркнул тот огромный вклад, который Е.Н. Трубецкой внес двумя своими диссертациями о блаженном Августине и о папе Григории VII в русскую религиозно-философскую мысль. Первая работа «Миросозерцание блаженного Августина» возникает как реакция на две существовавшие на тот момент крайние религиозно-политические концепции. Это, с одной стороны, филокатолическая теократическая утопия Вл. Соловьева, а с другой — легенда об антихристе Ф.М. Достоевского. Автор особо отметил, что такого масштаба исследования как богословско-философской, так и общественно-политической деятельности блаженного Августина до появления монографии Е.Н. Трубецкого в России не было. Соответственно, не было анализа его религиозно-общественного идеала, не было анализа генезиса этого идеала, который так важен для понимания взаимоотношения Русской Православной и Римско-Католической Церквей в эпоху после Второго Ватиканского собора.

А.В. Михайловский в своем выступлении обратил внимание на то, что Евгений Трубецкой, в отличие от своего старшего брата Сергея, обнаружил в своем творчестве более сильную приверженность к практической философии, которая имеет дело как раз с общественными идеалами, рассмотрением условий правильного социального и политического действия. Переворачивая известное определение «*политик в философии*», данное князю Евгению Николаевичу А.А. Носовым, автор называет Е.Н. Трубецкого прежде всего «*философом в политике*» и пытается показать, как философ разрабатывает политические темы, из каких предпосылок исходит, к какому идеалу стремится и насколько эта разработка политических схем оказывается успешной в плане той задачи, которую докладчик обрисовал как формирование *русской национальной солидарности*.

Еще одна группа докладов была посвящена одной из последних работ Е.Н. Трубецкого «„Иное царство“ и его искатели в русской народной сказке». Эту группу составили доклад **Е.А. Либерман** (РГГУ), доклад **О.М. Седых** (МГУ) и доклад **И.Н. Гаврюшина** (ГМИИ им. А.С. Пушкина). Эти доклады относятся к области прикладной философии или, точнее, к тому, что сейчас называют «культурология».

Последние три доклада были посвящены архивным изысканиям. Они относятся скорее не к философской, а к источниковедческой работе. **А.В. Соболев** (ИФ РАН) в своем докладе рассказал о традициях и духовной атмосфере в семье Трубецких, благодаря которой только и могли появиться на свет сразу три выдающихся философа — Сергей, Евгений и Николай Трубецкие. **Т.Н. Резвых** (ПСТГУ) цитировала переписку С.Н. Дурылина с В.В. Разевигом периода Религиозно-философского общества, где обсуждалась реакция Е.Н. Трубецкого на творчество его современников, а также

переписку С.Н. Дурылина с М.К. Морозовой более позднего периода. И в завершении заседания иерей *Георгий Белькинд* рассказал об обнаруженных им машинописных текстах и рукописях Е.Н. Трубецкого, находящихся в Центральном государственном историческом архиве Украины г. Киева, которые уже описаны и готовятся к публикации. После выступлений докладчиков был обсужден широкий круг вопросов, относящихся к теме конференции. Было много вопросов по поводу архивных материалов в г. Киеве, рассматривались версии попадания этих текстов в киевский архив, уточнялись факты переписки, биографические детали, намечались перспективные направления будущих исследований.

После конференции в РГГУ группа ее участников выехала в г. Новороссийск, где 7 октября в здании Морской государственной академии им. Ушакова состоялась региональная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Е.Н. Трубецкого. Аудитории были представлены доклады *А.В. Черняева* «Пути русской мысли: от метафизики всеединства к неопатристическому синтезу (кн. Е. Трубецкой и прот. Г. Флоровский)», *А.А. Федулаева* «Е.Н. Трубецкой — критик теократических воззрений Вл. Соловьева», *Е.Б. Ериной* «Понятие свободы в философии Е.Н. Трубецкого», *А.И. Дзема* «Критика Н. О. Лосским и Е. Н. Трубецким гносеологии И. Канта», *Н.В. Серовой* «Диалектика вечного и временного в концепции Е.Н. Трубецкого и в русской философии» и др.

Подводя итоги работы конференции, президент Образовательного фонда имени братьев Сергея и Евгения Трубецких иерей Георгий Белькинд подчеркнул, что в философских кругах продолжает жить «семейный миф» Трубецких: из двух братьев философом является старший — Сергей, а Евгений считается общественным деятелем. «Нам хотелось сломать этот устоявшийся стереотип и показать Евгения Николаевича как оригинального русского религиозного философа. И это получилось!»

МАКС ШЕЛЕР И СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ

(К 140-летию со дня рождения)

**Институт философии РАН и журнал «Философские науки»
приглашают Вас принять участие в научной конференции
«Макс Шелер и современная философия»**

Москва, Институт философии РАН, 2 – 3 октября 2014 г.

«Трудно поверить. Однако если сегодня спросить интересующегося философией молодого человека или даже возрастом постарше, он вряд ли уже будет знать, кто такой Шелер. Ему может смутно вспомниться, что тот был католическим мыслителем, написавшим влиятельную работу о “материальной этике”, и что каким-то образом принадлежал к основанному Гуссерлем феноменологическому движению. И еще может вспомниться ему, что идеи Шелера будто бы продолжил Хайдеггер. Однако присутствие Шелера в современном философском сознании не сопоставимо с присутствием Гуссерля или Хайдеггера. Почему? Кем был этот человек?»

Г.-Г. Гадамер

Строки, написанные Гадамером сорок лет тому назад, во многом сохраняют свое значение и сегодня. Макс Шелер (22 августа 1874 – 19 мая 1928) предложил революционные идеи в самых разных областях: феноменологии, этике, социологии, философии религии. Его по праву считают одним из основателей философской антропологии. Предложенный Шелером анализ чувственной и эмоциональной жизни сохраняет свое значение и по сей день, обнаруживая иногда неожиданные параллели в когнитивных науках. Однако богатый и щедрый на идеи, Шелер не стремился к созданию собственной философской школы. Возможно, по этой причине количество исследований, посвященных этому мыслителю, не сопоставимо с влиянием, которое его идеи оказали на современную философию.

Мы надеемся это изменить.

На конференции предполагается обсудить следующие темы:

- Этические воззрения Шелера;
- Вклад в феноменологию познания;
- Политическая теория;
- Социология знания;
- Учение о человеке и философская антропология;
- Теория метафизики Шелера.

Оргкомитет: max.scheler.2014@gmail.com

Наши авторы

Ахромеева Татьяна Сергеевна – научный сотрудник Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, кандидат физико-математических наук.

Давыдов Алексей Платонович – главный научный сотрудник Института социологии РАН, доктор культурологии.

Джохадзе Игорь Давидович – заведующий сектором современной западной философии Института философии РАН, кандидат философских наук.

Дубровский Давид Израилевич – сопредседатель Научного совета РАН по методологии искусственного интеллекта, главный научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, доктор философских наук, профессор.

Киященко Николай Иванович – ведущий научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН, доктор философских наук.

Лебедев Сергей Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры философии Институт переподготовки и повышения квалификации при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова.

Лисеев Игорь Константинович – заведующий Центром био- и экофилософии Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

Малинецкий Георгий Геннадьевич – заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, профессор, доктор физико-математических наук.

Михайлов Игорь Анатольевич – старший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН, кандидат философских наук.

Пирожкова Софья Владиславовна – младший научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, заведующая отделом истории и социологии науки журнала «Вестник РАН», кандидат философских наук.

Посашков Сергей Александрович – декан факультета «Математические методы и анализ рисков» Финансового университета при Правительстве РФ, доцент, кандидат физико-математических наук.

Степанянц Мариэтта Тиграновна – Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник и зав. кафедрой ЮНЕСКО «Философия в диалоге культуры» Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

Степин Вячеслав Семенович – академик РАН, зам. академика секретаря Отделения общественных наук (ООН) РАН, руководитель секции философии, социологии, психологии и права.

Толстых Валентин Иванович – главный научный сотрудник сектора этики Института философии РАН, профессор, доктор философских наук.

Фалёв Егор Валерьевич – доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат философских наук.

Федулаев Александр Анатольевич – секретарь Образовательного фонда имени братьев Сергея и Евгения Трубецких (Москва).

Шевченко Владимир Николаевич – ведущий научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН, профессор кафедры философии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор философских наук.

About the Authors

Akhromeeva, Tatiana – staff scientist (Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences), PhD.

Davydov, Alexey – leading staff scientist (Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences), PhD.

Dubrovsky, David – co-chair of the Scientific Council on Artificial Intelligence Methodology (Russian Academy of Sciences), principal staff scientist (Institute of Philosophy, RAS), professor, PhD.

Dzhokhadze, Igor – head of the Department of Contemporary Western Philosophy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), PhD.

Falev, Egor – professor (Lomonosov Moscow State University), PhD.

Fedulaev, Alexander – secretary of the Sergei and Evgeny Trubetskoy Educational Foundation (Moscow).

Kiyaschenko, Nikolay – leading staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), PhD.

Lebedev, Sergey – professor (Institute of Retraining and Professional Development at the Lomonosov Moscow State University), PhD.

Liseev, Igor – head of the Department of Bio- and Ecophilosophy (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), professor, PhD.

Malinetsky, Georgy – head of the department (Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences), professor, PhD.

Mikhaylov, Igor – senior staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), PhD.

Pirozhkova, Sophia – junior staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), head of the Department of History and Sociology of Science (Journal *The Herald of the Russian Academy of Sciences*), PhD.

Posashkov, Sergey – dean of the Faculty of Mathematical Methods in Economics and Risk Analysis (Financial University under the Government of the Russian Federation), PhD.

Shevchenko, Vladimir – leading staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), PhD.

Stepanyants, Marietta – Honoured science figure of the Russian Federation, principal staff scientist and holder of the UNESCO Chair for Philosophy in the Dialogue of Cultures (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), professor, PhD.

Stepin, Vyacheslav – full member of the Russian Academy of Sciences (RAS), deputy academician-secretary of the Branch of Social Sciences of RAS, head of the Section of Philosophy, Sociology, Psychology, and Law of RAS.

Tolstykh, Valentin – principal staff scientist (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences), professor, PhD.

CONTENTS

HUMANITIES AND SOCIAL KNOWLEDGE. NEW METHODOLOGICAL PARADIGMS

From the History and Methodology of Science ■

On the Anniversary of V.I. Vernadsky

V.S. STEPIN	Methodological Ideas of V.I. Vernadsky and Science of the 21 st Century	7
I.K. LISEEV	A Scientist Ahead of His Time	22

Philosophy and Science ■

T.S. AKHROMEEVA, G.G. MALINETSKY, S.A. POSASHKOV	Conceptions of the Postnonclassic and Development of Scientific Knowledge in the 21 st Century	30
S.A. LEBEDEV	Basic Paradigms of Epistemology and Philosophy of Science	47

Prospects for Social Cohesion ■

Round Table

Mediation as a Social and Cultural Category Part 5. (*To be continued*)

Participants: A.P. Davydov, V.G. Fedotova, Z.T. Golenkova, V.F. Khrustov, I.M. Klyamkin, I.V. Kondakov, A.A. Pelipenko, V.V. Petukhov, V.M. Rozin, A.V. Tikhonov, I.N. Trofimova, G.L. Tulchinsky, I.G. Yakovenko, A.V. Zhavoronkov, A.S. Zheleznyakov		64
--	--	----

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Foreign Philosophy. Modern View ■

E.V. FALEV	Deduction of Time in the Heidegger's Works of the <i>Being and Time</i> Period	84
------------	--	----

HISTORY IN EVENTS: A PHILOSOPHICAL REFLECTION

On the 20th Anniversary of the Russian Foundation for Humanities ■

M.T. STEPANYANTS	Going to New Frontiers	100
N.I. KIYASCHENKO	Book Review: Ideology and the Processes of Social Modernisation (Moscow. 2013)	116

PHILOSOPHERS OF THE PRESENT AGE

Anniversary Studies ■

On the Anniversary of Piama P. Gaidenko

I.A. MIKHAYLOV	The Evolution of Russian Philosophical Culture. P.P. Gaidenko's Contribution	120
----------------	--	-----

David I. Dubrovsky: 85th Anniversary!

S.V. PIROZHKOVA	Philosophy and Karate-Do. The Way to Yourself	125
-----------------	---	-----

Valentin I. Tolstykh: 85th Anniversary!

V.N. SHEVCHENKO	Through Dialogue to the Comprehension of an Epoch: An Intellectual Devotion of Valentin Tolstykh	141
V.I. TOLSTYKH	An Experience of Social Autobiography of Individual (From a New Book of Memories)	148

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, Seminars, Round Tables ■

A.A. FEDULAEV	«Prince Evgeny Nikolaevich Trubetskoy's Reason for Being» (<i>On the 150th Anniversary of the Birth</i>)	151
	Max Scheler and Contemporary Philosophy (<i>On the 140th Anniversary of the Birth</i>)	157
	■	
	About the Authors	159
	■	
	Contents	160